

НА ЮГО-ВОСТОЧНЫХ РУБЕЖАХ АЗИАТСКОГО БОСПОРА

**Москва-Новороссийск
2005**

НА ЮГО-ВОСТОЧНЫХ РУБЕЖАХ АЗИАТСКОГО БОСПОРА

научно-популярный сборник,
посвященный пятидесятилетию начала
исследований
Н.А. Онайко на Раевском городище

Составитель к.и.н. А.А. Малышев

На юго-восточных рубежах азиатского Боспора

Содержание

Блаватская Т.В. «Антиковед, исследователь проблемы греко-варварских взаимоотношений Надежда Анисимовна Онайко (12.VIII.1921-17.X.1983 г.)»	4
Дмитриев А.В. Н.А «Онайко – учитель и коллега»	6
Население полуострова Абрау в архаическую эпоху и Великая греческая колонизация	
Дмитриев А.В., Малышев А.А. «Синды, тореты, керкеты»	10
Малышев А.А. «Древние греки и аборигенное население (архаический Торик)»	13
Дмитриев А.В., Малышев А.А. «Некрополи аборигенного населения у пос. Большие Хутора, в Цемдолине и на Шесхарисе»	18
Шишлов А.В., Федоренко Н.В., Колпакова А.В., А.П. Кононенко «Владимировский могильник - новый памятник скифского времени в Цемесской долине»	22
Новичихин А.М. «Могильник у х. Рассвет – некрополь аборигенного населения Северо-Западного Кавказа эпохи греческой колонизации»	29
Медникова М.Б. «Палеопопуляция Малого Утриша: типичные прибрежные жители»	36
Розанова Л.С., Терехова Н.Н. «Технико-технологическая характеристика кузнецких изделий античного времени из окрестностей Новороссийска»	39
Малышев А.А., Равич И.Г. «О находках элементов защитного вооружения в Цемдолинском могильнике»	42
Раевское городище опорный пункт боспорян на юго-востоке	
Малышев А.А., Гольева А.А., Демичев К.А., Мамонова И.Ю., Клемешов А.С., Яковлева Е.А. «Раевское городище: полвека археологических исследований»	49
Спиридонова Е.А. «К вопросу о изменениях природно-климатической ситуации в предгорьях Северо-Западного Кавказа: по данным раскопок Раевского городища»	53
Малышев А.А. «О населении Раевского городища в эллинистическую эпоху»	56
Демичев К.А., Честных Д.В. «Хора Раевского городища»	57
Малышев А.А. «О значении находок античных монет в предгорьях Северо-Западного Кавказа (окрестности ст. Раевская)»	59
Рукавишников Д.В. Применение методов дистанционного зондирования для определения внутренней структуры Раевского городища	62
Антипина Е.К.Е. «Кости животных на античных памятниках полуострова Абрау: реконструкция мясной диеты»	66
Лебедева Е.Ю. «Сравнительный анализ археоботанических материалов с памятников античного времени Северо-Западного Кавказа»	72
Вязкова О.Е., Третьюхина Н.С. «Новое о фортификации и домостроительстве на Раевском городище в эпоху античности»	80
Юго-восточная периферия азиатского Боспора в римское время	
Дмитриев А.В., Малышев А.В. «Мысхакское поселение – античный центр Бата на Торетском мысу»	88
Гей А.Н., Малышев А.А., Савченко Е.И. «Погребение раннеримской эпохи на Торетском мысу»	92
Гольева А.А., Малышев А.А. «Многовековая история Цемдолинского поселения»	95
Вязкова О.Е., Малышев А.А. «Участок боспорской сигнально-сторожевой системы на полуострове Абрау: результаты комплексных исследований»	97

От составителя

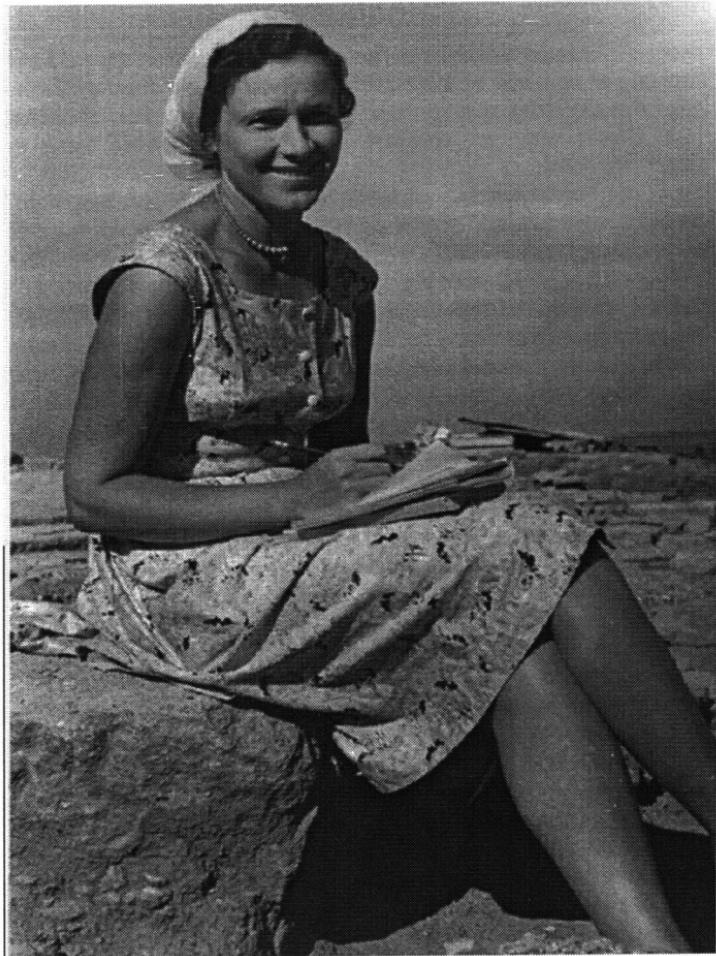
Начиная полевые исследования в 2005 г., мы бы хотели отметить этот своеобразный юбилей в истории археологического изучения окрестностей г. Новороссийск – 50-летие начала работ Н.А. О나ико на Раевском городище - выходом небольшого научно-популярного сборника. Практически четверть века своей жизни Н.А. Онаико отдала изучению древностей этого региона.

В этом сборнике освещены основные направления и результаты современных исследований в окрестностях г. Новороссийск (полуострова Абрау). Приятно осознавать, что многое из того, что сделано, имеет прочный фундамент, заложенный в свое время трудами Надежды Анисимовны Онаико.

In memoriam

Электронная библиотека ИА РАН: <https://www.archaeolog.ru/tu/el-bib>

АНТИКОВЕД, ИССЛЕДОВАТЕЛЬ ПРОБЛЕМЫ ГРЕКО-ВАРВАРСКИХ
ВЗАИМООТНОШЕНИЙ
НАДЕЖДА АНИСИМОВНА ОНАЙКО
(12.VIII.1921-17.X.1983 г.)

На юго-восточных рубежах азиатского Боспора

В июле 1955 г. Н.А. Онайко закончившая аспирантуру в ИИМК'е (с 1959 г. – Институт археологии АН СССР) было послана своим научным руководителем проф. В.Д. Блаватским самостоятельно исследовать Раевское городище в тогда Анапском районе (ныне земли г.Новороссийск).

В 1955 г. Н.А. Онайко прибыла на Раевское городище с небольшой группой студентов и сразу привлекла в экспедицию сотрудников Новороссийского краеведческого музея. Последние привезли двух школьников из кружка краеведения. Одним из них был Александр Васильевич Дмитриев, впоследствие – ученик и коллега самой Н.А. Онайки.

На обширном Раевском городище исследовательница заложила несколько раскопов. Главной задачей этих работ было раскрытие стен и ворот крепости. Уже первый год изучения этого памятника показал, что данный пункт был основан как важное звено в системе восточной оборонительной линии. В последующие кампании Н.А. Онайко открыла большое здание общественного назначения, украшенное фресковой росписью.

Следует отметить, что материалы из раскопок Н.А. Онайко во многом заложили основу археологической коллекции Новороссийского государственного исторического музея-заповедника (НГИМЗ).

С 1956 г. Н.А. Онайко участвовала в больших экспедициях – в Пантикееве (1956-1958), в Аполлонии Иллирийской (Албания 1958-1960). В 1955 -1982 гг. она возглавляла Новороссийско-Геленджикскую археологическую экспедицию. Всюду ей приходилось вести большую организационно-административную работу. Но ученая не прекращала большой научной деятельности. Ею напечатан около 80 печатных работ.

Изучение обширных коллекций античного импорта, происходящих с памятников Побужья и Поднепровья позволили Н.А. Онайко сделать основательные общие выводы по истории и культуре северопонтийских эллинов и соседних с ними скифских племен Среднего Поднепровья.

Обладавшая незаурядными художественными способностями исследовательница аргументировано анализировала памятники искусства из Поднепровья и Прикубанья и выделила ряд крупных течений в культурном развитии северопонтийских эллинов и соседних им местных племен. Вместе с тем ученая уделяла большое внимание экономическим связям эллинства и местного населения в разных районах Северного Причерноморья.

Строго логичный подход исследовательницы к изучаемой теме позволил ей выдвинуть основательные обобщения по истории племенного мира предгорий Северо-Западного Кавказа.

Последняя ее книга – «Архаический Торик» ввела в антиковедение данные о градостроительстве обитателей этого раннего эллинского центра.

Многолетние труды Н.А. Онайко заслуженно поставили ее в один ряд со старшими нашими антиковедами. Ее общие и частные суждения, твердо обоснованные и охватывающие широкий круг проблем, получили достойное признание в среде антиковедов.

В последний год жизни Надежда Анисимовна уже подготовила текст своей большой работы, которую она готовилась защитить в качестве докторской диссертации. Но тяжелая неизлечимая болезнь быстро сокрушила ее.

На юго-восточных рубежах азиатского Боспора

д.и.н. Т.В. Блаватская (Москва)

Список основных работ Н.А. Онейко

- Античный импорт в Приднепровье и Побужье в IV-III вв.до н.э. 1976. М. 212 С.
Античный импорт в Приднепровье и Побужье в VII-V веках до н. э. 1966. М. 117 С.
Эллинистическое здание Раевского городища и его место в архитектуре Боспора //
СА. 1967. №2.
О воздействии греческого искусства на меото-скифский звериный стиль // СА.
1976. №3. С.76-86
Сторожевые посты в окрестностях Бат и некоторые вопросы социально-
экономической и политической истории юго-восточной окраины Боспора на рубеже
нашей эры // ВДИ. 1982. № 2. С.106—122. (в соавт. с А. В. Дмитриевым)
К истории Бат // ВДИ. 1978. № 1. С. 107-118.
Архаический Торик Античный город на северо-востоке Понта. 1980. М. 179 С.

На юго-восточных рубежах азиатского Боспора

Н.А. ОНАЙКО – УЧИТЕЛЬ И КОЛЛЕГА

Мы познакомились с Надеждой Анисимовной в 1954 году на Раевском городище во время моего непродолжительного пребывания в экспедиции Владимира Дмитриевича Блаватского. А с 1955 года, когда Н.А.Онайко возглавила сначала Новороссийский отряд, а затем Новороссийскую и Новороссийско-Геленджикскую экспедиции, я работал или как-то принимал участие практически во всех её экспедициях в Новороссийске и Геленджике. Именно общение с Надеждой Анисимовной определило мою судьбу. Благодаря ей я стал археологом.

Н.А. Онайко на раскопках Раевского городища (1956 г.)
с группой школьников из Новороссийска.
Крайний слева, в верхнем ряду А.В. Дмитриев.

Сейчас, когда за плечами многие десятки собственных экспедиций, могу представить, как тяжело давались ей первые раевские раскопки. У отряда не было машины. Жили в заброшенных пасеках, каких-то развалившихся стенах. Воду брали в жалких родничках, которые расчищали сами. В лагере 3-4 женщины и один четырнадцатилетний мужчина – это я. Кроме Надежды Анисимовны там обычно была её дочь Алла, кто-нибудь из сотрудников Новороссийского музея (Т.Б. Тишкова (Маева), Т.М. Тимченко, Э.М. Гущина в разные годы побывавшие там), иногда студентки-практикантки Рабочая сила в поле - местные подростки вроде меня. Для перевозки оборудования просили грузовик в совхозе. Позже всё наладилось, появилась машина, соответствующее снаряжение.

Раскопки Раевского городища дали прекрасный материал, солидные архитектурные сооружения. Надежда Анисимовна мечтала о полном исследовании памятника. Мы пытались обнаружить некрополь. Но после

перерыва, связанного с работами в Албании, ей уже не удалось возвратиться в Раевскую.

Началось крупномасштабное обследование окрестностей Новороссийска и Геленджика. Результаты были удачны. В Широкой Балке Надежде Анисимовне удалось обнаружить поселение, в котором в 1898 г. был найден бюст Динамии. Там нашли бронзовую римскую гирю в виде женского бюста, обнаружили каменные остатки богатой загородной виллы, как предположила Надежда Анисимовна. Разведками открыты десятки античных поселений в окрестностях Новороссийска и Геленджика. Затем раскопки каменных античных зданий на Мыхахо (под Колдуном), Владимировке, Цемдолине.

Трёхлетние раскопки на Тонком мысу в Геленджике дали возможность полностью исследовать поселение VI-V в. до н. э. Надежда Анисимовна предположила, что это остатки Торика.

Надежда Анисимовна дала мне характеристику на получение Открытого листа. Мы мирно делили памятники и материал. Античность я отдавал ей, она мне средневековье и всё, что не относилось к античности. Коллекции передавались в Новороссийский краеведческий музей (кроме разведок и первого года раскопок в Геленджике). Случались, правда, и напряжённые моменты. Так Надежда Анисимовна считала, что уникальная фигурная гиря из раскопок в Широкой Балке должна храниться в Эрмитаже, где находился найденный там же бюст Динамии и другие бронзовые предметы. Я настаивал на передаче её в Новороссийск. Когда находки из Широкой балки были привезены в Новороссийск, гири там не было. Я только спросил: «Гиря?» Надежда Анисимовна ответила, что отдала её в Эрмитаж. Не помню, сказал ли я ей что-то или только посмотрел, но она тут же достала из сумки гирьку и передала мне, высказав, однако, своё мнение. Так случилось, что позже сотрудники Эрмитажа нашли возможность передать редкие дореволюционные находки из Широкой Балки (кроме бюста Динамии) в Новороссийск. Так что коллекция «воссоединилась» в Новороссийском краеведческом музее. Аналогичная ситуация была и с редким статуэром Котиса I из Мыхахо. Надежда Анисимовна хотела передать его в ГИМ, где находился его двойник.

Раскопки некрополей в Мыхахо и Широкой Балке давали превосходный материал, но Надежда Анисимовна копала их без особого энтузиазма, говорила, что не любит копать могильники. Как-то я спросил её об этом. Она ответила, что боится, что для неё это плохо кончится. Вскоре она заболела. Некрополь в Широкой Балке мы докапывали уже с А.А.Масленниковым.

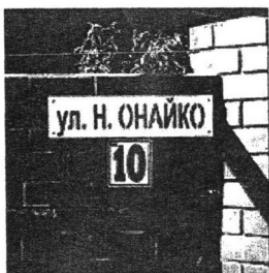
Незадолго до её кончины, будучи в Москве перед поездкой на конференцию в Ростов, я навестил Надежду Анисимовну. Она лежала дома, была слаба. Говорила о планах, работе. Узнав, что еду на конференцию, просила не рассказывать о её болезни. Мол, будут жалеть, обсуждать, а я этого не люблю. Через три дня в Ростове в беседе с московскими коллегами узнал о смерти Надежды Анисимовны. Я уверял их, что этого не может быть, я её видел перед самым отъездом. Все стали сомневаться. Я позвонил в Москву - худшее подтвердилось.

Надежда Анисимовна была весёлым, жизнерадостным человеком. В экспедиции всегда старалась улучшить быт сотрудников, вникала во все

На юго-восточных рубежах азиатского Боспора

проблемы, помогала во всём. Правда, иногда была принципиальна и строга. Тихими летними вечерами она любила смотреть на звёздное небо, отыскивая спутники. И каждый, обнаруживший новый объект, мог получить из рук начальника приз – пригоршню семечек. В её экспедициях проходили практику многие студенты и аспиранты (в частности, Ю.Г. Виноградов, И.Р. Пичикян, А.В. Кашкин и другие). Многие годы в новороссийских экспедициях работал А.А. Масленников. Надежда Анисимовна охотно делилась опытом, учила нас, начинающих археологов, но не помню, чтобы она пыталась навязать мне своё мнение. После публикации её статьи «Юго-восточная окраина Боспора» я высказал своё мнение по некоторым вопросам. Она сказала: «Что ты мне пытаешься доказать? Напиши всё это, и другие нас рассудят».

Надежда Анисимовна оставила заметный след в истории Новороссийска. Все коллекции из её раскопок хранятся и по мере возможности экспонируются в Новороссийском историческом музее-заповеднике. Часть материалов опубликована. Дочь Надежды Анисимовны – А.Н. Шашкова передала музею архив, награды, личные вещи, связанные с деятельностью в Новороссийске, научную библиотеку матери.

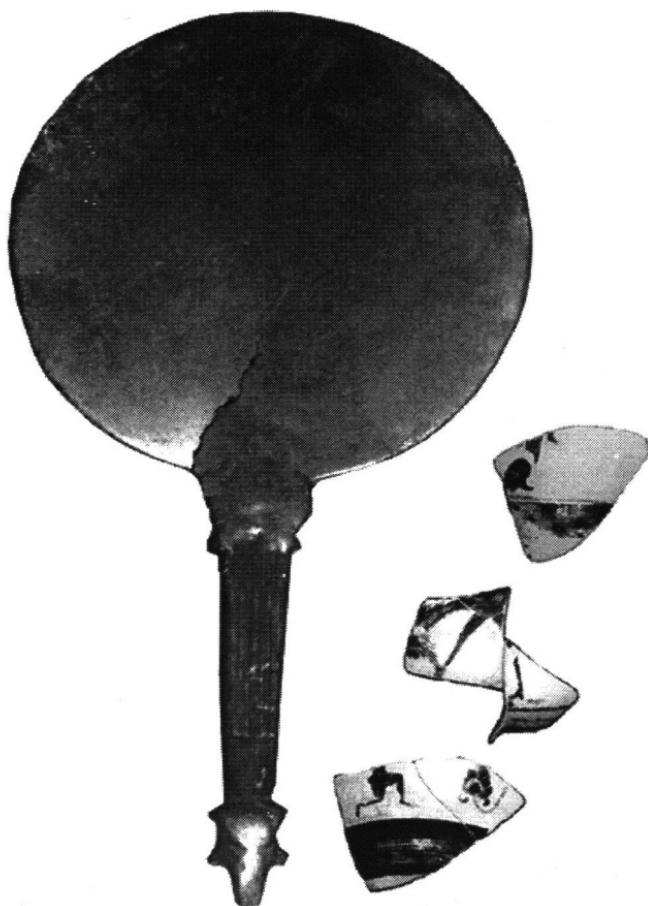

Одна из улиц города названа именем археолога Н. Онайко. Это дань памяти человеку, много сделавшему для изучения древней истории Новороссийска.

А.В. Дмитриев (Новороссийск)

На юго-восточных рубежах азиатского Боспора

НАСЕЛЕНИЕ ПОЛУОСТРОВА АБРАУ
В АРХАИЧЕСКУЮ ЭПОХУ И
ВЕЛИКАЯ ГРЕЧЕСКАЯ КОЛОНИЗАЦИЯ

СИНДЫ, ТОРЕТЫ, КЕРКЕТЫ

Регион, расположенный к югу и частично к юго-востоку от Таманского полуострова, включает в себя несколько ландшафтных зон: равнину, предгорья и горы, прорезаемые долинами и ущельями. На равнинной территории локализуют Синдику: страну, населенную синдами или город. У целого ряда древних авторов под Синдикой подразумевается вся территория азиатского Боспора (Anon., PPE, 65; Ps.-Arr. 65/24; Steph.Byz. s.v.), что позволило предположить проживание синдов и на Таманском полуострове, хотя в других источниках – это явно отдельная территория к востоку от полуострова. Пространства расположенные по побережью южнее (предгорная и горная зоны) заселены, согласно древним авторам, торетами и керкетами (Polyaen, Strateg. 8, 55; Diod. XX, 25; Strabo, II, 10).

Первые описания этого региона, а, следовательно, и появление обитавшего здесь населения на исторической арене связано с освоением северокавказского побережья Черного моря древними греками. Наиболее тесные взаимоотношения греческие колонисты наладили с более миролюбивыми синдами (Блаватский В.Д., 1985, 55-58), с тех пор их политическая история неразрывно связана с историей Боспорского государства (Polyaen, Strateg., 8, 55.). Синдским политическим центром совершенно обоснованно считают Лабрит (Семибратье городище) (позднее, возможно, Аборака (Блаватская Т.В., 1993, 34-47)).

По сведениям древних авторов, в VI-I вв. до н.э. на территории от Горгиппии (Анапы) до Торика (Геленджик), юго-западнее синдов, обитали племена керкетов и торетов (Ps.-Skyl. 72-75; Strabo XI 2, 1; Plin. NH. VI. 17). Причем, согласно Псевдо-Скилаку (IV в. до н.э.) керкеты живут ближе к Синдской гавани, далее тореты и эллинский город Торик с гаванью (Ps.-Scyl., Peripl. 72-75). О географической близости этой территории к Боспору свидетельствует и титулatura боспорских правителей IV в. до н.э. Отсутствие упоминания здесь керкетов объясняет, возможно, сообщение безымянного перипла о том, что керкеты и тореты являлись единой этнической общностью (Anon., PPE, 63, 65.).

ТERRITORIA предгорий - единый геоморфологический район, получивший название полуостров Абрау - ограничена с севера долиной р.Катлама, с востока – Маркотхским хребтом, с юга и запада – Черным морем. На полуострове выделяется юго-западная часть со среднегорным рельефом, переходящим в глубь континента в низкогорный и слабохолмистый. Расположение горных массивов предопределило формирование на небольшой территории сложной речной системы. Во-первых, на севере - бассейн реки Катламы с крупным левым притоком Маскагой, впадающим в море в районе Анапы. Во-вторых, в юго-восточном направлении сток обеспечивает Цемес, образовавший глубокую и широкую долину, в которой расположен Новороссийск. В-третьих, на черноморское побережье выходит большое количество коротких щелевидных долин временных и постоянных водотоков, отделенных от долин Катламы и Цемеса цепью хребтов.

Климат района мягкий с положительной среднегодовой температурой воздуха и почвы. Рельеф заметно влияет на закономерности распределения осадков, поэтому различные районы имеют разную увлажненность. Характерной

особенностью климата в районе Новороссийска являются сильные северо-восточные ветры (норд-осты), наблюдаемые в основном зимой, которые достигают 50 м/с и сопровождаются резким падением температуры.

Материалы из античного поселения Торик, основанного греками у входа в Геленджикскую бухту, свидетельствуют о начале освоения кавказского побережья греческими колонистами во второй четверти - середине VI в. до н.э.¹. Значение этого поселения, первоначально станции на пути греческих кораблей к Боспору Киммерийскому, на протяжении довольно продолжительного периода существования (VI-V вв. до н.э.), по всей видимости, менялось.

Регулярные контакты с греками в последней четверти VI в. до н.э. аборигенного населения предгорий подтверждаются находками предметов античного импорта.

Также как и синды, номинально керкеты и тореты были подчинены Боспору еще при боспорском царе Левконе I, во второй четверти IV в. до н.э., однако тесные экономические связи, судя по монетным находкам, устанавливаются лишь в последней трети IV в. до н.э. В этом смысле целесообразно напомнить, что, судя по упоминаниям в титулature боспорских правителей Левкона I (389/8-349/8 гг. до н.э.) и Перисада I (344/3-311/0 гг. до н.э.) о торетах, как о подвластном народе², население предгорий было вовлечено в орбиту боспорского влияния в конце V - IV в. до н.э. Не исключено, что титулatura отражает и тот факт, что система взаимоотношений между боспорянами и торетами, на землях которых в архаическую эпоху было основано греческое поселение Торик, значительно отличалась от керкето-боспорских.

Большая часть известных нам археологических памятников аборигенного населения предгорий - могильников - датируется в пределах VI - IV вв. до н.э., что косвенно свидетельствует о довольно высокой плотности населения.

Захоронение могло совершаться либо на древнем горизонте, обычно в каменном ящике из больших песчаниковых плит, либо в неглубокой грунтовой яме. Лучше других, пожалуй, сохранились погребальные сооружения могильника, расположенного на черноморском побережье в устье Лобановой Щели. Каменные ящики - в основном семейные усыпальницы - были сооружены на древней дневной поверхности и окружены башнеобразными конструкциями, сложенными без связующего раствора из крупных необработанных камней или морских валунов. Каменные ящики, впущенные в курганные насыпи засвидетельствованы на "синдских" могильниках (в окрестностях Анапы).

Так же как и в "синдских" могильниках побережья (окрестности Горгиппии (Анапы)), "классической" формой являются либо парные, по-видимому семейные, или асинхронные коллективные захоронения тоже родственников с ориентировкой тела в восточном секторе. Захоронения в грунтовых ямах, как правило, с иной ориентировкой, а также индивидуальные детские или

¹ Находки античной керамики на берегах Цемесской бухты, где, как известно, локализуют античные поселения Пагра и Бата-гавань позволяет предположить, что Торик был не единственным опорным пунктом греческих колонистов в этом регионе.

² Корпус Боспорских надписей: №6, 6а, 39, 40, 1014, 1037, 1038, 1042

подростковые, могут объясняться сложной системой гендерных отношений (межродовых, межплеменных и возрастных различий).

Данные о резких различиях в социальном статусе погребенных довольно немногочисленны и могут выражаться в богатстве, разнообразии, прежде всего насыщенности более престижными и дорогостоящими привозными предметами (погребальные комплексы с элементами защитного вооружения и уздечными наборами, украшенными скифской зооморфной пластикой, в Цемесской долине (V-IV вв. до н.э.)) или в размерах погребального сооружения.

О существовании поминальной обрядности, тесно связанной с культом предков, свидетельствуют не только многочисленные находки обломков разбитой столовой (импортной и лепной) и тарной посуды в пространствах между погребальными сооружениями, но и специфические ритуальные комплексы. Как на "синдской" территории, на некрополе у пос. Воскресенский, так и на могильниках керкетов и торетов (в Цемдолине, в Широкой Балке, в окрестностях ст. Раевская) известны находки жертвенных камней - эсхар – в виде каменных плит песчаника с небольшими тщательно обработанными отверстиями диаметром 10-20 см, в которых иногда сохраняется каменная пробка.

В свое время, касаясь происхождения населения предгорий, Ю.С. Крушкоп, отмечала местные, кавказские корни синских погребальных памятников – каменных ящиков внутри кольцевых обкладок, что обосновывается археологическими и

антропологическими материалами. В пользу автохтонности древнего населения окрестностей Горгиппии высказалась Е.М. Алексеева: она считает его составной частью единого этнического массива, расселившегося широко, от Центрального Предкавказья до причерноморского побережья. С другой стороны, обычай погребения внутри каменных кольцевых оград, которые сохраняются до наших дней в виде каменных колец-кромлехов, находит соответствие в индоарийских космогонических представлениях³.

Дальнейшие археологические исследования могильников, расположенных фактически на причерноморском побережье, на землях керкетов-торетов, выявили погребальные сооружения населения предгорий в эпоху бронзы (например, могильник в долине р.Дюрсо). Они характеризуются скорченными захоронениями на галечных подсыпках, обложенных камнями, зачастую в примитивных каменных ящиках.

С другой стороны, формы погребальных сооружений населения предгорий Северо-Западного Кавказа имеют явные параллели в могильниках автохтонного населения гор, южного берега Крыма (крымская мегалитическая культура (тавры) и предгорий, части степи и побережья, в частности, Керченского полуострова (кизил-кобинская культура), что даже позволило предположить их кавказское происхождение. "Синдское" влияние в Крыму прослеживается исследователями и в эллинистическую эпоху.

Основы экономики и особенности быта аборигенного населения (синдов, керкетов и торетов) практически не изучены, что во многом объясняется недостаточной изученностью бытовых памятников местного населения. Почти полное отсутствие ранних поселений аборигенного населения VII-VI вв. до н.э. с достаточно мощным культурным слоем, по-видимому, связано с полуночевым образом жизни, подобно позднейшим обитателям этого региона - адыгам, подвижность которых была обусловлена "потребностями земледелия и кошевого скотоводства и, кроме того, угрозой со стороны враждебных племен".

А.В. Дмитриев (Новороссийск), А.А. Малышев (Москва)

ДРЕВНИЕ ГРЕКИ И АБОРИГЕННОЕ НАСЕЛЕНИЕ (АРХАИЧЕСКИЙ ТОРИК)

Наиболее яркие свидетельства начала освоения кавказского побережья греческими колонистами во второй четверти - середине VI в. до н.э. дают материалы из античного поселения, расположенного у входа в Геленджикскую бухту, на Тонком мысу.

С XIX в. в Геленджикской бухте целый ряд исследователей локализует античный город Торик, по Псевдо-Скилаку город с гаванью (Ps.-Scyl., 76) (Dubois de Montpereux Fr., 1839, p.57,64,106; Ашик А.Б., 1848, с.15). В 1965 г. И.Б. Брашинским проводились исследования северо-западной части Геленджикской бухты, были выявлены слои эллинистического времени. По его предположению, античный Торик следовало искать на Тонком мысу (Брашинский И.Б., 1968, с.70).

³ Гипотеза о языке синдов и меотов, в их числе керкеты и тореты, как индоарийском языковом субстрате на Северном Кавказе имеет своих приверженцев и оппонентов. Согласно другой версии, язык синдов относится к системе абхазо-адыгских языковой группы.

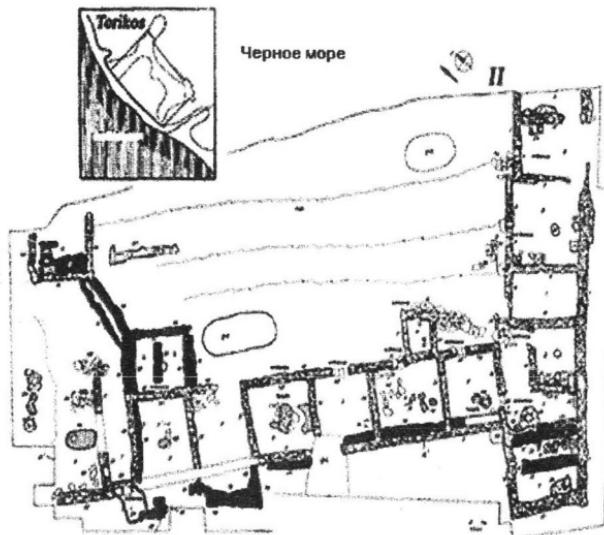
В 1971 г. в ходе разведовательных раскопок Н.А. Онайко было обнаружено античное поселение, получившее условное название Торик. Поселение располагалось на небольшом мысообразном скалистом плато. С северо-запада застройку ограничивал водоток, в древности – река. Значительная часть памятника, по оценкам Н.А. Онайко, была разрушена в результате береговой абразии.

Уцелевшая от разрушения часть поселения исследована полностью. Эта одна из самых яких особенностей этого комплекса – общая масштабность постройки, что не характерно для архаических бытовых памятников Причерноморья. Сопоставимые жилые комплексы получают распространение в Средиземноморье и Причерноморье в эпоху эллинизма. Раскопанный комплекс (общей площадью 1540 м², размер примерно 30x50 м) насчитывает 21 помещение, которые расположены вокруг внутреннего двора размером примерно 24x38 м.

Стены практически целиком были сооружены из местных пород камня: песчаник, также нестойкий к воздействию внешней среды (выветривания) глинистый мергель. Камни в кладках не подвергались дополнительной обработке, в основание стен закладывались более мощные блоки, мелкий камень шел в забутовку и для заполнения пустот между большими камнями. Использовался глинистый раствор.

Каменными плитками на глинистом растворе в ряде случаев был вымощен пол внутри помещений и некоторые проходы.

Сохранность стен различна, в ряде случаев стены сохранились на высоту одного метра и более. Выделяются три типа кладок, использование которых зависело от умения мастера или назначения построек.

Отсутствие черепицы и большого количества обмазки исключает наличие черепичной или глинобитной крыши. Проанализированные образцы углей указывают на использование при строительстве здания, а также для его отопления следующих древесных пород: ясень (*Frakimus*), тополь-осина (*Populus*), вяз (*Ulmus*), клен (*Acer*) и в меньшей мере сосна (*Pinus*).

Прослежено три строительных периода. В первый период были возведены практически 16 помещений здания и один коридор.

Обычные для греческого домостроительства сырцовые и углубленные в землю постройки полностью отсутствуют. Своеобразно и объемно-планировочное решение: фиксируются нарушения геометрической строгости в планировке помещений, отсутствует строгая ориентация. Геологические особенности далеко не всегда оказались учтены: застройка осуществлялась без специальной подготовки грунта. Постройки без каких-либо фундаментов возводились на материковой скале или на скальных выступах, причем дневная поверхность при строительстве не подвергалась нивелировке. Все эти обстоятельства указывают на то, что строительство уже на первом этапе велось с большой поспешностью. Возможно, из-за сжатых сроков строительства сознательно нарушились самые существенные строительные правила. Возведение стен встык или впереплет, по мнению Н.А. Онайко, объясняется стремлением создать сейсмостойкую конструкцию, однако общая небрежность строительства, что отмечено и автором раскопок, позволяет усомниться в правомерности такого предположения.

Во второй строительный период представлял собой цикл восстановительных работ и некоторую перепланировку здания, что привело к небольшому сокращению общей площади здания в целом. Необходимость этих работ могла быть связана либо с просчетами при строительстве на начальном этапе, либо с демографическими изменениями или с изменениями в хозяйственной специализации поселения. После непродолжительного, по наблюдениям автора раскопок, периода существования сооружение гибнет в результате какой-то катастрофы, сопровождавшейся сильным пожаром. Отложения наносного грунта, перекрывающие слой пожара, свидетельствуют о довольно длительном этапе запустения.

Новые обитатели Торика, по мнению Н.А. Онайко, были греками, но менее многочисленными и состоятельными. Они использовали только помещения, расположенные в юго-восточной стороне. Перестройке или перепланировке оказался подвергнут целый ряд уже существующих помещений: помещения «И», «Ш» и «Ф» разделены на два.

Другим направлением строительной деятельности новых обитателей поселение было укрепление внешних стен, таким образом, обезопасить себя от вторжения извне. Н.А. Онайко отметила широкое использование морских валунов при ремонте и строительстве на поселении, что, по нашему мнению, свидетельствует о сложностях в получении строительных материалов, т.е. об ограниченном доступе в континентальную часть. Продолжительность этого этапа в истории поселения, судя по небольшому объему находок, связанных с этим горизонтом, был непродолжительным.

Помещения обычно небольших размеров площадью около 17 м². В ряде случаев площадь помещений была гораздо большей: помещение «В» (свыше 30 м²) пожалуй, самое крупное - помещение «Е» (свыше 40 м²). Дверные проемы в

помещениях практически всегда были выведены во внутренний двор, имели ширину 1.2-1.4 м и были снабжены каменными порогами.

В зависимости от планировки, состава находок внутри и поблизости от помещения можно говорить о функциональном назначении отдельных помещений комплекса. Автор раскопа различала жилые, хозяйствственные, производственные и т.н. комбинированные.

Большое значения для определения характера использования помещений играют очаги и печи. Они являются довольно распространенными объектами на этом памятнике, что свидетельствует о круглогодичном пребывании здесь жителей. Практически все очаги и печи связаны, как правило, с первым и вторым периодом бытования комплекса. Как правило, они сохраняются в виде довольно мощного слоя обожженной глиняной обмазки, поэтому не всегда возможно отделить хозяйственные очаги от производственных объектов.

Особый интерес в этом смысле вызывает помещение «И». Оно расположено в южном углу здания и выходит за пределы связанных с ним помещений. В плане помещение почти квадратное, площадью 4.5x4.5, стены в целом отличает тщательность кладки, причем три внешние стены превосходят внутреннюю северо-восточную в 2 раза. По мнению автора раскопа, это сооружение являлось башней, типа средневекового донжона: толщина стен могли выдержать нагрузку верхних этажей, а камни в южном углу помещения могли являться остатками нижней ступеньки каменной лестницы, ведущей на верхний уровень.

Помещение «Д» (площадь 13 м²) - одно из типичных хозяйственных помещений. Характер керамических находок и наличие печи позволяет предположить, что здесь располагалась кухня. Остатки печи 22 находились в южном углу помещения, она занимала площадь 1.35x1 м. Сохранилась часть основания – пода печи, возвышающегося над каменным полом помещения, а также остатки верхней части печи, по-видимому, дымохода. Они состоят из двух столбиков высотой до 0.5 м, шириной 0.22 м и 0.12 м с перекладиной, которая снабжена прямоугольной выемкой в верхней части. У входа и внутри помещения, зафиксирован толстый, до 0.1 м, слой золы. Аналогичное назначение имело, по-видимому, помещение «У», где также были открыты остатки печи и обнаружено большое количество фрагментов лепной керамики (горшков). В небольших отсеках устраивались хранилища. Например, в помещении «Е», где обнаружено большое количество обломков амфор.

Особенностью Торика является отсутствие каких-либо хозяйственных сооружений за пределами здания. Даже явно производственные помещения «М», «Е» и в особенности «П» с большой (размером 1.8x3.7 м) глинобитной печью, которая занимала основную часть площади помещения, находились в общей системе застройки, что далеко не безопасно, с пожарной точки зрения.

Впечатляют размеры внутреннего двора здания - свыше 900 м². Главный вход находился ближе к западному углу здания. Он состоял из длинного (8 м) при ширине 2.2 м коридора (помещение «Т»), который выводил к реке. Во второй строительный период главного входа был смешен к юго-востоку, в помещение «Ф». Не вызывает сомнения, что для обеспечения доступа к морскому причалу вход в комплекс был предусмотрен и с прибрежной стороны.

На внутреннем дворе Н.А. Онайко прослежены остатки легких сооружений, функционировавших в первый и второй строительные периоды и интерпретированные автором как «кормушки», очаги, помещения для скота, склады.

В «комбинированных», по определению Н.А. Онайко, помещениях относятся помещения со «столиками», назначение которых могло быть различным в зависимости от размеров, конфигурации и расположения. Полукруглая вымостка-столик, располагавшаяся в помещении «Е» рядом с очагом, по мнению Н.А. Онайко, вполне могла служить ритуальным целям.

Амфорный материал – основная категория находок в здании. Общее количество сосудов, судя по наличию ножек, может быть определено в пределах 200 экз.

Таким образом, Торик просуществовал не менее века, что свидетельствует о заинтересованности в этом и греков, и обитавших здесь аборигенных племен. С другой стороны, явная поспешность при строительстве, явное стремление местного населения к обособлению (расположение пожароопасных объектов (печей) в пределах этого пространства, отсутствие хозяйственных построек вне периметра сооружения), - все это говорит о напряженных взаимоотношениях с местным населением. Имеются прямые свидетельства конфликтных ситуаций: пожар, произошедший на поселении во вторую фазу его существования, и находка в стене 18 помещения «Б» бронзового бронзового наконечника стрелы.

Решение вопроса о присутствии на поселении аборигенного керкето-торетского населения на основании довольно многочисленных здесь обломков лепной керамики, думается, не представляется перспективным. Морфология таких лепных сосудов как горшки и миски достаточно универсальна. В позднеархаических слоях расположенной по соседству Горгиппии мы находим прямые параллели и по морфологическим обнаруженным на Торике формам, что говорит об использовании греками в быту лепной посуды.

Важные материалы к истории взаимоотношений жителей Торика с аборигенным населением могли бы дать материалы из некрополя, однако до сих пор он не открыт: возможно, он уничтожен прибоем, либо тщательно скрыт от разорения жителями.

Автор раскопок отмечает разный достаток и численность населения Торика в разные периоды его существования. В экономике жителей поселения следует выделять две составляющие: систему жизнеобеспечения и возможные источники дохода. Среди довольно немногочисленных костей домашних животных и рыб в помещениях здания преобладали кости мелкого рогатого скота, неоднократно встречались кости свиньи, крупного рогатого скота (коровы), лошади, а также костей птиц. Подспорьем в пищевом рационе, судя по находкам костей дельфина, клещней крабов, раковин, костей морских рыб, был морской промысел.

Специализация хозяйства - источник дохода жителей Торика вряд ли возможно охарактеризовать однозначно. Оно, наверняка, было комплексным: включало и торговую (древесина, мед, воск, рабы), и производственную (металлообработка, возможно ремонт и оснащение всем необходимым проплывающих судов) составляющую. Значение этого поселения, первоначально станции на пути греческих кораблей к Боспору Киммерийскому, на протяжении довольно продолжительного периода существования (вторая четверть VI - середина V вв. до н.э.), по всей видимости, менялось (Онайко 1984, 116-118). О занятиях жителей поселения на

последнем этапе данные практически отсутствуют. Поселение, основанное одновременно с первыми апойками европейского и азиатского Боспора, просуществовавшее более века. Вне всякого сомнения, за это время здесь сложились свои традиции, нормы права, оно находилось в системе давно сложившихся дипломатических отношений с причерноморскими и, вероятно, средиземноморскими центрами. Однако превратиться в античный город Торику было не суждено. Вряд ли это можно объяснить природно-климатическими причинами, действиями северо-восточного ветра - боры, ведь на протяжении вековой истории Торика это обстоятельство не служило серьезной помехой. Более правдоподобным, судя по целому ряду косвенных наблюдений, выглядит агрессивное поведение местных племен, изменение маршрутов кораблей (не вдоль берега, а непосредственно через Черное море) и даже удаленность от боспорских центров.

А.А. Малышев (Москва)

НЕКРОПОЛИ АБОРИГЕННОГО НАСЕЛЕНИЯ У ПОС. БОЛЬШИЕ ХУТОРА, В ЦЕМДОЛИНЕ И НА ШЕСХАРИСЕ

Местоположение

Могильник, расположенный на небольшом уплощении на западном склоне Цемесской долины, впервые был обследован Н.А. Онайко. Совпадение местоположения погребальных памятников населения разных эпох (в нашем случае грунтового могильника эпохи раннего железного века и курганного могильника эпохи средневековья) – обычное явление для этих мест. В результате раскорчевки площади под виноградник оба могильника пострадали в значительной мере. Благодаря многолетним сборам здесь была собрана значительная коллекция предметов эпохи раннего железного века и средневековья. В 1995 г. территория этого могильника была подвергнута сплошному исследованию, что позволило выявить реальные размеры и топографию памятника.

Сохранившийся участок аборигенного некрополя в Цемдолине (раскопки 1995 г.)

В 1973 г. А.В. Дмитриевым были проведены спасательные работы на двух некрополях аборигенного населения: могильник Шесхарис, расположенный в

На юго-восточных рубежах азиатского Боспора

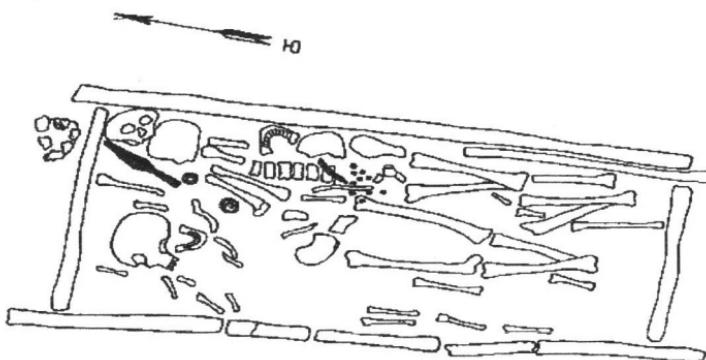
восточной части Цемесской бухты, и могильник Большие Хутора (в окрестностях поселка Большие Хутора в верховьях реки Дюрсо). Есть сведения, что первые материалы с последнего памятника поступили в музей еще до Великой Отечественной войны.

Погребальный обряд.

На Цемдолинском могильнике был доследован небольшой участок аборигенного некрополя (8 комплексов), большая часть которых была расположена в один ряд. Погребальные сооружения - неглубокие грунтовые ямы, обложенных плитками камня. Погребенные были уложены на спину, головой в юго-восточном секторе.

На могильнике Большие Хутора изучено 11 захоронений, совершенных неглубоко от дневной поверхности в каменных ящиках. Это, как правило, коллективные захоронения, используемые одной малой семьей на протяжении жизни существования нескольких поколений. Захоронения совершены на спине, ориентировка в северном секторе.

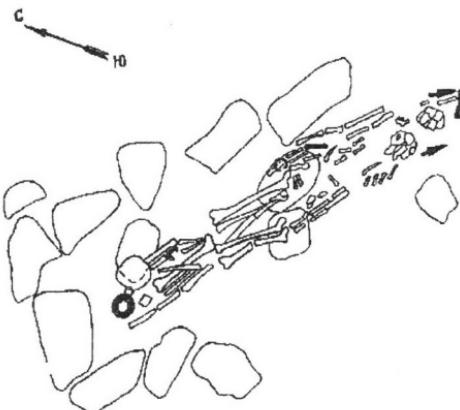
На могильнике Шесхарис изучено 19 погребальных комплексов, совершенных в как и в Цемдолинском некрополе неглубоких ямах с каменными обкладками. Значительная часть погребений этого могильника - одиночные. Погребенные были уложены на спину (в одном случае на боку) и ориентированы в юго-восточном секторе.

Захоронение на могильнике Большие Хутора

Инвентарь

Предметы вооружения представлены в основном наконечниками копий разной длины, большая часть имеет иволистную форму пера. Вторым по значимости предметом вооружения являются топоры, которые, вне всякого сомнения, имели определенную социальную и сакральную значимость. Не случайно, один из топоров, обнаруженных на могильнике Большие Хутора, несмотря на общую массивность, имел маленькое проушное отверстие, что исключало его применение в качестве наступательного оружия.

Захоронение на могильнике Шесхарис

Практически полное отсутствие наконечников стрел в самых ранних комплексах (м-ка Большие Хутора) позволяет предположить, что лук и стрелы были заимствованы у кочевого степного населения в конце VII – начале VI в. до н.э. Явным свидетельством контактов с кочевым населением Прикубанья стало распространение на аборигенных могильниках коротких мечей-кинжалов скифского облика – акинаков. Этот вид колюще-рубящего оружия обнаружен только на Цемдолинском могильнике.

Захоронения лошадей в погребениях аборигенного населения довольно редки. Тем не менее, части конских туш, чаще конечности, а также детали конской узды (удила, псалии и элементы декора), известны в комплексах всех вышеописанных могильников.

Могильник Большие Хутора

№	Ориент.	Кам.констр.	Кол-во	Кости животн.	Посуда леп..	Грузик	Украшения	Браслет	Топор	Копья	Стрела	Узда	Блока	Оселок	Кремень	Булавка	Ила	Пражка	Нож
1	С	Ящ.	4		2	1 гл.	6 Пр.					1 бр.	1 бр.		1	15 р.			2
2	С	Ящ.	3	+	3			2	1					1	1				1
3	С	Ящ.	3	+	1		1		1	1		1		1			1	1	
4	С	Ящ.	3	+	2	1													1
5	С	Ящ.	4	+	2		Б.						1	1					
6	С	Ящ.	4	+	3					2 бр.	1			1	16 р.		1	2	

На юго-восточных рубежах азиатского Боспора

7	C	Ящ.	3	+			1	1	1						1
8	B-?	Ящ.	2			Б		2							1
9	СВ	Ящ.?	2												1
10	C	Ящ.	3				1	2			1				1
11	C	Ящ.	4	+	1			1		1	1	1ж.			1

Могильник Шесхарис

№	Ориент.	Кам.констр.	Коп-во заход.	Кости	Посуда леп.	Посуда круг.	Грузик	Украшения	Браслет	Топор	Колья	Стрела	Узда	Осенок	Бляха	Булавка	Игла	Нож
1	ЮВ	+	1		2		1	Б.			1	1	бр.		.	1	1	
2	СЗ/ ЮВ	-	2												1			1
3	В	+	1															
4	ЮВ		2	+	1	1	Б			2		1ж.		3В, 1П				2
5	ЮВ		1		1	1	Б. гл.	2	Рк									
6	ЮВ									1	1	8 ж/ бр.						
7	ЮВ	+	3		1			1		2								1
8	?	+			1	1												
	на л. боку																	
11	ВЮВ				1	Б				2								1
12	?																	1
13	ЮВ							1		2								1
14	ЮВ				1						2							

На юго-восточных рубежах азиатского Боспора

									ж/ бр.				
16	ЮВ												
17		2	1	1	Б			2					1
б/ н				гл.	Рк			1	2		1		1
б/ н								1					

Предметы быта представлены открытыми формами керамических сосудов, оселками, прядильцами, ножами. Ножи имеют косообушную форму, повторяя морфологию более ранних бронзовых аналогов. Отметим, что только на Цемдолинском могильнике засвидетельствованы находки литых бронзовых зеркал, что наряду с остатками бронзового панциря, подчеркивает значимость этого могильника и захороненных здесь жителей. По всей видимости, на могильнике были захоронены представители аристократической верхушки обширного региона.

Хронология могильников.

Наиболее древними по дате являются захоронения могильника Большие хутора. Нижняя хронологическая граница определяется бронзовой уздой и уплощенными в сечении бронзовыми браслетами (VIII-VII вв. до н.э.). Верхняя граница (VI в. до н.э. – начало V в. до н.э.) функционирования могильника определяется браслетом из тонкого дрота с утолщениями шишечками на концах. Хронология Цемдолинского могильника и могильника Шесхарис можно определить в пределах второй половины VI – V в. до н.э. Оба могильника насыщены, в особенности Цемдолинский, предметами античного импорта

А.В. Дмитриев (Новороссийск), А.А. Малышев (Москва)

ВЛАДИМИРОВСКИЙ МОГИЛЬНИК - НОВЫЙ ПАМЯТНИК СКИФСКОГО ВРЕМЕНИ В ЦЕМЕССКОЙ ДОЛИНЕ

За полевые сезоны 1997, 1998, 2000 годов экспедицией Новороссийского исторического музея-заповедника были проведены раскопки грунтового могильника, расположенного к северо-западу от Новороссийска у подножья Маркотхского хребта, на левом берегу р.Цемес, у с. Владимировка. Всего было исследовано 193 погребения на площади 2818 м².

Условно их можно разделить по типам погребальных сооружений.

1 группа (75 погр.). Погребение в "каменных ящиках", конструкции которых впущены в материк так, что верхний край плит оставался на уровне древнего горизонта.

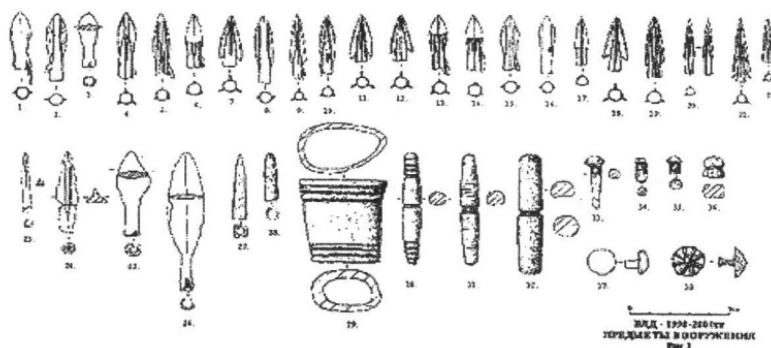
На юго-восточных рубежах азиатского Боспора

2 группа (16 погр.). Погребения в неглубоких ямах подпрямоугольной формы, перекрытых мощной каменной плитой. В некоторых случаях в торцевых частях могильных ям зафиксированы стоящие вертикально плиты или подложенные под перекрытия камни.

3 группа (13 погр.). Погребения в неглубоких ямах, заложенных камнями.

4 группа (10 погр.). Погребения в неглубоких ямах без каменных конструкций.

5 группа (79 погр.). Погребения, совершенные, как на уровне древнего горизонта, так и в неглубоких ямах. Каждое погребение обложено по контуру каменной обкладкой в 1-3 слоя, в некоторых случаях обкладка одного погребения смыкалась с обкладкой следующего погребения, образуя единое целое. В составе этой группы присутствуют типы погребальных сооружений, упомянутых выше, а именно: в неглубоких ямах, заложенных камнями, погребения в каменных ящиках, конструкции которых, в отличии от погребений 1 группы не впускались в материк, а обкладывались камнем.

Предметы вооружения. 1-25, 27, 28 - находки из ям (1 (п.185), 2 (п.184), 3 (п.118), 4-7 (п.159), 8-10 (п.160), 11-16 (п.158), 17 (Раск. С, п. 1-10), 18 (п.102), 19 (п.163), 20 (п.169), 21-22 (п.137), 23 (п.168), 24-25 (п.163), 27,28 (п.135); 26 - находка из ямы (п.179). 29-38 - находки из ям (29,30,36 (п.135), 31,33-35 (п.185), 32 (п.166), 37 (п.115), 38 (п.55); 1-22 -бронза; 23-36 -железо; 27-36 -бронза; 37-38 -северный чистый).

Общим для всех групп погребений является их сооружение на уровне древней дневной поверхности.

Во всех группах погребений, погребенные лежали вытянуто на спине, головой чаще всего на северо-восток. В погребениях зафиксировано от одного до трех погребенных. В 14 случаях зафиксировано ритуальные захоронения лошадей: в 11 погребениях представлены черепом и костями конечностей, а в 3 погребениях зафиксированы захоронения расчлененных частей лошади, помещенных в каменные конструкции.

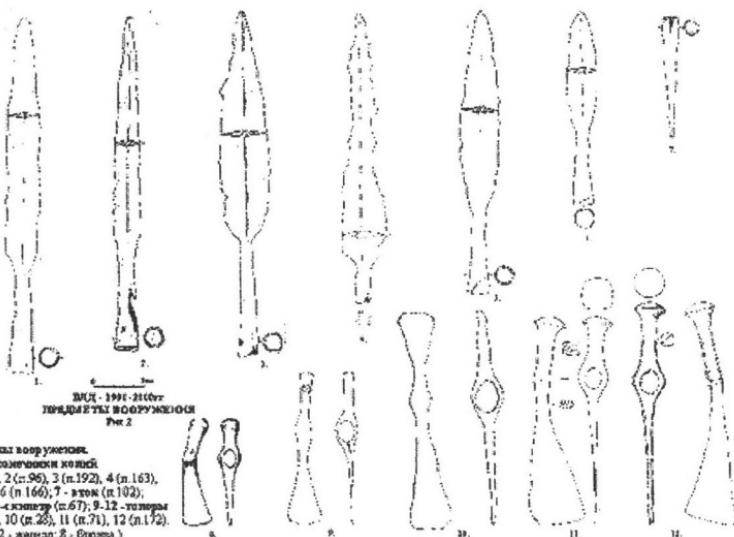
Исследованная часть могильника, согласно инвентарю, датируется концом VII-V вв. до н. э. Наиболее ранними являются погребения 1 и 2 групп. Наиболее поздними погребениями можно считать погребения 5 группы, где датирующим материалом являются фрагменты амфор, отсутствующие в других группах погребений.

Погребальный инвентарь находит аналогии в памятниках скифского времени и включает в себя:

Предметы вооружения (рис.1-3) обнаружены в 65 погребениях, что составило 34% от общего числа исследованных погребений.

Наиболее часто встречающимися предметами вооружения являются наконечники стрел, они обнаружены в 44 погребениях. Материал: железо, бронза, кость. Самыми многочисленными являются железные наконечники стрел (рис.1/23-25), с пером листовидной, реже трехлопастной формы, они выявлены в 33 погребениях.

Бронзовые наконечники стрел (рис.1/1-22) зафиксированы в 25 погребениях: это двухлопастные с шипом и без, трехлопастные и трехгранные. Костяные наконечники стрел (рис.1/27,28) пулевидной и пирамidalной формы с внутренней втулкой встречены в 3-х погребениях. Количество наконечников стрел в не потревоженных погребениях от 4 до 34 штук. Большая часть наборов состоит из наконечников стрел, сделанных из разных материалов. Интересно, что в наборах, где присутствуют костяные наконечники стрел, они являются доминирующими, а где встречаются только бронзовые и железные, преимущество, как правило, за железными наконечниками стрел.

В 13 случаях вместе с наконечниками стрел зафиксированы детали горитов (рис.1/29-38): костяные палочки-застежки, грибовидные гвоздики и столбики; свинцовые застежки-заклепки, а также костяные футляры-наконечники, крепившие, вероятно, нижнюю часть горита. Местоположение наконечников стрел и горитов в большинстве случаев слева у бедра, или в ногах погребенного. В одном случае горит лежал вдоль правой руки.

Наконечники копий (рис. 2) (35 экз.) обнаружены в 27 погребениях. Наконечники копий с формой пера лавролистной (рис. 2/3,5,6) и ланцетовидной (рис.2/1,2,4) формы, с разной степенью выраженным продольным ребром. Количество наконечников в погребениях разное. Местоположение наконечников копий, как правило, справа от погребенного (в 11 случаях), в 4-х случаях - слева.

Длина копий, исходя из размеров погребальных сооружений, не превышала 2-х метров. Вместе с наконечниками копий обнаружены и железные втулки (рис.2/7).

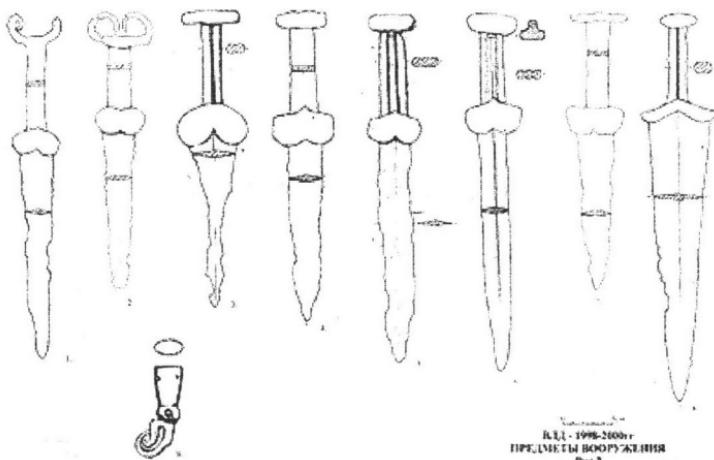
В двух погребениях обнаружены в наконечники дротиков.

Кинжалы-акинаки (рис. 3) зафиксированы в 18 погребениях, в одном погребении найдено только перекрестие. С одним из кинжалов обнаружен бронзовый оголовок ножен в виде головы грифона (рис.3/10). Кинжалы разнообразны по основным признакам (навершие и перекрестие).

Топоры (рис.2/8-12) зафиксированы в 5 погребениях. Особо отметим бронзовый миниатюрный топор-скипетр (рис. 2/8) и, редкий по форме, железный боевой обюдоострый топор-секира (рис. 2/10).

Предметы конского снаряжения (рис. 4) обнаружены в 21 погребении, что составляет 11% от общего числа исследованных погребений.

Уздечные принадлежности представлены удилами, псалиями, бляхами и пронизями.

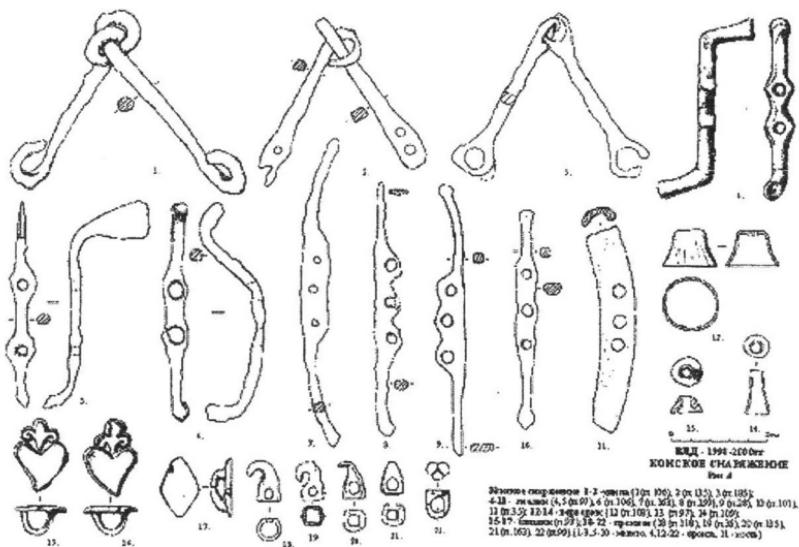
Предметы вооружения. 1-8 - кинжалы (1 (п.79), 2 (п.183), 3 (п.129), 4 (п.62), 5 (п.135), 6 (п.28), 7 (п.82), 8 (п.96); 9 - наконечник кинжала (п.55).
10 - жезл, 10 - бронза).

Удила и псалии отмечены в 16 погребениях. Удила (рис. 4/1-3), всего 17 экз. Все железные, большинство двусоставных, со свернутыми в петли концами, 1 экз. с внешними двухдырчатыми концами (имитация двухкольчатых), 1 экз. стремянковидные. Псалии (рис.4/4-11), всего 27 экз., из железа (23), бронзы (2), кости (2). Преобладают железные трехпетельчатые (11 экз.).

Бляхи сбруйные бронзовые (10 экз.) отмечены в 3 погребениях (рис.4/15,16,17,22). Пронизи бронзовые (22 экз.) встречены в 9 погребениях. Они оформлены в виде объемного зооморфного изображения когтя или клюва хищной птицы (рис. 4/18-20) и конусовидные, с четырьмя округлыми отверстиями на боковых стенках (рис. 4/21). Вореорки (железо, бронза) (рис.4/12-14) усеченно-конической формы отмечены в 4 погребениях.

Украшения (рис. 5) встречаются в 80 погребениях (большинство из которых по инвентарю женские). В неразрушенных погребениях украшения располагались в местах, где их носили при жизни: бусы в области грудной клетки, височные подвески в области черепа, браслеты на запястьях, кольца на кистях рук.

Бусы (рис.5/28-40): встречались наиболее часто (в 51 погребении) от 1 до 150 экз. в погребении. Бусы стеклянные округлой, попречно-скжатой, бочковидной, усечено-биконической, пирамidalной, форм из одноцветного темно-коричневого, голубого, янтарного, желто-зеленого, белого, синего, черного стекла; в 7-ми погребениях обнаружены глазчатые бусы в основном из глухого стекла желтого и черного цветов. Реже встречается мелкий фаянсовый бисер коричневого и желто-коричневого цвета (в 13 погребениях). В 4-х погребениях зафиксированы гешировые бусы бочковидные и пирамidalная, уплощенная.

Примечательны находки металлических бус и пронизей (19 экземпляров из 7 погребений). Пронизи бронзовые удлиненно-бочковидной в плане формы с 4-мя отростками, в сечении пронизь напоминают рисунок "мальтийского креста" (рис.5/25), бочковидной формы (рис.5/26), удлиненно-бочковидной формы, а также пластинчатые, закрученные колечками. Бусы свинцовые и из серого легкого металла округлой и бочковидной формы.

Наряду с бусами, в качестве украшений использовались мелкие раковины каури с вырезанными в верхней части отверстиями (рис.5/27) (встречаются от 1 до 47 штук в погребении).

Браслеты (рис.5/1-9) (в 31 погребении) от 1 до 5 в захоронении. В основном бронзовые (48 экз.) и железные (5 экз.). Бронзовые браслеты делятся на 2 типа: проволочные и плоские.

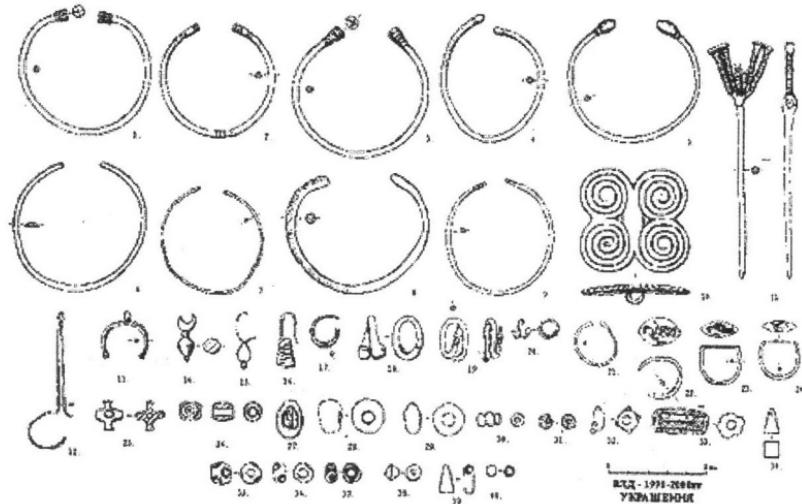
На юго-восточных рубежах азиатского Боспора

Проволочные браслеты (41 экз.) (рис.5/1-5,7-?) и плоские браслеты (7 экз.) (рис.5/6) можно разделить по оформлению концов и по сечению проволоки.

Железные браслеты округлые или прямоугольные в сечении, концы в основном утрачены, а сохранившиеся уплощены.

Грифна бронзовая из крученої проволоки, квадратной в сечении, была зафиксирована в одном погребении (судя по инвентарю, мужском).

Перстни (рис.5/22-24) бронзовые обнаружены в 6 погребениях (от 1 до 3 в одном). Перстни представлены, круглыми или стремянвидными в плане, с дужками округлыми и сегментовидными в сечении. Щитки миндалевидные, гладкие или с вырезанной печаткой и овальный с выемками для вставок. Один перстень с ромбовидным щитком и дужкой, концы которой заходят друг за друга.

Ук. наимен.: 1-9 - фибулы; 10-12, 17-20 - браслеты; 13-16, 21-24 - кольца; 25-28 - кольца с выемками; 29-31 - кольца с выемками и рельефом; 32-34 - кольца с выемками и рельефом; 35-37 - кольца с выемками и рельефом; 38-40 - кольца с выемками и рельефом. Рис. 5

Серьги и височные подвески бронзовые (в 31 погребении) разнообразны по форме (рис.5/14,15,16,18,19,20,21). От общей массы височных подвесок отличается серебряная серьга (рис.5/17) из проволоки, круглой в сечении, обвитой в трех местах короткими спиралями найдена на площади раскопа, в лепном горшочке.

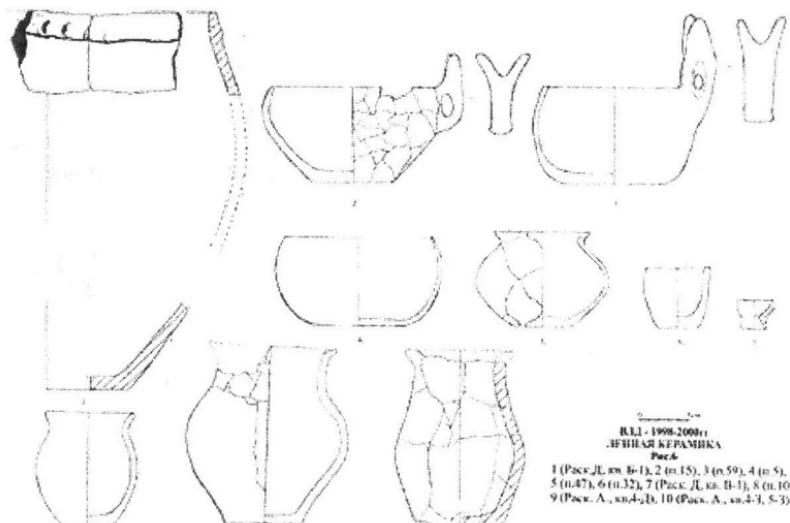
Подвески-луннцы (рис.5/13) из серого металла (2 экз.), ромбовидные в сечении, в средней части колечко для подвешивания, концы одной из них декорированы рифленой пластинкой. Подвески-амулеты из клыка кабана и зуба лошади с отверстиями для подвешивания.

Булавки бронзовые (2 экземпляра из одного погребения). У одной (рис.5/14), ажурное навершие, состоящее из 6-ти расходящихся лучей из тую закрученных спиралей, соединенных попарно и заканчивающихся плоскими шляпками, также слитыми попарно. В месте соединения со стержнем - отверстие. У второй булавки конец стержня расплющен, имеет треугольную в плане форму и отверстие.

Можно отнести к элементам украшений поясную бронзовую бляху (рис.5/10) (из мужского, судя по инвентарю, погребения) в виде слегка выпуклой 4-х

лепестковой розетки. На всех лепестках орнамент - волюты, закрученные в противоположные стороны. На оборотной стороне в центре - петля в виде дужки.

Лепная керамика (рис. 6). Вся лепная керамика плоскодонная, редко на слабо выраженном поддоне, подражающем античной керамике.

Лепная керамика ставилась, так же как и в предскифский период Новороссийского р-на, в головах и ногах погребённого, со смещением вправо (по оси левого бока скелета). Керамики не много, обычно 1-2 сосуда, при этом один в головах, второй в ногах. Если сосуд был один, его чаще всего ставили в ногах. Орнаментация керамики отсутствует.

Основными типами являются горшочки (рис. 6/5), кувшинчики (без ручек) (рис. 6/8, 9, 10), чарковидные глубокие миски (рис. 6/4), чарки со стилизованными зооморфными ручками (рис. 6/2, 3), кубки (рис. 6/6), рюмочка (рис. 6/7).

Также имеется некоторое количество античной керамики, среди которой наиболее выразительным датирующим материалом является амфорный, происходящий из тризен: фрагменты хиосских пухлогорлых (кон. VI-нач. V вв. до н.э.) и прямогорлых (послед. треть V в. до н.э.) амфор, фассоских амфор (Послед. четверть V в. до н.э.), клазоменских (втор. пол. VI-нач. V вв. до н.э.).

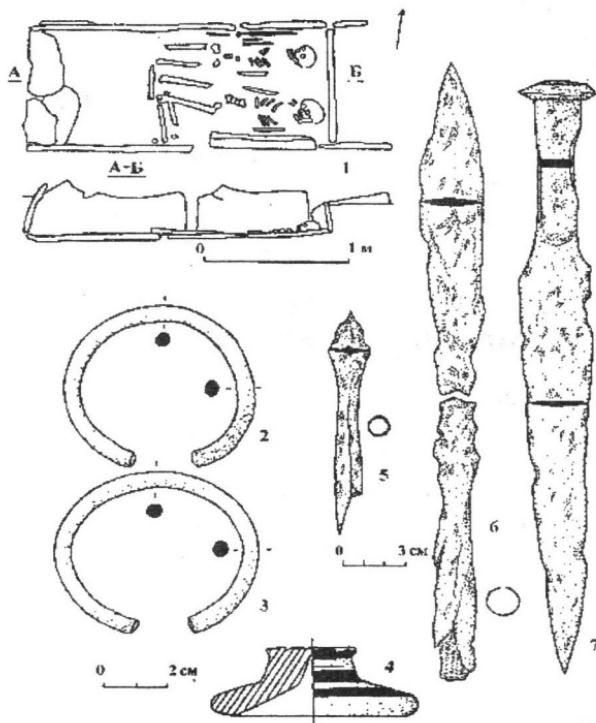
Орудия труда: глиняные и свинцовые пряслица усеченно-биконической формы, бронзовые иглы, железные ножи, каменный оселок.

А.В. Шишлов, Н.В. Федоренко, А.В. Коллакова, А.П. Кононенко
(Новороссийск)

**МОГИЛЬНИК У Х. РАССВЕТ – НЕКРОПОЛЬ АБОРИГЕННОГО
НАСЕЛЕНИЯ СЕВЕРО-ЗАПАДНОГО КАВКАЗА ЭПОХИ ГРЕЧЕСКОЙ
КОЛОНIZАЦИИ**

История изучения памятника

Грунтовый могильник у х. Рассвет был открыт археологической экспедицией Московского областного педагогического института им. Н.К.Крупской (МОПИ) под руководством Ю.С. Крушкол в 1959 г. Раскопки некрополя были прекращены в 1977 г. В итоге общее число открытых на памятнике с 1958 г. погребальных комплексов достигло 156. Материалы некрополя не раз использовались в обобщающих работах по археологии и истории Синдики.

Захоронение в каменном ящике на могильнике у х. «Рассвет»

Погребальный обряд

На могильнике у х. Рассвет представлены погребальные конструкции четырех типов: площадки, ямы, каменные ящики и каменный склеп.

Первый тип представляет собой специально оборудованные на уровне древней дневной поверхности площадки, на которых производилось захоронение. Поверх погребения сооружался каменный заклад овальной или округлой формы.

Второй тип погребальных конструкций – ямы прямоугольных или овальных очертаний (63 случая). Почти все ямы имели на дне подсыпку из песка и известняковой крошки толщиной 10-20 см. За исключением 4 случаев захоронения в ямах имели каменную обкладку – кромлех округлых очертаний.

Погребения в прямоугольных и овальных ямах, чаще всего окруженных округлыми обкладками из камня – тип конструкций, довольно распространенный на некрополях раннего железного века в районе Анапы.

Третий тип погребальных конструкций – заглубленные в землю каменные ящики. На могильнике у х. Рассвет их открыто 88. Как правило, гробницы имеют вытянутую прямоугольную форму. Стенки большинства ящиков образованы вертикально поставленными каменными плитами (четыре и более). Торцевые плиты были приставлены к концам боковых стенок или же вставлены между ними. Как и ямы, все почти все каменные ящики имели подсыпку из песка и известняковой крошки, на которой и совершалось захоронение. В 73 случаях ящики были окружены округлыми каменными кромлехами.

Последний из числа открытых на могильнике у х. Рассвет, тип погребальных конструкций – единственный каменный склеп: погребение 127. Это гробница размерами 2 x 1,3 м и глубиной 1,2 м. Перекрытие не сохранилось, однако в заполнении могилы отмечены среднего размера камни, которые, по мнению автора раскопок, могли быть его остатками. Гробница обладает всеми элементами, позволяющими атрибутировать ее именно как каменный склеп: «камера, устроенный в одной из стенок вход и заклад» (по В.С. Ольховскому). Можно допустить, что толчком к появлению таких погребальных конструкций послужило знакомство варваров с погребальной архитектурой боспорских греков.

Останки погребенных обнаружены в 120 захоронениях. Их отсутствие в остальных 36 погребениях объясняются разрушением при ограблении, а в детских могилах – плохой сохранностью костей. В 51 случае, когда удалось относительно точно установить положение погребенных, умершие были уложены вытянуто на спине. Скорченное положение умерших открыто в 4 погребениях.

В 91 погребении было похоронено по одному умершему. 29 - представляли собой коллективные усыпальницы.

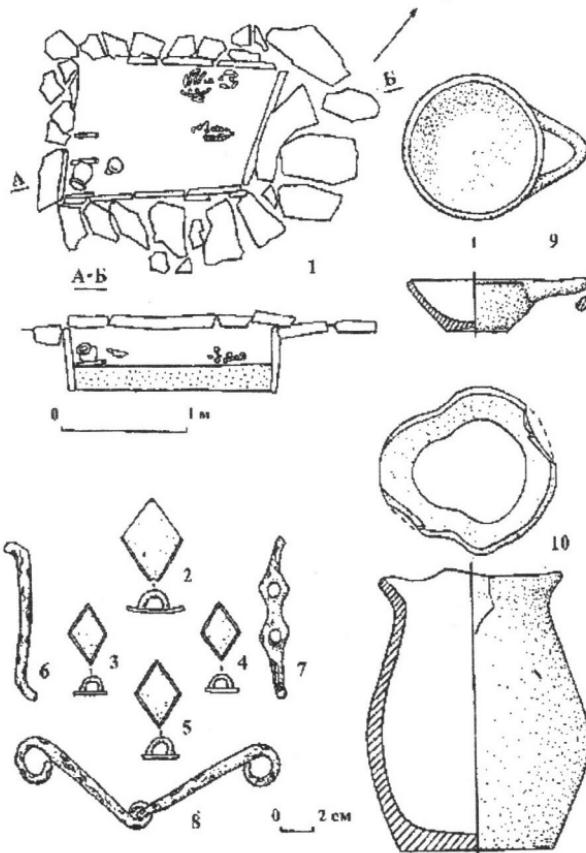
Ориентировку погребенных удалось установить в 110 случаях. Преобладала ориентировка головой в восточный сектор: 67 – на В, 4 – на ВСВ, 23 на СВ, 4 на ВЮВ, 2 – на ЮВ. Четыре раза встречена ориентировка головой на С, два раза – на З, по одному – на ССВ, СЗ, ЮЗ и Ю.

Особого внимания заслуживают случаи использования в погребальной обрядности животных.

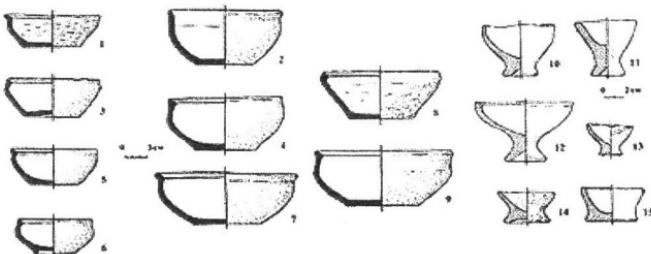
Так в каменном ящике погребения 6 рядом с останками человека находился череп лошади, снаряженный комплектом конской узды (рис.2,1,2-8). Аналогичные следы конских жертвоприношений открыты и в грунтовых некрополях Черноморского побережья в районе Новороссийска (м-к Шесхарис,

Владимировка и Цемдолина). Появление у населения региона в VII – V вв. до н.э. традиции конских жертвоприношений объясняется влиянием на него кочевников.

Погребальный инвентарь встречен в 80 могилах. Комплекс предметов, найденных в захоронениях весьма разнообразен. В нем представлена керамическая посуда, орудия труда, оружие, личные украшения.

Захоронение с лошадью из могильника у х. «Рассвет»

Лепная керамика из могильника у х. «Рассвет»

Ассортимент керамической посуды довольно широк, включает и лепные сосуды разных форм, и привозные греческие, сделанные на гончарном круге. Керамическая посуда размещалась, как правило, в ногах или в головах погребенных. В семи захоронениях некрополя у х. Рассвет встречены донца чернолаковых сосудов, вторично использованных в качестве небольших мисочек или солонок. *Материальная культура*

Из орудий труда представлены пряслица, ножи, шилья и оселки. Ножи и шилья помещались у головы погребенного. Пряслица встречены в районе головы и около ног. Единственный оселок найден в ногах.

Оружие представлено короткими мечами или кинжалами, а также наконечниками копий. Наконечники обычно находились у головы погребенных, только в погребении 93 копье было положено наконечником к ногам. Мечи и кинжалы в большинстве случаев лежали у пояса или в районе бедер, – т.е. там, где их носили при жизни.

Личные украшения находились там, где их носили при жизни: подвески и бусы у черепа и в области грудной клетки, серьги и височные привески – в районе черепа, браслеты – на запястьях, перстни – на кистях рук. В районе черепа располагались и раковины каури – данная категория находок встречена только в детских погребениях.

Лепная керамика столового назначения представлена в погребениях могильника у х. Рассвет сосудами нескольких категорий. Это горшки, ойнохой – подражания греческой традиционной форме, двуручный горшок, миски двух типов, рюмковидные чашечки. Лепные сосуды изготовлены из темно-серой глины с примесью молотого кальцита. Внешняя поверхность большинства покрыта темным лощением, что указывает на столовое назначение сосудов.

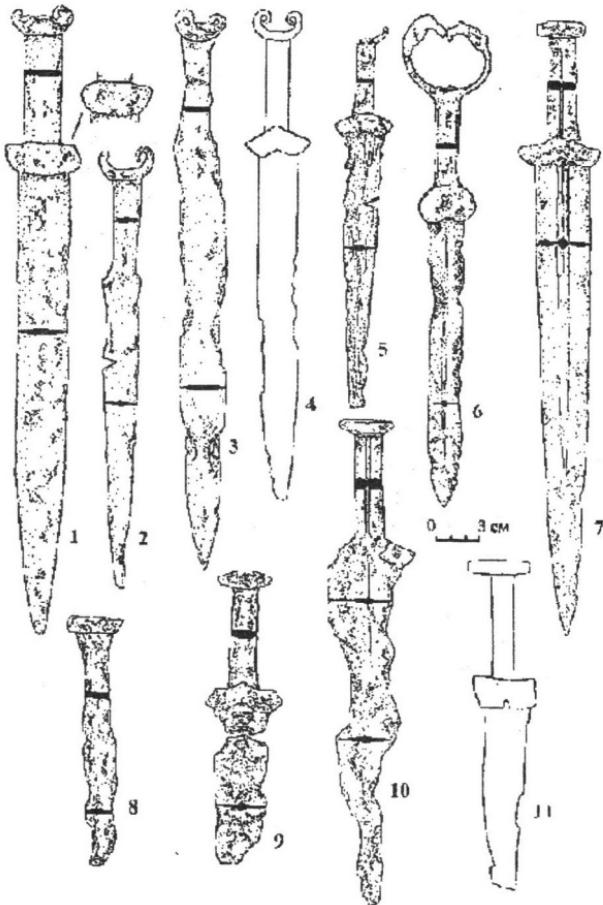
Греческий керамический импорт представлен в материалах могильника посудой с росписью в родосско-ионийском стиле, чернолаковой, простой красно- и сероглиняной керамикой, а также тарными амфорами. В состав погребального инвентаря захоронений у х. Рассвет входила и простая столовая кружальная посуда.

Орудия труда представлены в инвентаре погребений могильника у х. Рассвет железными черешковыми ножами с прямым и изогнутым лезвием и шильями, глиняными и свинцовыми пряслицами и каменным оселком.

Оружие в погребениях могильника представлено двумя категориями: короткими мечами или кинжалами и наконечниками копий.

Мечи найдены в 11 погребениях. В погребении 36, содерявшем захоронение двух человек, находилось два меча. Копья встречены в 12 могилах (погребения 2/1958, 23, 29, 36, 49, 74, 93, 100, 102, 124, 142, 144). В погребениях 2/1958, 100 и 142 было по два наконечника. В состав инвентаря воинских погребений 23, 29, 36, 49, 74, 93, 100 и 142 входили комплекты наступательного вооружения, – здесь найдены и мечи, и наконечники копий.

Мечи кинжалы имеют длину от 34 до 48 см.

Мечи и кинжалы из могильника у х. «Рассвет»

Наиболее архаичен кинжал из погребения 5/1959. Он имеет вытянутое брусковидное навершие и угловатое бабочковидное перекрестье, напоминающее перекрестья ранних скифских мечей втор.пол. VII – нач. VI в. до н.э. из Тлейского могильника в Закавказье.

Железные наконечники копий имеют длину от 17,5 до 54 см. Все они однотипны: вытянутое листовидное или ланцетовидное перо плавно переходит в коническую втулку, составляющей от 1/3 до 1/2 общей длины наконечника. У некоторых экземпляров вдоль пера проходит невысокое ребро.

Единственный в материалах могильника узденчный набор сопровождал голову лошади, помещенную в погребение 6. Он состоял из двусоставных железных удил с петлями на внешних концах (длина 19 см), двудырчатых железных S-видных псалиев (длина 9,5 см) и четырех ромбовидных бронзовых бляшек с петлей на обороте (размерами 3,5-5 x 2,5-4 см).

К категории украшений относятся серьги, височные привески, перстни, подвески, браслеты и бусы.

Бронзовые и серебряные перстни обнаружены в погребениях 1/1969, 2, 26, 40, 75 и 82. Это изделия диаметром 1,7-2,5 см с округлой в сечении шинкой и листовидными, выпуклыми или плоскими, щитками, иногда несущими гравированное изображение (собака, весы, солярные знаки, ромбовидная рамка). Как указывает О.Я.Неверов, круглая шинка и узкий листовидный щиток являются признаками, характерными для античных перстней VI-V вв. до н.э. (Неверов О.Я., 1984, с.240). Найденные из могильника можно также связывать с греческим импортом или с подражаниями античным образцам.

Браслеты - самая многочисленная категория украшений могильника у х. Рассвет. Браслеты представлены двумя типами: плоскими и проволочными.

Хронология могильника

Древнейшими на могильнике у х. Рассвет являются три захоронения, совершенные на площадках под закладами: погребения 5/1959, 7/1960 и, возможно, 7. Анализ погребального инвентаря из аналогичных по конструкции погребений других некрополей района Анапы дал основания отнести их к перв. пол. VI в. до н.э.

Вторую хронологическую группу составляют погребения, относящиеся ко 2-й половине VI – началу V в. до н.э. Погребения этого периода - самые насыщенные инвентарем комплексы могильника.

Все захоронения более поздней хронологической группы (перв. пол. V в. до н.э.) совершены в каменных ящиках и представляли собой одиночные погребения с восточной ориентировкой.

Втор. четв. V в. до н.э. датировано погребение 144. в овальной яме без кромлеха, вытянуто, головой на восток-юго-восток.

В захоронениях последней четверти V в. до н.э. отсутствовала лепная керамика, что может указывать на заметную эплинизацию в этот период населения оставившего могильник.

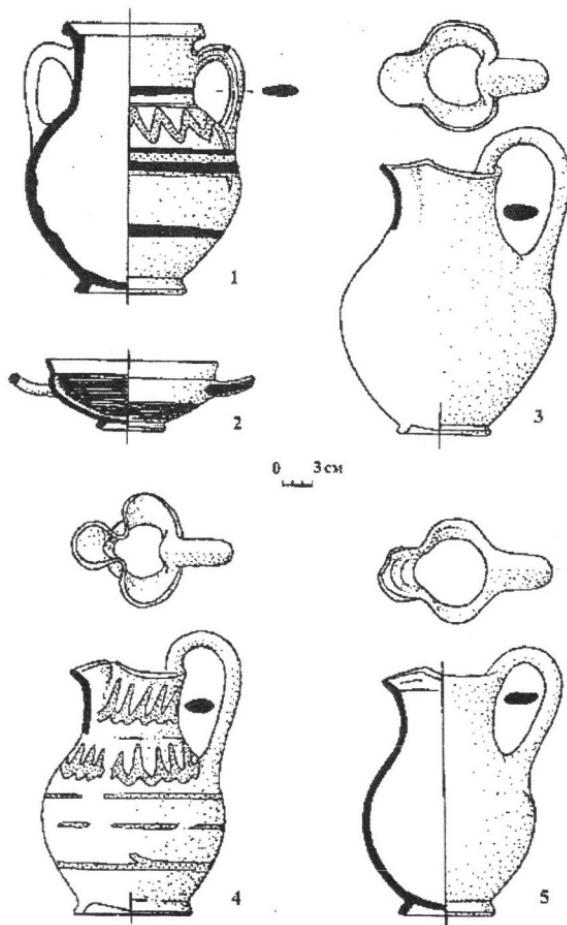
Культурная принадлежность могильника и проблема этнической атрибуции

Некрополь у х. Рассвет входит в группу грунтовых могильников раннего железного века, расположенных на достаточно большом пространстве участка Черноморского побережья в районе Анапы-Новороссийска. Это такие могильники как Красный Курган, Красная Скала, Воскресенский, Алексеевский,

На юго-восточных рубежах азиатского Боспора

ОПХ «Анапа», Лобанова щель, Владимировский, Широкая Балка и некоторые другие. Возникают памятники этой группы в конце VII – начале VI в. до н.э. и существуют вплоть до первых веков н.э. Е.М. Алексеева называет подобные могильники «каменными некрополями».

В могилах совершены одиночные и коллективные погребения. Чаще всего умершие лежали вытянуто на спине, хотя отмечены и скорченные захоронения. Ориентировка преимущественно восточная.

Античная керамика из погребений могильника у х. «Рассвет»

Все это позволяет констатировать, что в VI-V вв. до н.э. и позднее район Анапы-Новороссийска был населен племенами, являвшимися носителями общей археологической культуры. Погребальная обрядность этого населения имеет

местные корни, в материальной же культуре немало черт, возникших под влиянием культуры ранних меотов, ранних скифов, греков-колонистов. Античное влияние со временем становится все более и более ощутимым.

При изучении античной письменной традиции исследователи приходят к выводу о соотнесении синдской топонимии прежде всего с районом современной Анапы. Исходя из этого, автор склонен связывать могильники района Анапы, в том числе и некрополь у х. Рассвет, именно с историческими синдами.

При такой этнической атрибуции некоторые особенности могильника находят объяснение в свете современных представлений об истории Синдики.

А.М. Новичухин (Анапа)

ПАЛЕОПОПУЛЯЦИЯ МАЛОГО УТРИША: ТИПИЧНЫЕ ПРИБРЕЖНЫЕ ЖИТЕЛИ

Говоря о продолжительности жизни обитателей Причерноморья, погребенных в могильнике Лобанова Щель, статистический анализ применительно к этой выборке оказался невозможен. К наиболее старшей для данной выборки возрастной когорте *maturus* принадлежат останки одного человека - мужчины из погребения 3 (ранний период). Большинство взрослых индивидуумов умерли до 40, и даже до 30 лет. Эти предварительные цифры несколько ниже величин продолжительности жизни в центрах античной цивилизации. По данным Дж.Л. Энджела (Angel J.,L., 1984, p.55), в восточном Средиземноморье средняя продолжительность жизни мужчин составляла в раннем железном веке - 39 лет, в классический период - 44,1 год, в элленистический период - 41,9 лет, у римлян - 38,8 лет. Средний возраст умерших женщин в раннем железном веке достигал 30,9 лет, в классическую эпоху - 36,8 лет, в элленистическую эпоху - 38,0 лет, и среди римлянок - 34,2 года.

Относительно низкий возраст умерших в группе Лобанова Щель вынудил нас особенно внимательно рассмотреть характеристики зубной и костной ткани, отражающие состояние здоровья этих людей к моменту их смерти.

Традиционные маркеры эпизодических нарушений процессов роста в возрасте до 6 лет - гипоплазия в виде нарушения эмалевого зубного покрова встречена дважды и только у женщин - в погребении 14 (первый период) и в погребении 9 (второй период). Структурные изменения зубной поверхности запечатлели моменты негативного воздействия, когда под влиянием резкого голода или лихорадочного заболевания, рост детей был временно приостановлен. Признак не встречен у мужчин, что позволяет высказать предположение о большей уязвимости девочек и о возможном различии качества жизни детей разного пола.

Заметим, что у средиземноморцев частота встречаемости эмалевой гипоплазии была также низка, снижаясь от классической к элленистической эпохам с 1,4 до 1,2 %. Совершенно другая частота эмалевой гипоплазии в палеопопуляциях с военной и полукочевой скотоводческой ориентацией. По нашим данным (Медникова, 2003), в серии ранних скифов Новозаведенное II встречаляемость этого индикатора стресса достигала 57,1%, в IV веке до н.э. в локальных группах скифского населения показатель варьирует от 56 до 63%.

О полноценности питания во многом свидетельствует здоровье зубо-челюстного аппарата. В серии Лобанова Щель не встречено ни одного случая кариеса, одонтогенного остеомиелита или прижизненной утраты зубов. Это свидетельствует о калорийном высокопroteиновом рационе, комфортных условиях существования и хорошем состоянии иммунной системы. Возможно, одной из генетических особенностей причерноморского населения I тысячелетия до н.э. была невосприимчивость к кариесу. Таюже, вероятно, благоприятным образом сказывалось геохимическое окружение. Повышенная концентрация таких микроэлементов как ванадий и фтор снижает вероятность кариозного поражения зубов.

Климатические условия, несомненно, оказывали влияние на здоровье. На степень этой взаимосвязи указывают симптомы васкуляризации в лицевой области и в верхней части свода черепа. По-видимому, признак связан с длительным пребыванием человека на открытом воздухе во время прохладной ветреной погоды с высокой влажностью. В подгруппе первого периода последствия холодового стресса отмечены у 2 человек из 6 (33%, взрослые мужчина и женщина), в подгруппе из второго периода - у двух человек из 12 (16,7%, взрослый мужчина и ребенок). Может быть, на протяжении VI-V вв. до н.э. климат был более суровым, чем впоследствии. Так же возможно, что с течением времени жители Причерноморья выработали способы защиты от холода и сырости.

В подгруппе, относимой ко второму этапу, у мужчины из погребения 3 и ребенка 7-8 лет из погребения 12 на эндокране обнаружено наличие индикаторов повышенного внутричерепного давления, которые могут отражать генетическую особенность присущую группе.

В ряду непатологических наследственно обусловленных аномалий следует отметить срастание с крестцом (сакрализацию) пятого поясничного позвонка у мужчины из погребения 13. Предполагать генетическую преемственность населения между вторым и третьим периодами позволяет присутствие морфологической вариации строения большеберцовой кости - "саблевидной" формы голени (женщина из погребения 9 и мужчина №1 из погребения 8).

Для получения информации о роде деятельности и специфике двигательной активности рассматривались разные системы показателей.

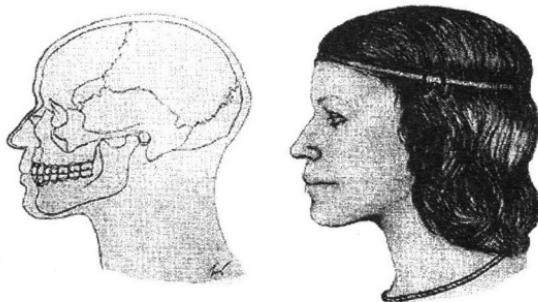
Травматизм в серии невысок, по-видимому, он бытового происхождения. Так, у женщины из погребения 14 (первый этап) обнаружена зажившая лицевая травма в центре лобной кости, а у мужчины №2 из погребения 9 (второй период) была травмирована теменная кость. Переломы посткраниального скелета, равно как и патологические изменения суставных поверхностей, не обнаружены.

При реконструкции особенностей физических нагрузок на индивидуальном уровне приходилось в большей степени опираться на признаки развития рельефа длинных костей и некоторые измерительные показатели.

Так, для женщины, захороненной впоследствии в погребении 14 (первый этап), была характерна тренированность мышц, обеспечивавших интенсивные движения кисти и пальцев, а также управлявших движениями бедра и голени.

Близкий характер двигательной активности, сопряженной с усиленной работой кисти, обнаружен у мужчины из погребения 9 (костяк 3, второй этап). Общей особенностью этих индивидуумов, а также женщины? из погребения 8

третьего периода, можно считать уплощенность бедренной кости в подвертельной области. Ранее было показано, что сочетание платимерии с округлым сечением диафиза в срединной части бедра характерно для людей с детства привычных к верховой езде. Другой комплекс признаков, встреченный у мужчины из погребения 9 (№2), также возможно связан со всадничеством: энтесопатия в задней части пиластра, гиперразвитие рельефа костей предплечья и линии камбаловидной мышцы.

Графическая реконструкция облика погребенной на могильнике Лобанова щель
(выполнена Т.С. Балуевой)

Для женщины из погребения 9 (№1) были наиболее типичны такие движения как поднятие-опускание руки с поворотом внутрь, сгибание, разгибание, приведение бедра.

На скелетах людей, погребенных в могиле 8 на протяжении третьего периода, наблюдается преобладающее развитие костного рельефа пояса верхних конечностей. Особенно отчетливо эта тенденция прослеживается на мужских костях. Характер реконструируемых движений, скорее всего, соответствует усиленным занятиям греблей.

Особого рассмотрения заслуживает необычная, никак не связанная с возрастом, стертость зубов, отмечаемая на всех этапах существования могильника.

У юноши из погребения 1 (первый этап), у ребенка 8-9 лет из 12 погребения (№2, второй этап) отмечаются передне-центральная стертость жевательной поверхности первого моляра. Аналогичная "воронковидная стертость" - на зубах мужчины №1 из погребения 8 третьего периода. Механическая нагрузка на резцы верхней челюсти молодого мужчины (погр. 3) вызвала укорочение зубов и изменение прикуса. Известно, что у древних охотников-собирателей Северной Америки на передних зубах фиксируются изменения жевательной поверхности, связанные с использованием зубов в качестве обрывания и временной фиксации сетей, веревок, корзин. Изменения жевательной поверхности моляров в древнеберингоморских сериях Эквен и Уэлен были изучены М.В.Козловской, соотнесшей интенсивность хозяйственной деятельности арктических охотников на морского зверя и травматические

повреждения зубной поверхности. У эскимосов зубы выполняли во многих операциях роль "третьей руки", в том числе при протягивании нитей и при сверлении. Вероятно, что изношенность зубов в серии Лобанова Щель связана с особенностями хозяйственной специализации этого прибрежного населения.

Невзирая на плохую сохранность скелетных останков, обследование палеоантропологических материалов из могильника Лобанова Щель позволило установить достаточно высокий уровень биологической и социальной адаптации к окружающим условиям. Это отразилось в отсутствии следов хронических заболеваний, в малой частоте маркеров физиологического стресса, низком травматизме. Некоторые особенности физического развития, особенно, среди представителей позднего этапа, по-видимому, связаны с добычей морских ресурсов. Судя по всему, разные представители палеопопуляции, населявшей Малый Утриш, были задействованы в изготовлении соответствующих снастей.

М.Б. Медникова (Москва)

ТЕХНИКО-ТЕХНОЛОГИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА КУЗНЕЧНЫХ ИЗДЕЛИЙ АНТИЧНОГО ВРЕМЕНИ ИЗ ОКРЕСТНОСТЕЙ НОВОРОССИЙСКА

В Лаборатории естественнонаучных методов Института археологии РАН проведен металлографический анализ кузнецких изделий античного времени, найденных в окрестностях Новороссийска, с целью получения технико-технологической характеристики их изготовления. Изученная коллекция включает 38 предметов, представляющих такие категории, как наконечники копий, кинжалы, мечи, топоры, топоры-тесла, псалии, ножи.

Изделия происходят из могильников: «Большие хутора», «Владимировка» и Раевского городища. Часть коллекции относится к случайным находкам из разрушенных памятников в Цемесской долине, а также в окрестностях станицы Раевская.

Общие хронологические рамки, в которые укладываются исследованные предметы. - VIII/VII - II вв. до н. э.

Наиболее ранним памятником является могильник «Большие хутора» (VIII-VI вв. до н.э.). В коллекцию включено 9 предметов: наконечники копий - 7 экз., топор, нож.

При изготовлении наконечников копий использовалось несколько технологических схем: целиком из железа — 1 экз.; целиком из малоуглеродистой стали - 4 экз.; из неравномерно науглероженной стали с последующей термообработкой (мягкая закалка) - 3 экз.; из железной заготовки с последующей цементацией лезвийной части — 1 экз. Нож и топор откованы соответственно из сырцовой малоуглеродистой и неравномерно науглероженной стали.

Таким образом, в материалах из могильника «Большие хутора» в 4 случаях фиксируется специальные приемы по улучшению рабочих качеств изделий. 5 предметов изготовлены в простых технологиях — из подручного сырьевого материала — из железа или сырцовой стали, происходящей из сырдунного металлургического горна.

Из могильника «Владимировка» (VII-V вв. до н.э.) изучено 11 предметов: наконечники копий — 4 экз., кинжалы — 4 экз., топоры — 2 экз., псалии - 1 экз. Как показало микроскопическое исследование, наконечники копий изготовлены в основном из мягкой железной заготовки, лишь в одном случае - из неравномерно науглероженной сырцовой стали. Простые технологии использовались и при изготовлении кинжалов: целиком из мягкой железной заготовки - 1 экз.; из малоуглеродистой сырцовой стали -1 экз.; из неравномерно науглероженной сырцовой стали - 1 экз. Только при изготовлении одного кинжала были использованы специальные приемы по улучшению его рабочих качеств - односторонняя поверхностная цементация готового изделия, откованного из железной заготовки (возможно, с последующей термообработкой).

Топоры изготовлены либо из мягкой железной заготовки, либо из малоуглеродистой сырцовой стали. Из мягкого железа откован также и псалий.

Можно заключить, что особенностью кузнечной техники изготовления предметов из «Владимировки» является использование очень простых технологий. Изделия не зависимо от категорий отковывались в основном из железа или сырцовой стали. Специальные приемы использовались, как уже было сказано, только в одном случае - при изготовлении кинжала (анализ 1 1183). Этот экземпляр (происходит из погр.62) выделяется среди прочих кинжалов из могильника конструктивными особенностями. Его рукоять с брусковидным навершием и бабочковидным перекрестием откованы из единого куска металла, тогда как обычно фиурное перекрестье (а часто и навершие) отковывалось отдельно от тела кинжала, а затем закреплялось на нем с помощью сварки. Именно таким способом выполнены все кинжалы из «Владимировки». Еще одна примечательная особенность рассматриваемого экземпляра - наличие на поверхности верхней части клинка двух сопряженных кружечков диаметром 3 и 5 мм непонятного назначения.

Говоря о характере сырьевого материала, из которого откованы изделия из

На юго-восточных рубежах азиатского Боспора

«Владимировки», стоит подчернуть, что железо отличается повышенной мягкостью, о чем свидетельствуют показатели микротвердости структурной составляющей - феррита. Металл подвергался очень тщательной ковке, благодаря чему хорошо освобожден от шлаковых включений.

Цемдолина (случайные находки). Изучено 5 предметов: наконечники копий - 4 экз. и один топорик. Все изделия оказались выполненными в простых технологиях: целиком из мягкого железа - (наконечник копья и топорик) или из неравномерно науглероженной сырцовой стали. В одном случае использована пакетированная заготовка из полос малоуглеродистой стали.

Заключая рассмотрение технико-технологических характеристик кузнецких изделий из указанных памятников, можно отметить, что характерной особенностью технологии кузнецкого производства является использование простых приемов: подавляющее большинство изделий (32 из 38) сформованы либо целиком из железа, либо целиком из сырцовой стали, которая по механическим качествам немногим отличалась от железа. Приемы, улучшающие рабочие качества изделий, зафиксированы только в шести случаях. Это различные виды цементации, т. с. способы искусственного получения стали. В четырех случаях выявлена цементация рабочего края изделия, в одном - поверхностная цементация и в двух случаях - сквозная цементация заготовки. Эти данные (соотношение простых технологий с приемами по улучшению рабочих качеств) хорошо укладываются в технологические характеристики, полученные нами ранее при исследовании синхронных материалов из могильников в Цемесской долине и у станицы Раевской. Так, из 24 изученных изделий из могильника в Цемесской долине приемы цементации зафиксированы только на 4 предметах, а из 15 изделий из могильника у станицы Раевской - на 3 экземплярах.

Представленные новые материалы из могильников «Большие хутора» и «Владимировка» подтверждают высказанную нами ранее мысль о том, что в сложении местной железообработки определенную роль играл географический фактор - замкнутое пространство в горных долинах, припятствующее широким контактам. Этот своеобразный «изолят» особенно хорошо отражен в материалах из «Владимировки». Немногие изделия все же можно связывать с инокультурными традициями. Это, например, три однотипных морфологически и технологически наконечников копий из могильника «Большие хутора» (анализ 11192, 11193, 11194). Все они изготовлены из сырцовой стали (возможно, дополнительно процементированы и подвергнуты мягкой закалке). Использование мягкой закалки при изготовлении наконечников копий характерно для кузнецких традиций кобанских племен.

Выпадает из местных производственных традиций и кинжал из «Владимировки» (анализ 11185), который по конструктивным особенностям напоминает биметаллические кинжалы, имеющие цельноплитую (вместе с навершием и перекрестием) бронзовую рукоять и железный клинок. Аналогии, видимо, также следует искать среди кобанских древностей.

Исследованные нами материалы, происходящие с территории расселения племен керкетов-торетов, позволяют расширить наши представления о местной производственной культуре, как о замкнутой консервативной.

О НАХОДКАХ ЭЛЕМЕНТОВ ЗАЩИТНОГО ВООРУЖЕНИЯ В ЦЕМДОЛИНСКОМ МОГИЛЬНИКЕ

Находки деталей металлического защитного вооружения скифского времени на Северо-Западном Кавказе довольно значительны и в хронологическом (VI-III вв. до н.э.), и в количественном отношении. Как правило, они происходят из всаднических захоронений высшей военной аристократии и профессиональных воинов-дружиинников, тесно связанных и со скифским, и с античным миром⁴. В этой связи обнаружение остатков двух панцирных наборов, равно как и бляшек, выполненных в традициях скифского звериного стиля (см.: Malychev A.A., Ravitch I.G., 2000), в Цемесской долине - регионе, население которого было явно изолировано от внешних, степных воздействий горными массивами отрогов главного Кавказского хребта - должны вызывать особый интерес.

Местонахождение 1 располагалось в 15 м к северо-западу от основного могильника. На компактном пространстве 5х5 м при помощи металлодетектора были собраны 1501 пластина из 1652, ныне хранящихся в Новороссийском историческом музее-заповеднике. Совсем немногочисленны среди них железные пластинки (9 экз.), причем на основном местонахождении обнаружена лишь одна. Компактность местонахождения и состав находок позволяет заключить, что эти пластины принадлежали одному защитному доспеху, усиленному практически только пластинами из бронзы, что является довольно большой редкостью для Северного Кавказа.

Форма. 1302 пластины сохранили свои размеры полностью. Форма пластин близка к прямоугольнику разных пропорций. Верхняя часть большей части пластин имеет прямые углы. Боковины большей части пластин взаимопараллельны, лишь незначительная часть лопастевидно расширяется вниз. Углы нижней половины плавно закруглены. Нижний край и правая боковая поверхность этих пластин резко загнуты внутрь настолько, что вдоль кромки образовалось рельефное ребро, которое является не только декором, но и имеет чисто практическое значение: оно, как и S-образный изгиб имеющийся у крупных пластин близкой к квадратной форме, сообщает пластине дополнительную прочность, являясь ребром жесткости, и обеспечивает ей плотнее прилегание к нижнему ряду.

Значительными оказались различия в пропорциях пластин, среди которых отчетливо выделяются две группы: близкие к квадратной и прямоугольной форме. Для расчленения этих массивов внутри групп пластины были разделены в зависимости от соотношения ширины к длине (К):

1. Квадратные (отношение ширины к длине - 0,7-1,3). Площадь перекрываемая пластинами составляет 2919 см²: 404 см² (0,9); 1005 см² (0,8); 955 см² (0,7).

2. Продолговатые (отношение ширины к длине - 0,6-0,4 - 659 экз.). Пластины этих пропорций характеризуются относительно высокой стандартизацией, что

⁴ Речь идет прежде всего о захоронениях в Семибратских и Елизаветинских курганах.

выразилось в небольшом вариационном размахе размеров. Судя по географии аналогий, эта форма использовалась в панцирных наборах очень широко. Наиболее близкие в территориальном отношении аналогии происходят из погребальных комплексов Семибратьих курганов (Черненко Е.В., 1973, с.80, рис. 2, 18; 6, 4; 9, 1).

Бронзовые пластины из Цымдолинского некрополя

Эти пластины имеют площадь: $2249 \text{ см}^2 = 715 \text{ см}^2 (0,4)$; $783 \text{ см}^2 (0,5)$, $751 \text{ см}^2 (0,6)$.

Согласно типологии Е.В. Черненко, форма пластин соответствует первому типу, который бытует с конца VII до III в. до н.э. (Черненко Е.В., 1968, с.27). Относительная редкость доспехов, усиленных практически только бронзовыми пластинами (Черненко Е.В., 1968, с. 22), не позволяет существенно уточнить датировку.

Основанием для уточнения датировки могут послужить обнаруженные вместе с пластинами материалы: две базисных наконечника стрел с треугольно-сводчатой головкой (Мелюкова А.И., 1964, рис.1: II отдел, 5 тип, 9 вариант) (рис.) и бронзовая фибула (найдена в 1996 г.).

Состав металла и технология изготовления пластин. Методом эмиссионного спектрального анализа определяли их состав и методом металлографии - технологию изготовления⁵.

Исследование под бинокулярным микроскопом (типа МБС-9) показало, что особенности геометрической формы пластин, тип отверстий, следы на внутренней их поверхности свидетельствуют о том, что пластины были первоначально

⁵ Спектральный анализ осуществляли на приборе СТЭ-1, металлографическое исследование - на микроскопе МИМ-8. При металлографическом исследовании изучали микроструктуру поперечного сечения пластин. Спектральный анализ был проведен с.н.с. отдела металла ГосНИИР А.Ф. Дубровиным.

изготовлены по стандартной технологии, а затем их как бы "подгоняли" под форму другой новой основы.

Исследование состава изделий показало, что они изготовлены из бронзы, основным легирующим элементом которой является олово в количестве 12-14%.

Табл.1. Химический состав пластин

Cu	Sn	Pb	Zn	Bi	Ag	Sb	As	Fe	Ni	Co	Au
основа	14	0,01	-	-	0,01	-	0,4	0,08	0,008	0,002	-
основа	12	0,02	-	0,01	0,001	-	0,2	0,02	0,01	0,04	-

Таким же содержанием олова характеризуются панцирные пластины из кургана 2 Волковцы (левобережье Днепра). Отметим, однако, что по содержанию примесей исследованные нами панцирные пластины отличаются от найденных в Волковцах. Естественно, поэтому, предположить, что при одинаковой рецептурной норме источники меди, шедшей на изготовление рассматриваемых изделий, были различны. Ввиду очень малого количества исследованных пластин говорить об этих источниках преждевременно. Приведем лишь важное наблюдение из работы Т.Б. Барцевой: "Интересно отметить, что в районе Прикубанья (и, возможно, и в нашем случае в районе Новороссийска - И.Р.) панцирный доспех, включая сюда и пластинки пояса, и длинные чешуйчатые пластины предпочитали отливать лишь из сырья восточного типа" (Барцева Т.Б., 1981, с. 37).

Естественно возникает вопрос, чем привлекали древних мастеров бронзы, содержащие довольно высокое количество олова. Подобные высокооловянные пластины были, вероятно, достаточно дорогими ввиду дефицитности оловянной лигатуры.

Преимуществами этих бронз является их высокая твердость (100-110 кг/мм²) и прочность в отожженном состоянии, которая заметно возрастает уже после невысоких степеней холодной деформации (10%) до 160-180 кг/мм² (Panzeri C. & Leoni M., 1957, fig.15, p.241). Другим важным преимуществом рассматриваемых бронз является их высокая коррозионная стойкость и, как упоминалось выше, красивый золотистый цвет. Микротвердость большинства изделий, определенная на приборе ПМТ-3 при нагрузке 200 г составляла 120 кг/мм², в некоторых образцах ее значение достигало 160 кг/мм² и даже 200 кг/мм².

На основании имеющихся данных можно следующим образом реконструировать процесс изготовления пластин. Отметим также, что бронзы, содержащие 12-14% олова, не поддаются холодной ковке в литом состоянии, что иллюстрирует кривая ковкости бронз, полученная нами при моделировании (Равич И.Г., 1983, рис.7) (рис. 2а). Это связано с тем, что в их структуре имеется хрупкий эвтектоид. Для того, чтобы сделать их пригодными для обработки и изготовить из них тонкие пластины необходимо растворить хрупкий эвтектоид, то есть предварительно нагреть бронзы до температуры красного каления металла (не ниже 650-700°) и выдержать при этой температуре не менее одного или нескольких часов (в зависимости от количества олова) (Ravich I.G., 1991, p.22, рис. 4).

Первоначальным этапом технологического цикла являлось, естественно, получение литой заготовки. Можно предположить, что подобная заготовка,

вероятно, представляла собой пластину, толщина которой была сопоставима с конечной толщиной изделия.

Расчеты показывают, что, чтобы получить пластину толщиной 0,5 мм, при использовании заготовки толщиной 5 мм и обжатии ее на 20% таких отжигов должно быть не менее 10. После высокотемпературного нагрева литую заготовку подвергали нескольким циклам ковки и отжига, в результате чего в сплавах формировалась однородная полиздрическая структура, не содержащая следов неравновесной кристаллизации. По-видимому, пластины панциря делали разные мастера, т.к. микроструктура различных изделий отличается по величине зерна, о чем уже говорилось выше. Однозначно сказать, какими факторами был обусловлен размер зерна затруднительно, т.к. это могло быть связано с различным составом бронзы и количеством в ней примесей, а также разницей в степени деформации, температуре и времени промежуточного отжига.

Заключительной операцией обработки заготовки являлось ее упрочнение или правка с помощью холодной ковки с незначительной степенью обжатия, о чем свидетельствует невысокое среднее значение микротвердости пластин - 120 кг/мм². О том, что пластины подвергали незначительной холодной деформации, говорит также наличие полос скольжения в структуре изделий.

Из полученных таким образом заготовок нарезали полосы, из которых далее получали пластины. Рационализм мастеров выразился в том, что левая боковая сторона пластин, а также верхняя кромка оставлена практически не обработанной: зубчатой либо имеют не отполированную кромку, оставленную ножницами или зубилом. Твердая основа-матрица заданной конфигурации использовалась для получения рельефной грани-ребра в нижней части пластины использовалась. Рубцы вдоль грани на внутренней поверхности пластины указывают на последовательность обработки: сначала поджималась более узкая боковина, а затем нижняя часть пластины.

Крепление пластин к основе панциря осуществлялось с помощью специальных отверстий: многие отверстия на пластинах из Цемдолины пробиты очень аккуратно, не содержат облоя, то есть вырублены инструментом типа пуансона и слегка прокованы. Их количество у большинства (95%) пластин стандартно - четыре: три (основных) вдоль верхнего края и одно, дополнительное, внизу слева. Различное расстояние между отверстиями, причем, хотя в большинстве случаев отверстия расположены по одной линии, но известны случаи, когда они образуют треугольник, - все это свидетельствует о том, что они пробивались без разметки:

В коллекции отмечены случаи и "нестандартного" количества отверстий (87 экз. - 5% от целых). Как правило, на таких пластинах фиксируются следы ремонта - дополнительные отверстия подпрямоугольной формы, проделанные инструментом типа шила. Как показало исследованию, чаще всего ремонту подвергались пластины "узких" и "средних" пропорций 0.6-0.7: 0.5 - 8 экз.; 0.6 - 13 экз.; 0.7 - 15 экз.

Заключительной стадией обработки пластин была шлифовка и полировка (внешней поверхности и видимых при эксплуатации доспеха кромок), благодаря которым на ее поверхности полностью были уничтожены следы ковки, а после коррозии, благодаря полировке, на внешней стороне изделий образовывалась

глянцевая патина оливкового цвета. Материалом для шлифовки и полировки бронз, согласно результатам исследования этрусских зеркал (Panzeri C. & Leoni M., 1957, fig.15, p.241), близких по составу к нашим пластинам, могли быть наждак и зола.

Технология изготовления панцирных пластин нам известна благодаря исследованию в Пантикее мастерской оружейника, где были обнаружены бронзовые и железные панцирные чешуйки, заготовки и приспособления для производства доспехов (полоски бронзы, бронзовой пластинки-шаблона, свинцовой плитки-подушки, на которой вырубали отверстия для крепления). В отличие от цемдолинских, панцирные пластины чешуйчатого доспеха из Пантикея (VI-V вв. до н.э.) содержат 3,7-4,7% олова, кроме того, в состав металла пантикеевых пластин входит серебро (Марченко И.Д., 1971, с.150; Treister, 1987, р.55).

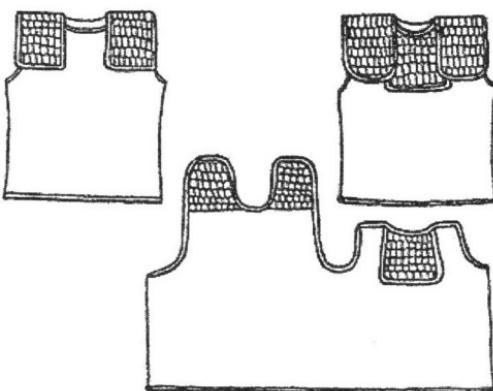
В подобной мастерской была изготовлена панцирная пластина из "красного" по цвету металла, обнаруженная в культурном слое эллинистического времени Раевского городища обнаружена, изготовленная по технологии, отличной от той, которую применяли при формовке "золотых" чешуй. Изучение микроструктуры пластины показало, что она изготовлена из бронзы содержащей не более 2-5% олова. Структура мелкозернистая, видны следы дендритной ликвации. Можно предположить, что заготовка прошла цикл ковок (возможно, в горячую), которые осуществлялись при температуре не более 600°C. Конечная обработка не приводила к значительному упрочнению металла. Микротвердость его 90 кг/мм².

Возможности реконструкции доспеха. Пластины панциря были нашиты на основу либо кожаную, либо тканевую. Наиболее точные сведения об основных компонентах доспеха можно получить при обнаружении панциря *in situ*, что в данном случае невозможно.

Количество найденных пластин, которые, по нашему мнению, составляют почти весь панцирь из цемдолинского погребального комплекса, позволяет установить площадь, которую способны они перекрыть - 5 168 см². В расчет не следует брать те части пластинок, на который имеются отверстия для крепления. Нам представляется, что нашивание пластин на панцирь, при котором обеспечивалась необходимая прочность и некоторая подвижность всей конструкции, должна привести к перекрыванию пластины соседними пластинами и пластинами верхнего ряда как минимум на 1/3 ее площади. Более того, по наблюдениям Е.В. Черненко, пластины обычно укладывались в 2-3 слоя (Черненко Е.В., 1968, с. 22), поэтому реальная площадь, защищаемая пластинами, еще больше сокращается.

Сравнительный материал по количественному составу пластин в панцире совсем невелик (Черненко Е.В., 1968, с.26). Известны, в частности, данные по трем доспехам, причем количество пластин варьирует от 600 до 3,5 тыс. экз. В этих условиях: количество обнаруженных при обследованиях пластин (ок. 1700 экз.), которая реально едва в состоянии прикрыть грудь воина, - позволяют предположить небольшие размеры панциря или использование помимо металлических пластин других материалов.

Учитывая наличие дополнительных отверстий на практически всех пластинах, что позволяет усомниться в их использовании для защиты подвижных частей тела (рук, нижней части туловища), а также относительно небольшое в целом количество пластин, можно предположить, что он представлял собой нагрудник (), либо в доспехе из цемдолинского погребения этими пластинами были усилены плечи и грудь (рис.).

Предполагаемая реконструкция панциря из Цемесской долины

Подытоживая соображения по приемам обработки пластин, в частности, применения для изготовления пластин бронзы, требующей достаточных навыков работы, можно сделать следующее предположение. Пластины первоначально были изготовлены профессионалами-кузнецами, работавшими в определенных мастерских, а затем они попали в иную среду, где их использовали вторично и приспособливали, меняя их форму, подрезая края и пробивая кустарным методом новые отверстия. Таким образом, панцирь из цемдолинского погребального комплекса был изготовлен, по-видимому, из остатков другого, изношенного (?) доспеха.

Помимо своей непосредственной задачи отразить колющий и рубящий удар, блоки панцирных пластин из золотистой бронзы имели, декоративную функцию, призванную своим блеском не только устрашить противника в бою, но и подчеркнуть высокий социальный ранг обладателя панциря.

Топография находок (изолированность от основного могильника) указывает на принадлежность обнаруженных защитных доспехов представителями местной аристократии и позволяет предположить существование в Цемесской долине крупного племенного центра, имеющего тесные связи с прикубанскими политическими центрами.

А.А. Малышев, И.Г. Раевич (Москва)

РАЕВСКОЕ ГОРОДИЩЕ ОПОРНЫЙ
ПУНКТ БОСПОРЯН НА ЮГО-
ВОСТОКЕ

РАЕВСКОЕ ГОРОДИЩЕ: ПОЛВЕКА АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

Раскопки 1955 года проводились в северо-западной части городища, где исследовался участок валообразной насыпи [Онайко Н.А., 1955]. В культурном слое, мощностью 1,18-2,3 м, было выделено три слоя эллинистического, римского и средневекового времени. В предметном слое (суглинок с большой примесью белоглазки мощностью от 0,3 до 1,1 м), датированном Н.А. Онайко концом IV-III вв. до н.э. открыты стены каменных зданий. Часть их оказалась оштукатурена и расписана.

Работы 1956, 1958, 1962, 1963 гг. были главным образом сосредоточены в северо-западной части городища. Здесь, под валообразной насыпью, удалось проследить несколько строительных периодов: ранние каменные (ракушечник) постройки "легкого типа" и время существования монументального здания площадью ок. 400 м², состоявшего из двух помещений и перистильного дворика (III-II вв. до н.э.) [Онайко Н.А., 1956; 1958; 1962а; 1963; 1967].

Сооружение крепостной стены на этом участке датировано II-I вв. до н.э. На рубеже нашей эры она была разрушена, а в I-II в. н.э. вновь восстановлена [Онайко Н.А., 1963, с.9; Онайко Н.А., 1984, с.92]. Несмотря на сильное разрушение крепостных сооружений в середине III в.н.э., жизнь на поселении продолжалась и в позднеримское (IV в. н.э.) время [Онайко Н.А., 1963, с.9; Онайко Н.А., 1965, с.129-130]. По наблюдениям Н.А.Онайко, городище использовалось до XIII-XIV вв. [Онайко Н.А., 1962б; Онайко Н.А., 1984, с.92].

В течение четырех полевых сезонов (1984-1987 гг.) археологические памятники в окрестностях городища исследовались А.В.Дмитриевым [Дмитриев А.В., 1984; 1985; 1986; 1987]. Было заложено 6 шурfov размером 5x5 м на самом городище (№ IV-V), на плато к западу от раскопов Н.А.Онайко, за валообразной насыпью (№ I-III), а также на склоне оврага западнее городища (№ VI) [Дмитриев А.В., 1985, с.61-71]. Наиболее важные результаты получены при раскопках шурфа 1, где были выявлены следы каменной застройки, датированной А.В.Дмитриевым раннеримской эпохой [Дмитриев А.В., 1985, с.63]. Это подтвердило предположение Н.А.Онайко о существовании культурного слоя античного времени к западу от валообразной насыпи [Онайко Н.А., 1963, с.7,8].

Исследования сооружений Раевского городища были продолжены в 1998 году. Они проводились с учетом опыта предшествующих работ и носили комплексный характер. В частности, параллельно с археологическими раскопками в разных частях городища была проведена магниторазведка. Был разбит участок для магнитной съемки, начинающийся от восточного края городища по направлению к центру и далее несколько не доходя до западной внутренней его границы, т.е. 20 x 140 м. Источником выявленных аномалий, по всей видимости, являются выходы геологических структур, которые в районе городища представлены повторяющимся четырехслойным пакетом, состоящим из глины, глинистых сланцев, мергеля и известняка. В этом нас убеждает, во-первых, периодичность аномалий, во-вторых, угол наклона всей системы, соответствующий направлению геологических слоев, читаемых на обнажениях неподалеку от городища, например, вдоль дороги, ведущей

к реке и тянущейся параллельно стене городища с внешней его стороны, а также на аэрофотосъемке.

Учитывая результаты исследований А.В.Дмитриева в 1985 году, к западу от валообразной насыпи также была проведена магнитная съемка. Однако в связи с многочисленными помехами, выявленная картина оказалась малоинформативной.

Каменная застройка с регулярной планировкой на городище связана с появлением здесь боспорян. По наблюдениям Н.А. Онайко, ей предшествовал горизонт легких построек из привозного ракушечника. Большая часть датирующего материала (монеты, амфорный материал) как на самом городище, так и в его окрестностях связан с III – началом II в. до н.э.

Исследование комплекса эллинистической застройки на городище имеет два периода. Первый - связан с открытием и исследованием Н.А. Онайко в 50-60-е гг. XX в. в северо-северо-западном углу городища монументального здания площадью свыше 400 м².

В связи с естественным перепадом высот северная часть этого здания сооружена в слое предматериковой глины, а южная - непосредственно на материковой скале. Постройки здания ориентированы довольно точно по странам света: парадный вход обращен на запад, на античную Горгиппию.

Сохранность элементов сооружения разная. Стены северной части здания, где располагались помещения «А» и «Б», сохранились местами на высоту - 1,6 м, тогда как в южной половине кладки - на высоту одного-трех рядов.

Мощность и усиленные фундаменты стен помещений «А» и «Б» позволяют предположить, что в северной части здание имело два этажа.

Внутренние фасы стен помещения «Б» были покрыты двуслойной штукатуркой, на которой выявлены фрагменты полихромной фресковой росписи. Роспись стен состояла из вертикальных чередующихся полос, нанесенных красной краской. Пол помещения был вымыщен обломками ракушечника. Обнаружен обломок гипсового декора в виде пальметки.

Южная часть здания, как предполагала Н.А. Онайко, была полностью разобран при постройке оборонительной стены. Исследования 2004 г. показали, что эллинистическая застройка была уничтожена рвом нового времени.

Перистильный дворик сохранился частично: это стилобат портика из обработанных блоков ракушечника, расставленных через 2 м, на некоторых обнаружены базы столбов. Сохранность деталей стилобата хорошая: на части блоков прослежена рустовка, а со стороны, обращенной к портику, прослежена подрубка. Стены дворика, судя по обломкам расписной штукатурки, были украшены полихромной росписью. Следы белой однослойной штукатурки обнаружены на внешней стороне южной стены.

Второй этап исследования комплекса эллинистической застройки начался в 2002 г. К западу от вышеописанного здания выявлены основания стен целого комплекса построек связанных с ним, судя по совпадению планировки (по странам света) и синхронности находок.

⁶ Общая площадь здания, по мнению Н.А. Онайко, могла составлять около 700 м².

К сожалению, далеко не все строительные остатки, выявленные в ходе раскопок 2002-2004 гг. можно связать с бытовыми, жилыми или хозяйственными, комплексами. Тем не менее мощность внешних стен невелика (около 0.5 м). Судя по разным уровням остатков застройки, дневная поверхность в момент появления здесь боспорян имела значительные высотные перепады.

В строительстве использован практически лишь песчаник. Повсеместно на раскопе находят небольшие обломки явно привозного ракушечника, но в кладках он является большой редкостью. Из ракушечника, в частности, были изготовлены архитектурные детали (постарада,) административного сооружения.

Способ кладки довольно единообразный: в основании - мощные каменные блоки длиной 1 м и даже более, выше возводилась двухлицевая кладка из каменных блоков разного размера, уложенные впереплет. Образовавшиеся неминуемо при этом пустоты заполнялись обломками песчаника и глиной. Анализ глины подтвердил, что в глиняный раствор добавлялась в значительных количествах органика.

Обнаруженные в обоих помещениях обломки, по-мнению Н.А. Онайко, принадлежат горгиппийской черепицы с клеймом "ΕΥΜΗΔΟΥ" свидетельствует о наличии черепичной кровли. Обнаруженные внутри помещений (раскопки 2002 г.) куски угля принадлежали хвойным породам⁷, использованных, по-видимому, для строительных конструкций.

Любопытным обстоятельством является незначительное количество очагов в выявленных сооружениях. Оно позволяет предположить сезонный характер использования комплекса и небытовой характер комплекса в целом. Это предположение подтверждается малой насыщенностью культурного слоя находками и низким содержанием фосфора – независимого индикатора интенсивности жизнедеятельности. Н.А. Онайко оставила открытым вопрос о назначении этого здания (Онайко Н.А., 1967, с.168), тогда как С.Д. Крыжицкий отнес его к "жилым комплексам дворцового типа" (Крыжицкий С.Д., 1982, с. 67-68).

Многолетние исследования на памятнике Раевское городище дали возможность накопить большой массив аналитических данных о хозяйственном использовании. В первую очередь, это относится к результатам по определения содержания и распределения соединений валового фосфора. Эти соединения отражают процессы формирования культурных слоев, динамику развития населенных пунктов. Послойный, хронологически стратифицированный отбор образцов по квадратам раскопов ряда лет позволил создать серию картосхем, отражающих интенсивность и длительность освоения территории в различные исторические периоды.

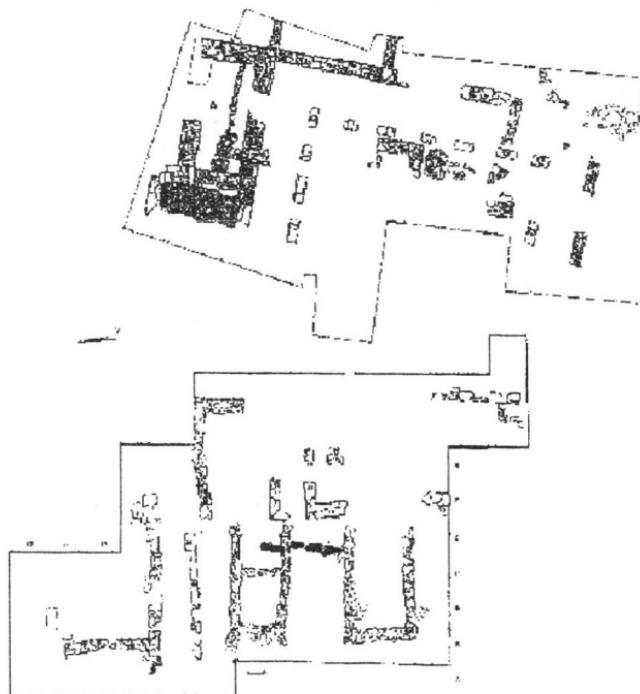
В эпоху раннего железа (догреческий период) земли были освоены слабо. Стационарного поселения, скорее всего не было. Возможно, была кратковременная небольшая стоянка в северо-западной части городища.

Продвижение в регион боспорского населения ознаменовалось основанием античного поселения на Раевском городище. Этот исторический период (III-II вв. до

⁷ На соседних участках, вне помещений (раскоп 2002 г.), хвойные породы не встречены совсем.

н.з.) выделяется среди всех, включая современность, максимальным освоением и заселением пространств. Отмечается неравномерность степени антропогенного преобразования исходного почвенного покрова. Наиболее длительная и интенсивная поселенческая активность, судя по содержанию фосфора и бытового мусора, прежде всего керамики, прослежена в юго-восточной части городища (раскопки 2000-2001 гг.). Северо-западный участок, известный своей обширной каменной застройкой востребовался в этот период в меньшей мере.

Таким образом, можно сказать, что в эпоху эллинизма участок обжит. Люди жили длительное время (весь исторический интервал), но хозяйственная деятельность была локальной по своей интенсивности. Видимые различия связаны с различиями в функциональном использовании тех или иных участков городища.

План застройки эллинистической эпохи в северо-западной части городища.

В раннеримское время происходят значительные изменения в планиграфии городища, что, по-видимому, связано с возрастанием роли городища как фортификационного сооружения. Каменное строительство ведется в самой высокой части городища – в северо-восточном углу, где была возведена башнеобразная постройка.

Римское время (I - перв.пол. III вв. н.э.) характеризуется замириением хозяйственной деятельности. Не исключено, что население в этот период перебирается выше в предгорья.

К сожалению, мощный в разных частях городища слой эпохи средневековья не всегда поддается достаточной точной датировке.

Исследования последних лет всецело подтверждают наблюдения Н.А. Онейко, которая отмечала ограниченные торговые возможности поселения: «Необходимость в создании здесь поселения объяснялось общими мероприятиями по укреплению восточных границ Боспора. Военное, стратегическое значение Раевского городища подтверждается его обширностью, солидностью его стен и характером месторасположения: речка Маскага, впадающая в Анапский лиман, могла служить связью укрепленного города Горгиппии с этим сторожевым постом» (Онейко Н.А., 1959, с.59).

А.А. Малышев, А.А. Гольеева(Москва),
К.А. Демичев, И.Ю. Мамонова (Нижний Новгород),
А.С. Клемешов (Москва), Е.А. Яковлева (Псков)

К ВОПРОСУ О ИЗМЕНЕНИЯХ ПРИРОДНО-КЛИМАТИЧЕСКОЙ СИТУАЦИИ В ПРЕДГОРЬЯХ СЕВЕРО-ЗАПАДНОГО КАВКАЗА: ПО ДАННЫМ РАСКОПОК РАЕВСКОГО ГОРОДИЩА

В северо-западной части Раевского городища (станица Раевская) палинологическим методом был изучен разрез раскопа (РГ2-02, кв. Б4).

В восточной бровке раскопа, в 1 м от северного угла квадрата сверху вниз вскрыты следующие слои:

0.00-0.20 м - Слой 1. Темно-серый, однородно окрашенный, средний/тяжелый суглинок, структура комковатая (комки 1-3 см), обилие корней (дернина), мелкий щебень. Порода сильно карбонатная. (Обр. 1,2)

0.20-0.50м - Слой 2. Темно-серый, однородно окрашенный, средний/тяжелый суглинок, структура комковатая (комки 1-3 см), обилие корней. Кротовины диаметром 5-10 см заполнены белесым материалом. Мелкий щебень, порода сильно карбонатная. Находки - осколки керамики. (Обр. 3,4,5).

0.50-1.00 м - Слой 3. Светло-коричневый, тяжелый суглинок, твердый, редкие крупные корни более 3мм, мелкий щебень. Порода сильно карбонатная. Находки - осколки керамики. (Обр. 6,7,8,9,10).

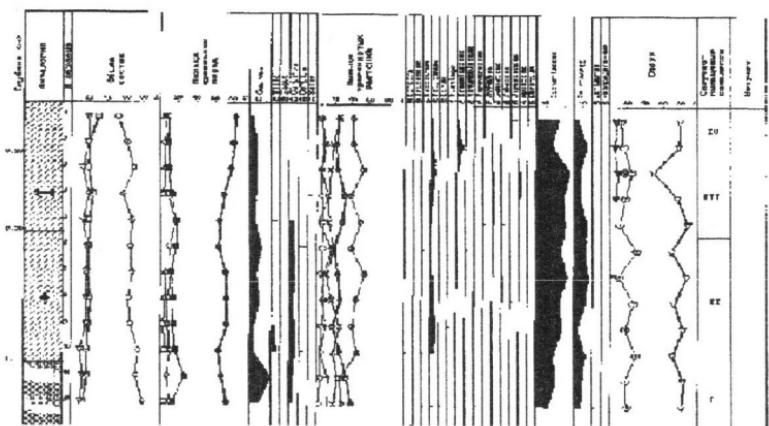
1.00-1.20 м - Слой 4. Белесый твердый бесструктурный суглинок; элювий скалы. (Обр. 11, 12).

По исследованному разрезу было выделено 4 спорово-пыльцевых комплексов, которые следуют снизу вверх по разрезу.

1 спорово-пыльцевой комплекс (сосна при участии широколиственных пород, березы и лугостепей с господством злаков) выделяется по образцам 11 и 12 из слоя 4.

В общем составе безусловно доминирует пыльца травянистых растений (70-80%), пыльца древесных пород составляет 12-17% и около 10% приходится на споры.

Данный комплекс отражает условия редколесий, где лугостепная растительность чередовалась с кутинаами из дуба, причем на этом этапе их было больше всего. По особенностям морфологии пыльцы чаще всего встречается *Quercus pubescens*. Это гелиоксерофильный восточно присреднеземноморский светолюбивый вид, который широко распространен в Южной Европе. Произрастает в климате с хорошо выраженным средиземноморскими чертами (сухое и жаркое лето и мягкая влажная зима, среднегодовая температура 9-12° С, а количество осадков 420-550 мм в год). В состав небольших переплесков из этого дуба входил, судя по данным палинологического анализа, также граб.

Присутствие в спектрах сосны, по-видимому, является свидетельством того, что эта порода в то время имела более широкий ареал, поскольку в настоящее время она встречается только в Центральной и Восточной части Северного Кавказа. Пыльца сосны очень летучая, и можно было бы предположить, что ее высокое содержание в спектре есть результат ветрового заноса, но морфологические особенности изученной пыльцы дают нам основание считать, что только часть пыльцы была занесена ветром. Так, очень часто, встречаенная в этом комплексе пыльца имеет слабо и недоразвитые воздушные мешки. Такая морфологическая особенность зерен характерна только при высоких температурах в весенний период (время цветения этой породы). Этот дефект морфологии также не способствует способности пыльцы к дальнему переносу.

На жаркие и сухие климатические условия указывает и состав травянистых растений. Именно в этом комплексе довольно много маревых (*Chenopodiaceae*), что может говорить и о возможном засолении грунтов, в благоприятных для этого процесса условиях.

II спорово-пыльцевой комплекс (сосна с участием широколиственных пород, березы, и незначительным участием ели, преобладает луговое разнотравье) описан по образцам 6, 7, 8, 9, 10 из слоя 3.

Для данного комплекса, больше чем для предыдущего, характерно большое

количество пыльцы травянистых растений, которые составляют 64-74%. На пыльцу древесных пород приходится 16-20%, и примерно столько же (16-17%) на споры.

Несмотря на кажущуюся похожесть комплексов I и II при их сравнении видны тенденции изменения природных условий в сторону некоторого похолодания климата. Это проявилось в появлении пыльцы ели и липы, сугубо лесных элементов флоры, требующих большей влажности. Отчасти это относится и к появлению в спектрах пыльцы лещины, которая чаще всего произрастает в подлеске. Разнотравье становится богаче по составу. Сокращается только роль дуба. Однако не исключено, что уменьшение роли дуба в ландшафте территории связано и с хозяйственной деятельностью человека, т.к. есть мнение, что в предгорьях степи имеют вторичное происхождение. На основании полученных спектров по данному комплексу можно предположить, что основным типом растительного покрова в это время были лугостепи с очень незначительными перелесками из дуба, липы и, возможно, сосны. Некоторое похолодание климата могло способствовать увеличению роли лесных массивов в ландшафте территории, но установить связь между границей леса и климатическими условиями, учитывая хозяйственную деятельность человека и общую низкую облесенность территории, весьма трудно.

III спорово-пыльцевой комплекс (сосна с участием широколиственных пород и березы, преобладает лугостепное разнотравье) охарактеризован по образцам 3,4, 5 из слоя 2.

По общему составу этот комплекс близок предыдущему. Здесь преобладают травянистые растения (около 70%), 20-23% древесных пород и около 13-19% спор.

По существу этот этап характеризуется теми же особенностями природной среды что и описанные по II комплексу. Основным отличием является чуть большая влажность климата и незначительное похолодание в конце этапа, когда появляется пыльца букка, ивы, а среди споровых растений споры хвоща и сфагнового мха. В целом, в ландшафте большие площади занимают лугостепи, возможно являющиеся вторичными, после вырубки дубовых лесов, и небольшие куртины дубрав с возможным участием сосны. Вопрос о роли сосны необходимо выяснить при дальнейшей работе, т.к. ее постоянное присутствие в большом количестве в составе спектров, указывает, вероятно, на расширении ее ареала в то время, по сравнению с современным.

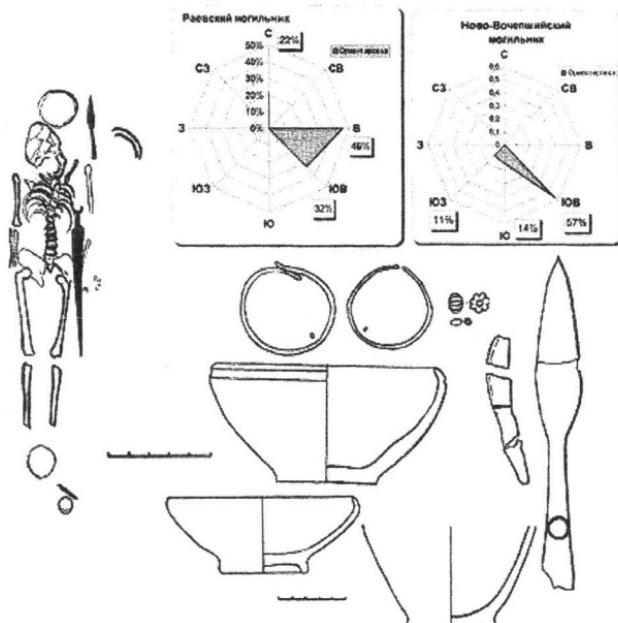
II спорово-пыльцевой комплекс (сосна с незначительным участием березы, широколиственных пород и ели, при значительной роли разнотравья.) описан по образцам 1 и 2 из слоя 1. В препаратах встречены мелкие кусочки угольков, много органических остатков. В общем составе возрастают участие пыльцы древесных пород (до 30%). Пыльца травянистых растений составляет 51-61%, а спор 19%.

Климат данного этапа еще чуть более влажный, чем в предыдущем. Постоянное присутствие в небольших количествах ели, осок, а также сфагновых мхов подтверждает это предположение. Вместе с тем, постоянное присутствие таких сорняков как *Polygonum* и мелких форм пыльцы из сем. *Brassicaceae*, а также наличие сине-зеленых водорослей, скорее всего свидетельствует о распашке почвы и ведении человеком сельскохозяйственных работ. Нетронутый ландшафт территории по-прежнему представлял собой открытые пространства лугостепей с куртинами дубрав.

E.A. Спиридонова (Москва)

О НАСЕЛЕНИИ РАЕВСКОГО ГОРОДИЩА В ЭЛЛИНИСТИЧЕСКУЮ ЭПОХУ

Возрастание могущества Боспорского государства в конце IV в. до н.э., судя по довольно скучным данным в письменных источниках (Diod., XX, 22-24), привело к существенному расширению его границ на восток и юго-восток. Об усилении влияния Боспора недвусмысленно говорит количественное и качественное возрастание объемов античного импорта в северокавказском регионе (Малышев А.А., 2000, с.112-113). В орбите античного влияния оказались памятники Центрального Предкавказья (напр.: центры, расположенные на Грушевском и Татарском г-щах).

Захоронение из Раевского могильника

Регионы, являвшиеся на протяжении веков дальней варварской периферией, оказались под властью Боспора. В частности, под контроль боспорян попали поселения на Раевском (предгорья Северо-Западного Кавказа) г-ще.

Захоронения могильника грунтовые. Форма могильной ямы, как правило, не прослеживается. Каменные конструкции (заклады) (Раевский), наряду с расположением погребальной инвентаря, позволяет предположить устройство подбоев. Ориентировка в восточном секторе преобладает на Раевском м-ке, что типично для меотских м-ков этого времени в целом. На Раевском м-ке выявлено более 40% захоронений с миской под головой, что даже выше, чем на меотских могильниках Прикубанья.

На Раевском могильнике абсолютно преобладает красноглиняная античная посуда, содержание лепной посуды составляет в комплексах в среднем 20-30%, сероглиняная посуда представлена в основном двухручными канфарами.

На Раевском м-ке обряд обол Харона распространение не получил, хотя предметы античного ремесла (керамика, бусы, перстни-печати) очень разнообразны и многочисленны, что свидетельствует о постоянном контакте с боспорянами.

Вооружение. На Раевском м-ке известны погребения воинов-всадников, многочисленны всаднические длинные мечи синдо-меотского типа, а также другие типы наступательного вооружения (наконечники стрел и копий, мечи и топоры), что свидетельствует о занятости населения оставившего эти могильники

Появление и существование довольно обширного м-ка в удалении от Раевского г-ща позволяет предположить стремление этнического массива, которому принадлежит некрополь, к обособленности. Ориентировка, обычай клань именно лепную миску под голову и ряд других признаков сближает м-к памятниками Закубанья (Ново-Вочепшийский м-к). Обилие предметов вооружения (топоры - местная особенность, типичное оружие населения предгорьев со скифского времени в погребениях свидетельствует о профессиональной занятости значительной части этого населения. Позволим себе привести такую историческую параллель - сообщение еп.Феодора об аланах (XIII в.): "близ Херсона живут аланы столько же по своей воле, сколько по желанию херсонесцев, словно некое ограждение и охрана" (Кулаковский Ю.А., 2000, с.203)).

А.А. Малышев (Москва)

ХОРА РАЕВСКОГО ГОРОДИЩА

О существовании хозяйственной периферии античного центра на Раевском городище, которая возникает практически одновременно, свидетельствуют археологические материалы, полученные в ходе полевых исследований 2000-2004 гг.

Особенности ландшафта и своеобразие природно-климатических условий

В частности, по течению реки Бедрички, впадающей в Маскагу, выявлено сразу пять поселений (РП(Раевское поселение)-4,7,8,9,10) (рис.1, 7,8,9,10). Для стратиграфии памятников характерно довольно близкое залегание скальных пород. Отметим, хороший обзор с поселений значительной части долины Маскаги, в прямой видимости находится и Раевское городище. Систематические многолетние исследования проведены на двух.

Поселение Раевское 4 расположено по обеим сторонам речки Бедрички, выше Раевского г-ща (132 м над уровнем моря). Близость водных источников, а также ландшафтные особенности обусловили использование этой территории для поселения на протяжении длительного периода.

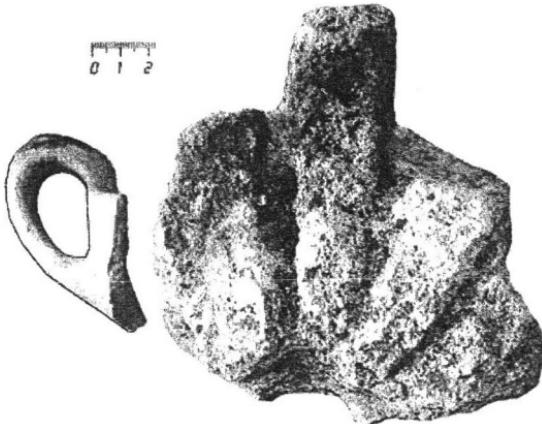
Памятник в значительной мере поврежден при хозяйственном освоении (постройки дамбы пруда, раскорчевки и распашки под виноградник).

Археологические исследования в разных точках этого памятника велись на протяжении пяти полевых сезонов: заложено 6 шурfov по обеим сторонам реки и два раскопа на северо-восточном берегу пруда (исследования 2001-2003 гг.). В

частности, шурфовке были подвергнуты юго-западный склон, а также возвышенность, расположенная ниже по течению реки на восточном берегу.

Найдены эпохи бронзы (небольшой кремневый ножичек на отщепе и отходы производства орудий из кремня) выявлены на раскопе в слоях античного времени, что свидетельствует об активной поселенческой деятельности в этот период, которая повлекла за собой разрушение отложений эпохи бронзы.

Найдены раннего железного века - архаической эпохи выявлены на возвышенности, расположенной ниже по течению (ручка черноглиняной лепной чарки) и на склоне, прилегающем к пруду с юга (венчик хиосской пухлогорлой амфоры в шурфе 1 (1998 г.)).

Найдены из шурфа на поселении Раевское 4 (ручка лепной чарки и скульптурный фрагмент из ракушечника)

Слой эпохи эллинизма, датированный монетами и амфорными синопскими клеймами, выявлен в раскопе (III-II вв. до н.э.). В культурном слое эллинистического поселения, в отличие от Раевского городища, отмечено явное преобладание лепной керамики над круговой.

Значительный ущерб памятнику был нанесен несанкционированными раскопками «черными» археологами. Ими было извлечено не менее трех кладов эпохи античности (небольшое скопление, по-видимому в шкатулке, бронзовых пантикопейских монет периода денежного кризиса, немногочисленный клад варварских подражаний серебряным денариям с изображением идущего Марса, собрано скопление позднебоспорских монет начала IV в. н.э.), а также клад средневековых византийских монет.

Эти данные свидетельствуют о том, что территория поселения использовалась и в позднеантичное время. Планиграфия поселения, судя по подъемному материалу, изменилась: для поселения был избран склон, примыкающий к пруду с юга.

Поселение Раевское 7 находится выше по течению реки Бедричка (204 м над уровнем моря). Оно расположено на возвышенности, расположенной на юго-восточном склоне ущелья реки.

Поверхность поселения интенсивно распахивалась. В 90-е годы на памятнике проводились несанкционированные раскопки. Есть сведения, что в результате было собрано около двух сотен монет близких по дате (римского времени – сер. II в. до н.э.-?). Не исключено, что это был распаханный монетный клад.

Систематические исследования были начаты на городище в 2000 г. В дальнейшем исследования продолжались в центральной части возвышенности, где была вскрыта площадь 36 м².

Подъемный материал и керамика из раскопа и шурфа, свидетельствуют о длительном периоде его существования. Найдены обломки амфоры V в. до н.э. в одной из ям, а также подъемный материал (железная втульчатая стрела и обломок железного псалия) позволяет утверждать, что площадь поселения использовалась и в догреческий период. Эллинистическая керамика (посуда и профильные фрагменты амфор) представлена в основном подъемным материалом.

Судя по материалам из раскопа и шурфа, заложенного в западной части поселения, практически у подножия возвышенности, наиболее интенсивная поселенческая деятельность (хозяйственные ямы), может быть датирована римским временем II-III вв. н.э. Вспомним, что на Раевском городище слои II-III вв. н.э. выражены наименее отчетливо.

Д.В. Честных, К.А. Демичев (Нижний Новгород)

О ЗНАЧЕНИИ НАХОДОК АНТИЧНЫХ МОНЕТ В ПРЕДГОРЬЯХ СЕВЕРО-ЗАПАДНОГО КАВКАЗ (ОКРЕСТНОСТИ ст. РАЕВСКАЯ)

Типичная находка в слоях античных поселений – монеты, как показывает практика, является наиболее «мобильным» предметом античного импорта. Найдены монеты римского времени известны в весьма отдаленных регионах Восточной Европы (Поволжье, Приуралье и других регионах). Огромные расстояния они покрывают в качестве дорогих безделушек-сувениров, талисманов (в виде медальонов), а также в виде сокровищ в составе кладов.

В регионах, расположенных в непосредственной близости от границ Боспорского государства или в периферийных районах, находки монет имеют особое значение. Они являются своеобразными индикаторами многообразия контактов, связывающих метрополию и периферийные районы.

Сведения о находках монет в долине реки Маскага стали поступать после начала интенсивных археологических работ в 50-е годы. За почти десятилетний период раскопок на Раевском городище было обнаружено 76 экз (в коллекции раскопок Раевского городища Н.А. Онайко хранится 7 экз.).

Время от времени становится известно о находках античных монет, обнаруженных в результате хозяйственной деятельности в окрестностях ст. Раевская.

Свою, далеко не самую славную страницу в истории формирования нумизматической коллекции находок античных монет вписали «черные» археологи, которые извлекли из культурных слоев поселений сотни и даже может быть тысячи монет. К сожалению, они оказались вырваными из археологического и исторического контекста. Эпоха эллинизма представлено типами:

/// в. до н.э.

1. Монета бронз. (Д - 1,2 см) изображение л.с.: голова молодого Сатир влево о.с.: лук, стрела надпись ПАН. Пантикопей: перв. пол. – сер. III в. до н.э. Обнаружено 20 экз. (Раевское г-ще)

2. Монета бронз. (Д – 1.9 см) изображение л.с.: голова молодого Сатир влево о.с.: лук, стрела надпись ПАН надч. горит. Пантикопей: сер.-втор.пол. III вв. до н.э. Обнаружено 20 экз. (19 – Раевское г-ще, и одна на поселении Раевское 4).

4. Монета серебр. (Д – 1.2 см) л.с.: голова Аполлона; о.с.: колос. Пантикопей: посл. треть. III в. до н.э. Обнаружено 2 экз. (Раевское г-ще)

5. Монета бронз. (Д – 1.5 см) л.с.: голова Аполлона, о.с.: треножник ПАН сбоку, слева. Перечеканка из изображение л.с.: голова молодого Сатир влево о.с.: лук, стрела надпись ПАН. Пантикопей: сер. – втор. пол. III в. до н.э. Обнаружено 7 экз. (Раевское г-ще)

6. Монета бронз. (Д – 1.5 см) л.с.: голова Аполлона, прямоуг. клеймо-треножник, о.с.: орел с раскрытыми крыльями (Бурачков XXII, 165, 166). Пантикопей: сер. – III в. до н.э. Обнаружено 6 экз. (Раевское г-ще)

7. Монета бронз. (Д - 2.1x2.3 см) с литиками вогнутой формы л.с.: голова Зевса вправо, о.с.: прора влево надчеканена два раза: голова Афины вправо/голова Сатира вправо (Шелов VI, 75). Пантикопей: трет. четв. III в. до н.э. Обнаружено 1 экз. (Раевское г-ще)

8. Монета бронзовая (Д – 1.2 см) л.с.: голова Сатира, о.с.: лук стрела ПАН под ним надчеканка треножник (Фролова, 1970. Рис.1, 15). Пантикопей: сер. – втор. пол. III в. до н.э Обнаружено 18 экз. (17 - Раевское г-ще; 1 – поселение Раевское 4)

9. Монета бронз. л.с.: голова бородатого Сатира, надчеканка звезда о.с.: голова льва, надчеканка горит (Шелов, V, 62). Пантикопей: нач. III в. до н.э. Обнаружено 3 экз. (2 - Раевское г-ще; 1 – поселение Раевское 4).

14. Монета бронз. (Д – 1.2 см) л.с.: голова бородатого Сатира влево, о.с.: голова быка ПАН (Шелов, V, 63). Пантикопей: кон. III в. до н.э. Обнаружен 1 экз. (ПМ).

II в. до н.э.

1. Монета бронз. (Д – 1.5 см) л.с.: треножник, о.с.: звезда между лучами ΠΑΝΤΙΚΑΠ (Анохин МдБ табл.7, №203). Пантикопей: кон. II - I в. до н.э. Обнаружен 1 экз. (Раевское г-ще).

2. Монета серебр. (Д-1 см) л.с.: голова Диониса, о.с.: тирс, перевязанный лентой ΠΑΝΤΙΚΑΠΑΙΩΝ (Анохин т.7, №206). Пантикопей: II в. до н.э. Обнаружено 1 экз. (Раевское г-ще).

3. Монета бронз. л.с.: голова Диониса вправо, о.с.: лук в горите Пантикопей: кон. I в. до н.э. Обнаружено 1 экз. (Раевское г-ще.).

4. Монета бронз. л.с.: бородатого Сатира в венке из плюща вправо, о.с.: лук, стрела ФА. Обнаружено 2 экз. (Раевское г-ще).

Раннеримское время (I в. н.э.):

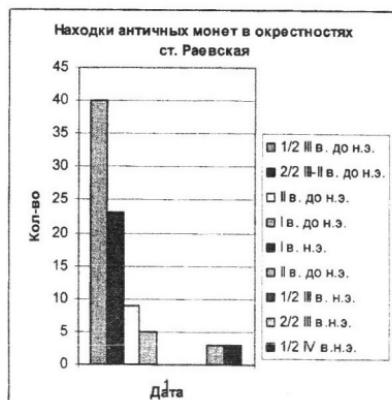
1. Монета бронз. (Д-1.8x2 см) о.с. бюст Аполлона вправо в венке, о.с. треножник с ветвью справа, слева монограмма ВАЕ. Боспор: кон. I в. до н.э. Обнаружен 1 экз. (поселение Раевское 12).

2. Монета бронз. (Д-1.4 см) л.с.: голова богини Афродиты Урании вправо в головном уборе и покрывале поверх него, о.с.: жезл, по сторонам которого подпись в две строки,

одна над другой "ΚΑΙΣΑΡΕΙΩΝ", справа внизу "Η" (8 единиц), точечный ободок. Дата кон. I в. до н.э.

3. Монета бронз. л.с.: голова Зевса; о.с.: орел на молнии, слева – звезда, справа – монограмма. Боспор: сер. I в. до н.э. после 63 г. до н.э. Обнаружен 1 экз. (окрестности ст. Раевская).

4. Монета бронз. л.с.: голова Аполлона или Диониса; о.с. бегущий олень ПАНТ. Боспор: I в. до н.э. Обнаружен 1 экз. (Раевское г-ще).

I-III в. н.э.

1. Монеты серебр. л.с.: варварское подражание римскому денарию. втор. пол. III в. до н.э. Обнаружен 3 экз. (Раевское г-ще).

нач. IV в. н.э.

1. Монета бронз. Фофорс (?). Боспор. Обнаружен 3 экз. (окрестности ст. Раевская).

Таким образом, большая часть монетных находок датируется в пределах III в.-начала II в. до н.э. Эти монеты составляют 2/3 всей коллекции. Дальнейшие периоды характеризуются резким снижением монетных находок, что само по себе является неслучайным явлением. Вне всякого сомнения, во II в. до н.э. экономические связи резко ослабевают. Боспорян в этот монет больше привлекает прибрежная зона, прежде всего Мысхакское поселение.

А.А. Малышев (Малышев)

ПРИМЕНЕНИЕ МЕТОДОВ ДИСТАНЦИОННОГО ЗОНДИРОВАНИЯ ДЛЯ ОПРЕДЕЛЕНИЯ ВНУТРЕННЕЙ СТРУКТУРЫ РАЕВСКОГО ГОРОДИЩА

Применение методов и данных дистанционного зондирования (ДДЗ), таких как аэрофото и космосъемка достаточно распространено в современной археологии. Обычно подобные методы используются для обнаружения памятников не выделяющихся на местности или для уточнения внутренней структуры или площади памятника. Однако критерии выделения остатков археологических объектов по данным ДДЗ, практически всегда специфичны для отдельного региона, а зачастую и

для отдельного типа памятников. Одним из результатов работ по обработке ДДЗ в археологии является постоянно накапливающийся объем данных о дешифрующих признаках, выделяющих археологические объекты на снимках. Весомость подобных признаков значительно повышается, если результаты дешифровки проверены в последствии археологическими раскопками. Поэтому основной целью работы по обработке ДДЗ является не только выявление памятника или его деталей, но и определение точных координат выделенных объектов, что облегчит обнаружение объекта на местности и исследование их в полевых условиях. Подобная цель преследуется и в данной работе.

1. Цели и методика исследования

Объектом исследования было Раевское городище, расположенное на берегу реки Маскага, у северо-западной оконечности одноименного озера, в трех километрах к северо-западу от станицы Раевской, Анапский район Краснодарского края. Целью исследования является попытка выделения, путем дешифровки аэрофотосъемки, остатков внутренней застройки городища.

В качестве источника использовался снимок плановой аэрофотосъемки, выполненный в апреле 1973 года. Некоторым недостатком являлось использование позитива снимка. Мелкие царапины позитива дают шумовой фон и затрудняют дешифровку объектов небольшого размера. Так же можно отметить тот факт, что на снимке городище попадает в зону дисторсии объектива, это дает некоторые искажения и недостаточную резкость изображения. Тем не менее, площадка городища хорошо различима на снимке.

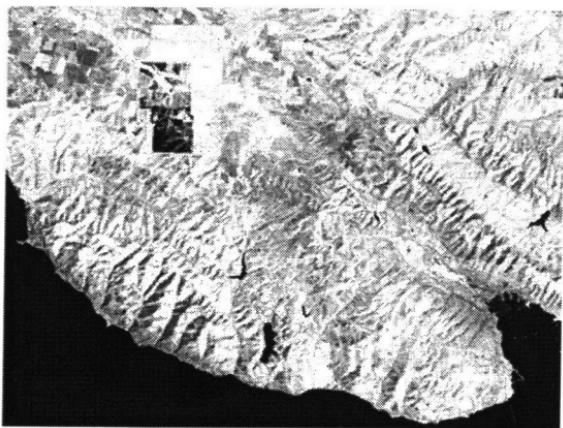
Обработка растровых и векторных данных - как самого снимка, так и картографической геоподосновы, велась в среде программного пакета ER Mapper 6.4. Данные импортировались в среду программы, геокодировались и подвергались дальнейшей обработке.

Для ортокоррекции и геокодировки снимка применялась многослойная геоподснова, состоящая из фрагмента снимка спутником Landsat выполненного в 2000 году (участок N-37-40), двух листов карты масштаба 1:100000 (L-37-111; L-37-112) и двух листов карты масштаба 1:10000 (T-43-15-B-B и -b) непосредственно на участок исследования. Часть геоподсновы (снимок Landsat) была уже геокодирована в системе WGS84/UTM, оставшиеся данные геокодировалась специально. Использование общемировой картографическая система WGS84/UTM вместо специфически российской SK42/Pulkovo упрощает задачу использования полученной в результате дешифровки снимка данных в полевых условиях при помощи координатных данных и приборов GPS.

В качестве еще одного источника картографической информации использовался топоплан городища и прилегающей территории (масштаба 1:1000) с нанесенными на нем данными о проводившихся на городище археологических исследованиях. Это позволило интерпретировать некоторые обнаруженные объекты как остатки раскопов различных лет.

Основой для выделения объектов служит их цветовая характеристика, которая в свою очередь связана с нарушением природной структуры почвы. В данном случае на темном фоне объекты выделяются как пятна более светлого

цвета, который может быть связан как с углубленными объектами, так и с остатками построек.

Для удобства картирования результатов дешифровки использовалась координатная сетка, с размером квадрата 10x10м. Для выявленных объектов даются квадраты расположения и линейные размеры. Размеры объектов в достаточной степени условны и даются по максимальной ширине и длине. Так же для каждого из объектов можно выделить реальные географические координаты, используя которые, с помощью приборов GPS можно локализовать объекты на памятнике, для проведения археологически исследований.

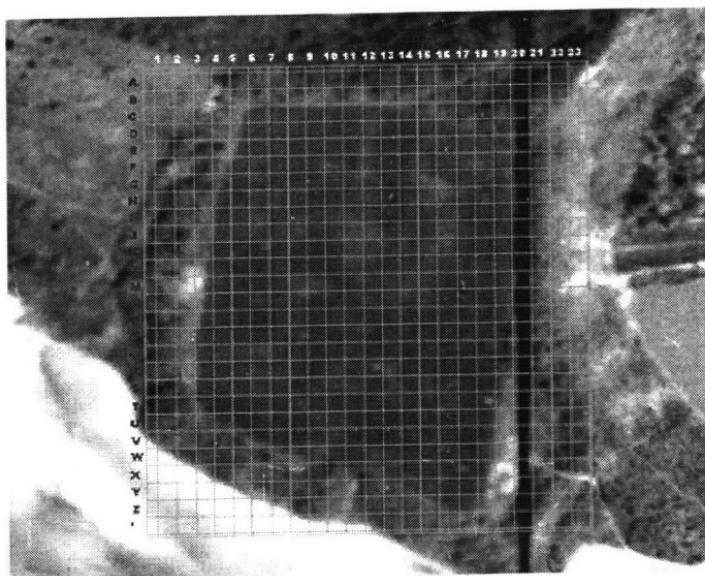
II. Обнаруженные объекты

1. Следы археологических работ на памятнике

Участок раскопа 1886 года хорошо выделяется в северо-восточной части городища четкими очертаниями и однородным фоном (кв. Е16-G19). Раскопы 50x – 60x годов ХХ века, в северо-западном углу площадки городища, выделяются хуже, это объясняется растительностью и рельефом, однако фон, схожий с фоном отмеченном для раскопа 1886, так же отмечен в зоне раскопов. Исключение составляет раскоп 1954 года на южной границе площадки городища (кв. Y11-Z11)– он выделяется довольно четко. Шурфы 1954 года отчетливо не выделяются, хотя в районе одного из шурfov – в юго-восточном углу площадки городища (кв. Y18-Z19) есть определенная цветовая аномалия.

2. Возможные следы археологических объектов

В центре городища,(кв. F7-N16), выделяется квадратных очертаний комплекс, состоящий из объектов больших размеров. Это крупные протяженные структуры, расположенные по периметру вокруг большого объекта округлой формы. Максимальные размеры у расположенного в квадратах I17-N13 объекта - длина 60 и ширина 17 м. Размеры центрального объекта (кв. I10-K12) – 21x28 м.

С севера к комплексу под прямым углом примыкает протяженный объект, идущий от северной границы городища (кв. С12-Ф12). Его размеры 7,5x24 м.

Объекты, выделенные в южной половине городища, не образуют четких структур в распределении, а хаотично разбросаны по площади. Они небольших размеров, подпрямоугольной или округлой формы. Из общего числа можно выделить два объекта, граничащих друг с другом, расположенных в квадратах R12 и R13. На общем фоне, они выделяются более четкой формой и более яркими цветовыми характеристиками. Первый из этих объектов округлой формы, диаметром около 6 метров. Второй овальной формы, размерами 7x10 м.

III. Определение результатов дешифровки

Вопрос интерпретации обнаруженных объектов может быть поставлен только по результатам археологических исследований, которые планируются провести на некоторых из выделенных объектов. Если результатом этих исследований будет обнаружение на месте выделенных объектов какие-либо археологические сооружения, то можно будет с достаточной долей вероятности считать, что аномально светлый цвет, на общем темном фоне, является верным критерием для выделения археологических объектов. В случае, если будут раскопаны сооружения различного характера – как ямы, так и постройки, можно будет выделить более тонкие цветовые характеристики для каждой категории сооружений. Только после этого будет возможно интерпретировать все выделенные объекты на данном памятнике.

Д.В. Рукавишников (Москва)

КОСТИ ЖИВОТНЫХ НА АНТИЧНЫХ ПАМЯТНИКАХ ПОЛУОСТРОВА АБРАУ: РЕКОНСТРУКЦИЯ МЯСНОЙ ДИЕТЫ

Кухонные костные остатки являются теми материалами, которые непосредственным образом отражают объемы потребления и разнообразие мясной пищи на изучаемом памятнике. Так что сведения о мясной диете являются самым первым пластом археозоологических данных, которые рассчитываются вне зависимости от того, откуда попали мясные продукты на стол – из собственного хозяйства или вследствие торговых поставок. Для такого расчета приемлемы выборки не менее чем 400 определимых до видового уровня костных остатков. А вот детальное исследование биологических характеристик по фрагментам уже десятков тысяч костей от съеденных животных позволяет реконструировать или наличие собственного скотоводческого хозяйства на поселении или его отсутствие.

В лаборатории естественно-научных методов ИА РАН продолжаются археозоологические исследования остеологических материалов из раскопок античных памятников полуострова Абрау, проводимых Северо-Кавказской археологической экспедицией. К настоящему моменту только по двум из них имеются коллекции кухонных костных остатков, которые можно считать представительными выборками. Это укрепленные поселения Мысхако-1 и Раевское городище-1. Они характеризуются сложной стратиграфией с присутствием культурных слоев античного времени и средневековья. Соответственно первой задачей было получение однородных в хронологическом отношении материалов. И если для Раевского городища-1 разделение хронологических выборок оказалось возможным с большой степенью достоверности, то для Мысхако-1 эта процедура оказалась менее эффективной. Еще одним фактором, снизившим объем информативной части остеологического материала на Мысхако-1, стало обнаружение там ритуальных и иных комплексов, в которые входили кости животных. Так что из совокупной коллекции этого памятника пришлось выделить не кухонные остатки и исключить их из анализа мясного потребления. На обоих поселениях оказались одинаковыми неблагоприятные тафономические условия, что обусловило естественное разрушение значительной части костей и снизило результативность их таксономической идентификации. Доля определимых до видового уровня фрагментов составила на обоих поселениях лишь 35%. Однако продолжающиеся до настоящего времени раскопки позволили, в конечном счете, получить такие выборки, объемы которых оказались гораздо больше указанного выше порога в 400 определимых до видового уровня фрагментов.

В результате остеологическая коллекция Раевского городища-1 может быть признана достоверной выборкой костных кухонных остатков, позволяющей провести корректную реконструкцию объемов потребления мяса жителями в античное время. Кухонные материалы из Мысхако-1, несмотря на некоторое их количественное преобладание над коллекцией из Раевского городища-1, остаются в силу их возможного смешения на вторых ролях в этом анализе.

Основными исходными данными для реконструкции мясной диеты являются остеологические спектры сельскохозяйственных видов: крупного рогатого скота (КРС), лошади, мелкого рогатого скота – овцы и козы (МРС) и свиньи. Именно эти виды составили на рассматриваемых поселениях основную часть кухонных костных

На юго-восточных рубежах азиатского Боспора

остатков – не менее 95%. Несомненно, что они являлись основным источником мясных продуктов, а роль охотничьей добычи и рыбы в питании жителей была более чем скромной. Такое соотношение и позволяет строить расчеты мясной диеты на оценках остатков лишь сельскохозяйственных видов.

В таблице 1 представлена структура исследуемой части остеологической коллекции Раевского городища-1 и ее совокупный остеологический спектр.

Таблица 1. Соотношение костей сельскохозяйственных животных в кухонных остатках на Раевском городище-1 (раскопки 1998, 2000-2004 гг.)

Года раскопов	KPC <i>Bos taurus</i>	Лошадь <i>Equus caballus</i>	MPC <i>Ovis s. Capra</i>	Свинья <i>Sus scrofa f. domestica</i>	ВСЕГО (костей)
средние века:					
2000	36,6	1,6	28,5	33,3	100 % (123)
2001	30,0	6,9	32,3	30,8	100 % (130)
2003	62,1	5,0	20,7	12,1	100 % (140)
2004	33,3	13,7	27,5	25,5	100% (51)
ВСЕГО	42,3	5,6	27,0	25,1	100% (444)
античность:					
1998	64,5		32,3	3,2	100% (31)
2000	40,3	1,3	26,3	32,1	100 % (159)
2001	29,5		40,9	29,4	100 % (44)
2002	26,1	7,4	48,3	18,2	100 % (203)
2003	26,3	6,1	33,3	34,3	100 % (99)
2004	36,1	13,9	28,0	22,0	100% (368)
ВСЕГО	34,2	8,2	34,1	23,5	100% (904)

Подчеркну, что остеологический спектр существенно меняется по территории городища. Это связано, прежде всего, с тем, что общая насыщенность культурного слоя костными кухонными остатками невелика, и каждый год при раскопках удавалось получить лишь малую их выборку. А в формировании малых выборок существенную роль могут играть случайные факторы. И как оказалось, наибольший размах отклонений (в 10 раз) показывают остатки лошади и свиньи, самых малочисленных видов (табл.1). Поэтому только совокупная остеологическая коллекция может стать основой археозоологического анализа. Репрезентативный уровень для остеологических материалов был достигнут на Раевском городище-1 за шесть лет раскопок.

Расчеты мясного потребления сделаны отдельно для античности и средневековья по суммарным остеологическим спектрам (табл. 2). Однако если для античности эти расчеты уже можно считать достоверными, то для средневековья все же требуется пополнение коллекции и подтверждение полученных результатов.

При пересчете остатков костей от съеденных животных в объемы полученного от них мяса всегда учитывается, что крупные копытные дают больше мясной продукции, чем мелкие. Поэтому вводится переменный параметр, который позволил бы оценить эту разницу весовых показателей у представителей разных видов. Соотношение по весу туш сельскохозяйственных животных – их кратность – и является таким коэффициентом. За единицу традиционно принимается вес одной особи MPC. Используемый в таблице 2 коэффициент подсчитан на основе реальных промеров костей домашних животных из

На юго-восточных рубежах азиатского Боспора

Раевского городища-1. Они показали, что именно лошади были там самыми крупными из домашних животных, хотя только в шесть раз превышавшими по весу овцу, козу или свинью. Умножая долю того или иного вида в остеологическом спектре на кратность его веса, получаем относительные объемы потребления мяса разных видов, выраженные в условных единицах (табл.2). Переведенные в процентное соотношение, они дают возможность сравнивать потребление мясных продуктов уже по разным хронологическим горизонтам и на разных памятниках.

Таблица 2. Расчеты относительного потребления мяса сельскохозяйственных животных на Раевском городище-1 (раскопки 1998, 2000-2004 гг.)

Хронологические комплексы	Число костей	KPC	Лошадь	MPC	Свинья	
<i>остеологические спектры в %</i>						
античная выборка III-II вв до н.э.,	904	34,2	8,2	34,1	23,5	100,0
средневековая выборка XII-XIII вв н.э.	444	42,3	5,6	27,0	25,1	100,0
<i>кратность веса туш с/х животных по отношению к одной туше MPC</i>						
для всех выборок		5	6	1	1	
<i>соотношение объемов мясных продуктов в условных единицах потребления</i>						
античная выборка III-II вв до н.э.,		170,9	49,1	34,1	23,6	277,7
средневековая выборка XII-XIII вв н.э.		211,7	33,8	27,0	25,0	297,5
<i>соотношение объемов мясных продуктов в %</i>						
античная выборка III-II вв до н.э.		61,6	17,7	12,2	8,5	100,0
средневековая выборка XII-XIII вв н.э.		71,2	11,4	9,1	8,3	100,0

Результаты подсчета относительных объемов потребления мяса показывают, что говядина, безусловно, доминировала в мясном рационе как античного, так и средневекового населения Раевского городища-1. Более того, лошадь в античное время также выступает как значимый участник в производстве мясных продуктов, конина тогда занимала второе место в мясном рационе. Доля ее оказалась практически равной суммарному объему съеденного мяса овец, коз и свиней (табл.2).

Подчеркну, что такие подсчеты меняют представление о роли тех или иных видов в системе жизнеобеспечения населения, которое ошибочно, но традиционно основывается в отечественной археологии на прямом переносе остеологического спектра, т.е. соотношения числа костей, на состав стада разводимых животных. Так доля костей KPC и MPC в остеологическом спектре античной выборки одинакова (табл.2, рис.1). При прямом переносе этих данных на роль видов в экономике поселения, она принимается как свидетельство их одинаковой численности в хозяйстве, что оказывается ошибочным. Пересчет остеологического спектра в соответствие с весом съеденных животных сразу же показывает доминирование говядины в мясном рационе (рис.2), а значит и более существенное развитие мясного направления в эксплуатации KPC, по сравнению с

остальными видами. Более того, он позволяет сделать вывод о значительной численности КРС в экономике поселения или региона, преобладающей над поголовьем остальных сельскохозяйственных животных. Такой вывод базируется на хорошо известных зоотехнических законах разведения скота, которые регулируют соотношение численности маточного стада и потребляемого на мясо поголовья. Для КРС с его низкой плодовитостью и длительным периодом воспроизводства интенсивная мясная эксплуатация возможна только, при условии, что маточное стадо в 8–10 раз превышает численность ежегодно забиваемых животных.

Сравнение античных остеологических спектров и полученных по ним мясных рационов на Раевском городище-1 и Мысхако-1 указывает на их значительное сходство (табл.3, рис.3). Различия между памятниками по долям КРС, лошади и свиньи в остеологических спектрах оказываются менее 5%, что не выходит за пределы стандартной ошибки метода видовой идентификации и потому не может считаться достоверным. Только доли МРС различаются на 7%, что уже может быть отражением специфических особенностей кухонных материалов на этих поселениях. Однако на уровне относительных объемов потребления мяса эти различия стираются, и мясной рацион у жителей Раевского городища-1 и Мысхако-1 выглядит полностью идентичным (рис.3).

Сравнение античных остеологических спектров и полученных по ним мясных рационов на Раевском городище-1 и Мысхако-1 указывает на их значительное сходство (табл.3, рис.3). Различия между памятниками по долям КРС, лошади и свиньи в остеологических спектрах оказываются менее 5%, что не выходит за пределы стандартной ошибки метода видовой идентификации и потому не может считаться достоверным. Только доли МРС различаются на 7%, что уже может быть отражением специфических особенностей кухонных материалов на этих поселениях. Однако на уровне относительных объемов потребления мяса эти различия стираются, и мясной рацион у жителей Раевского городища-1 и Мысхако-1 выглядит полностью идентичным (рис.3).

ис.1. Остеологические спектры по разным хронологическим выборкам из Раевского городища-1

Рис.2. Структура мясного рациона у населения Раевского городища-1 в разные периоды его функционирования

Это сходство становится еще более заметным на фоне кухонных материалов из селища Раевское поселение-4, расположенного в непосредственной близости к Раевскому городищу-1. В таблицу включена также выборка из меотского памятника Тенгинское городище-2, который характеризует уже внутренние равнины Северо-западного Кавказа. Хотя эти выборки по объему много меньше, чем анализируемые здесь материалы, они показали с одной стороны то же доминирование говядины, а с другой стороны – некоторую специфику в мясном рационе их обитателей (табл.3, рис.3). Так, на Тенгинском городище-2 потребления конины достигает уже 30%, что, учитывая иную культурную принадлежность жителей, заслуживает более тщательного рассмотрения. Несколько полученные отличия достоверны, и как их можно интерпретировать – эти вопросы могут быть решены при исследовании уже более масштабных коллекций кухонных остатков из поселений региона.

Таблица 3. Расчеты относительного потребления мяса сельскохозяйственных животных на античных памятниках западных предгорий Северного Кавказа

Памятники	Число костей	KPC	Лошадь	MPC	Свинья	
остеологические спектры в %						
Раевское городище-1	904	34,2	8,2	34,1	23,5	100,0
Мысхако-1	1387	37,9	10,1	27,2	24,8	100,0
Тенгинское городище-2	577	41,6	17,3	19,8	21,3	100,0
Раевское поселение-4	136	58,1	3,7	27,2	11,0	100,0
кратность веса туш с/х животных по отношению к одной туше MPC						
для всех выборок		5	6	1	1	
соотношение объемов мясных продуктов в условных единицах потребления						
Раевское городище-1		170,9	49,1	34,1	23,6	277,7
Мысхако-1		189,3	60,6	27,2	24,9	302,0
Тенгинское городище-2		208,0	104,0	19,8	21,3	353,1
Раевское поселение-4		290,4	22,1	27,2	11,0	350,7
соотношение объемов мясных продуктов в %						
Раевское городище-1		61,6	17,7	12,2	8,5	100,0
Мысхако-1		62,7	20,1	9	8,2	100,0
Тенгинское городище-2		58,9	29,5	5,6	6,0	100,0
Раевское поселение-4		82,8	6,3	7,8	3,1	100,0

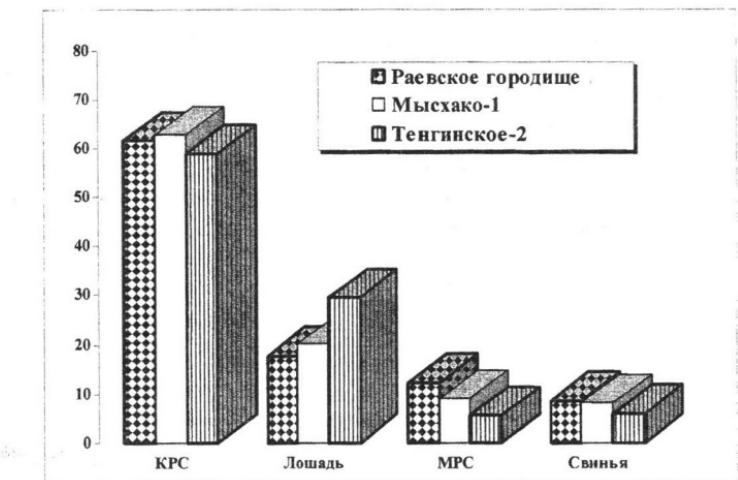

Рис.3. Структура мясного рациона в античное время на трех поселениях Северо-Западного Кавказа.

Вместе с тем, безусловное преобладание потребления говядины в мясном рационе представляется типичным для античного населения не только полуострова Абрау, но, по-видимому, и всего Северо-западного Кавказа, и даже Приазовья. Это дает основания предполагать, что крупный рогатый скот был главным хозяйственным видом в регионе. Однако этот вывод можно считать пока единственным достоверным результатом изучения скотоводческой отрасли на античных памятниках исследуемой территории. Необходимо учитывать, что скотоводство здесь было лишь частью сложной экономики того времени и, по-видимому, не самой главной. Поэтому реконструкция хозяйственной системы Северо-Западного Кавказа, в том числе структуры и направлений скотоводства, возможна только в рамках общей интерпретации всех археологических и археобиологических данных, полученных в процессе многолетних раскопок в регионе..

Е.Е.Антипина (Москва)

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ АРХЕОБОТАНИЧЕСКИХ МАТЕРИАЛОВ С ПАМЯТНИКОВ АНТИЧНОГО ВРЕМЕНИ СЕВЕРО-ЗАПАДНОГО КАВКАЗА

Многие годы Северо-Кавказская экспедиция ИА РАН осуществляет программу комплексных археобиологических изысканий на исследуемых памятниках. Большая часть собранных и изученных палеоэтноботанических материалов уже опубликована, хотя за три года, прошедшие со времени выхода последней статьи наша коллекция существенно пополнилась. К настоящему времени экспедицией проведены археоботанические сборы уже на 59 памятниках Краснодарского края (от бронзового века до средневековья), а число собранных образцов превышает 360⁸, не считая зерновых скоплений, случайных находок и отпечатков зерен, обнаруженных на керамике. Если в предшествующих публикациях по земледелию исследуемого региона мы предпочитали говорить о совокупных

⁸ Все сборы проводились по единой методике при стандартном объеме почвенной пробы в 10 л.

палеоэтноботанических комплексах (ПБК) или же видовом составе возделывавшихся здесь земледельческих культур, то сейчас используем возможность показать из каких составляющих они складываются, т.е. продемонстрировать палеоэтноботанические спектры (ПБС) отдельных памятников и провести их сравнительный анализ.

Систематические сборы образцов на Раевском городище начались в 2000 году. Всего удалось собрать 64 образца, относящихся к раннему железному веку, из которых только в 46 были зафиксированы остатки культурных растений (зерна, семена и их фрагменты, а также колосовые остатки). Результативность флотации, таким образом, составляет 72%. Насыщенность культурного слоя подобного рода археоботаническими макроостатками очень низкая – всего 7 единиц на 10 литров⁹. На рисунке 1 приведена гистограмма распределения исследованных образцов согласно концентрации в них культурных растений. Мы видим, что почти 97% образцов сосредоточены в четырех первых классах – от 0 до 30 макроостатков, а в 4 и 5 классы попадает всего по одной пробе.

ПБС Раевского городища (с VII в. до н.э. по III в. н.э.) строится на основе 173 определимых зерен и семян культурных растений (табл. 1). Примерно в равных пропорциях (рис. 2) представлены здесь многорядный ячмень (39,9%) и пшеницы (38,7%). Наиболее многочисленную группу среди зерен ячменя *Hordeum vulgare* составляют пленчатые формы, голозерные встречаются существенно реже. Пшеницы также в основной своей массе представлены пленчатыми видами – однозернянкой *Triticum monococcum* и двузернянкой *Triticum dicoccum* (13,9% и 9,8% соответственно); доля мягкой пшеницы *Triticum aestivum* s.l. – 6,9%, а для 8,1% зерен установить видовую принадлежность не удалось из-за плохой сохранности. Показатели проса *Panicum miliaceum* в спектре Раевского городища наименьшие (19,1%) в сравнении с другими памятниками региона (рис. 2), хотя по формальным признакам (соотношение видов злаков, а не их групп) и здесь оно на втором месте после ячменя. Бобовые растения крайне редко встречаются в изученных образцах (1,2%): всего по одному семени чечевицы *Lens culinaris* и вики эрвиилии *Vicia ervilia*, а остатков винограда не обнаружено вовсе. Зато Раевское – пока единственное поселение в Закубанье, где засвидетельствованы находки льна *Linum usitatissimum*: одно семя в нашей коллекции и небольшое скопление из раскопок 1963 г. Существенно чаще лен встречается на меотских памятниках Прикубанья.

Следует отметить, однако, что ПБС Раевского городища не стабилен: при ежегодном пополнении зерновой выборки, показатели доли отдельных земледельческих культур меняются в нем весьма значительно (10-15%). Так, один из образцов, содержащий более трети всех определимых зерен и семян в коллекции, увеличивает показатели ячменя более чем на 11% и сокращает почти на 10% долю проса. Мы уже сталкивались с подобными фактами при характеристике античного ПБК всего региона. Это означает, что данная выборка все еще малопредставительна для каких-либо достоверных выводов. Иными словами, стабильность ПБС и ПБК определяют репрезентативность и надежность исследуемых зерновых коллекций для дальнейших палеоэкономических реконструкций (Антипина, Лебедева, 2005). Из-за такой неустойчивости ПБС Раевского городища мы не можем пока обсуждать и его хронологические субспектры.

Археоботанические сборы на трех других рассматриваемых ниже поселениях

⁹ Этот показатель рассчитывается с учетом всех промытых образцов, включая «пустые» пробы.

проводились в течении двух лет (2003-2004 гг.) и носили в основном разведочный, рекогносцировочный характер.

На поселении Андреевская Щель к настоящему времени собрано и исследовано 10 образцов. Все они были результативны и содержали максимальное для памятников изучаемой территории количество макроостатков культурных растений. Насыщенность ими культурного слоя характеризуется средним показателем 79 единиц на 10 л, т.е. более чем в 10 раз превосходит данные по Раевскому городищу. По концентрации зерен и семян культурных растений образцы очень равномерно и компактно группируются в классах с 3 по 5 (от 30 до 300 единиц; рис. 1).

В основе ПБС – коллекция из 430 определимых зерен и семян различных сельскохозяйственных культур (табл. 1). Ровно половина из них принадлежит просу обыкновенному, а около четверти – пшеницам (24,4%). Среди последних преобладают пленчатые: однозернянка (10%) и двузернянка (5,3%); голозерные мягкие пшеницы составляют 5,8% спектра; 3,3% пшениц не определены до видового уровня. Доля пленчатого¹⁰ многорядного ячменя – 18,8%. Большим разнообразием и представительностью (5,3%) отличаются здесь бобовые растения, среди которых наиболее многочисленны семена чечевицы (13 экз.), а вика эрвилля и чина зафиксированы в равных пропорциях (по 5 семян или 1,2%). Следует отметить, что чина впервые засвидетельствована на исследуемых памятниках предгорий Северного Кавказа¹¹. Встречены также четыре семени винограда *Vitis vinifera* (0,9%), а из дикорастущих примечательна находка трех семян шиповника (*Rosa canina*).

Как и на Раевском городище, в коллекции из Андреевской Щели есть один образец, которой еще более сильно влияет на распределение культурных растений в ПБС. Его объем достигает 192 зерен, из которых 182 – это зерновки проса обыкновенного; именно благодаря им суммарные показатели этой культуры достигают 50%. Нельзя исключать, что здесь мы имеем дело с разрушенным небольшим зерновым скоплением; в таком случае этот образец следовало бы рассматривать изолированно от других. Но поскольку работы на этом памятнике в ближайшие годы планируется продолжать, нельзя исключать, что подобного объема пробы не станут исключением для культурного слоя поселения. Если же этот образец и в дальнейшем будет резко выделяться на фоне остальных, то его необходимо будет исключить из расчетов ПБС.

На Краснобатарейном городище собрана небольшая коллекция из 7 археоботанических образцов. Результативность флотации культурного слоя была 100-процентной; при этом слой характеризуется средней концентрацией в нем остатков культурных растений – 32 единицы на 10 литров. Более 70% образцов группируются в 3 и 5 классах по насыщенности этими макроостатками (рис. 1). Коллекция определимых зерен и семян, являющихся основой ПБС памятника, не очень велика – 92 экземпляра. Как и на предыдущем поселении, ведущей зерновой культурой здесь было просо обыкновенное (50%), далее следуют многорядный ячмень, по-преимуществу пленчатый (20,7%), пленчатые пшеницы: однозернянка (7%) и двузернянка (9%). Доля мягкой пшеницы всего 3%, а бобовых растений (чечевицы и вики эрвилля) – 5,5% (табл. 1, рис. 2).

¹⁰ Всего одна зерновка определена как голозерная.

¹¹ Крайне слабо она представлена и на меотских памятниках Прикубанья, особенно в сравнении с чечевицей и горохом.

Меотские археоботанические материалы представлены в небольшой серии из 6 образцов с поселения Борисенков Лиман. Культурный слой отличается средней насыщенностью остатками культурных растений – 36 единиц на 10 литров. Согласно их концентрации пробы группируются в 1-4 классах (по 50% в 1-2 и 3-4; рис. 1). Если такие параметры для изучаемого региона – особенно на фоне Раевского городища (см. также: Лебедева 2002, с. 97, табл. 8) – можно считать вполне средними, то в сравнении с другими меотскими поселениями, к примеру, в Прикубанье или на Нижнем Дону, они окажутся крайне низкими. Там средний показатель насыщенности слоя (по материалам 14 памятников¹²) превышает 200 единиц. Впрочем, нельзя исключать, что дальнейшие раскопки и археоботанические сборы в Борисенковом Лимане изменят эту ситуацию.

Таблица 1. Видовой состав культурных растений на исследованных памятниках (в %)

Памятник (число образцов)	Раевское городище (64)	Красно- багарайское 2-ш (7)	Андреевская Щель (10)	Борисенков Лиман (6)
Таксон				
<i>Triticum monococcum</i>	13,9	6,5	10,0	9,0
<i>Triticum dicoccum</i>	9,8	8,7	5,3	18,0
<i>Triticum aestivum s.l.</i>	6,9	3,3	5,8	1,1
<i>Triticum sp.</i>	8,1	4,3	3,3	9,0
<i>Hordeum vulgare</i>	39,9	20,7	18,8	14,6
<i>Panicum miliaceum</i>	19,1	50,0	50,0	44,9
<i>Secale cereale</i>	0,6		0,5	1,1
<i>Pisum sativum</i>				1,1
<i>Vicia ervilia</i>	0,6	2,2	1,2	
<i>Lens culinaris</i>	0,6	3,3	3,0	1,1
<i>Lathyrus sativus</i>			1,2	
<i>Linum usitatissimum</i>	0,6			
<i>Vitis vinifera</i>		1,1	0,9	
Всего:	%	100,0	100,0	100,0
	зерен и семян	173	92	430
				89

¹² Специальные сборы проводились отрядом Северо-Кавказской экспедиции под руководством И.С. Каменецкого в 2001 г. на 13 памятниках от Краснодара до Усть-Лабинска (краткую информацию о них см. Лебедева, 2002, с.98; в настоящее время материалы готовятся к публикации). В том же году автором была собрана небольшая коллекция образцов из Нижнегниловского городища на Нижнем Дону.

Насыщенность культурного слоя	7	32	46	39
--	---	----	----	----

Зерновая выборка, формирующая ПБС этого поселения, также немногочисленна – 89 экземпляров (табл. 1, рис. 2). Как и на большинстве других исследованных памятников, основу ПБС составляет просо обыкновенное (44,9%). Доля пшениц здесь весьма велика – 37,1%, и в основном это пленчатые виды: двузернянка (18%) и однозернянка (9%), присутствие в спектре мягкой пшеницы определяется всего 1,1%; плохая сохранность не позволила определить до видового уровня еще 9% зерен пшеницы. Ячменю в этом спектре принадлежит 14,6%. Единично представлены бобовые – чечевица и горох (*Pisum sativum*). Последний не фиксировался на других памятниках Закубанья, но встречается на каждом втором поселении в Прикубанье.

Продолжая линию сравнений материалов Борисенкова Лимана с прикубанскими городищами¹³, следует отметить, что суммарные показатели доли пшениц и проса здесь практически совпадают. Но существуют два принципиальных отличия, суть которых заключается в том, что в Прикубанье среди пшениц доминирует голозерная мягкая, а здесь, как и на подавляющем большинстве исследованных памятников Закубанья, невзирая на их культурную и этническую принадлежность, – пленчатые однозернянка и двузернянка. И, во-вторых, доля ячменя в спектре поселения Борисенков Лиман (более 14%) в большей мере сближает его с памятниками рассматриваемого региона, нежели с краснодарскими городищами (в среднем 3,6%). Но пока все это – лишь предварительные наблюдения, достоверность которых ограничена малым объемом нашей археоботанической коллекции.

Это последнее замечание распространяется по сути на все исследованные памятники региона. Где-то, – как, например, в Раевском городище – при наличии представительной коллекции образцов, еще малочисленной остается зерновая выборка, что обусловлено слабой насыщенностью зерном культурного слоя. В других местах – несмотря на обилие зерна (Андреевская Щель), еще очень невелико число самих образцов, что связано с разведочным характером археоботанических сборов. Все это вызывает нестабильность палеоэтноботанических спектров и снижает достоверность выводов, которые можно делать на основе их изучения. Поэтому на сегодняшний день можно обсуждать только лишь сами эти спектры, или же видовой состав растений, использовавшихся жителями региона, не идентифицируя его напрямую со структурой урожая.

В то же время, именно примечательные особенности видового состава культурных растений, обнаруженных на этих памятниках, и в первую очередь – преобладание пленчатых пшениц над голозерными, и достаточно высокая их доля в спектрах, заставляют предположить местное выращивание этих видов. Косвенно это подтверждается также преобладанием однозернянки и двузернянки в составе средневекового (XII–XIV вв.) урожая – около 40% на поселениях Борисовка¹⁴ и

¹³ Здесь приводятся суммарные данные по всем памятникам, хотя по отдельным показателям они отличаются друг от друга.

¹⁴ Раскопки и археоботанические сборы Е.А. Армарчук (2002, 2004 гг.).

Глебовское¹⁵, расположенных в непосредственной близости от Раевского городища. Здесь мы сталкиваемся, таким образом, с более чем тысячелетней земледельческой традицией возделывания пленчатых пшениц. Оба этих вида являются самыми древними культурными пшеницами, именно с началом их доместикации на Ближнем Востоке связано возникновение земледелия. В период раннего железного века, и тем более в средневековые, двузернянка и особенно однозернянка культивировались в Старом Свете уже в более ограниченных объемах. Голозерные пшеницы постепенно вытесняют их из урожая благодаря более легкой обработке (минуя сложную операцию по отделению зерен от плотных чешуй, в которые они заключены), а также совершенствованию почвообрабатывающих орудий (мягкая пшеница требует более глубокой вспашки). Однако там, где почвы или климатические условия были малопригодны для их возделывания, земледельцы продолжают отдавать предпочтение пленчатым видам как менее прихотливым. Отчасти к таким растениям относится и ячмень. К примеру, в горных районах граница его посевов проходит выше границ распространения всех других культур. В скалистых районах Аттики, к примеру, с достаточно бедными ее почвами ячмень был ведущей зерновой культурой. Кроме того, многорядные ячмени (именно те, что присутствует в наших археоботанических находках), как правило, более скороспелы и засухоустойчивы.

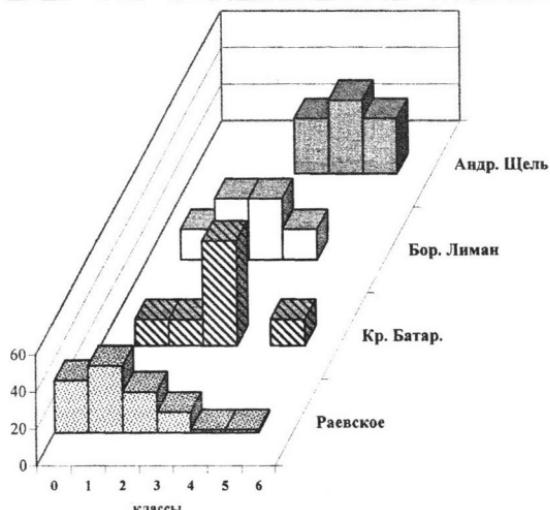

Рис. 1. Распределение археоботанических образцов по классам насыщенности макроостатками культурных растений.

Классы: 0 – 0; 1 – 1-3; 2 – 4-10; 3 – 11-30; 4 – 31-100; 5 – 101-300; 6 – более 300 макроостатков.

Другой специфической чертой исследованных палеоэтноботанических коллекций

¹⁵ Раскопки и археоботанические сборы А.В. Шишлова (1999-2000 гг.).

является крайне низкая доля зерен мягкой пшеницы (от 1% до 7%; табл. 1, рис. 2); именно она отличает северокавказские памятники от других античных поселений Боспора. В частности, в Восточном Крыму, как в эллинистическое, так и в римское время мягкая пшеница составляла от 20% до 80% в ПБС различных памятников. Общепризнано, что именно этот вид пшеницы был основой боспорского хлебного экспорта. Преобладание мягкой пшеницы над пленчатыми видами на большинстве меотских памятников (на 14 из 18), позволяет говорить об участии меотских земледельцев в хлебной торговле Боспора в качестве производителей зерна. Когда-то это предположение было высказано лишь на основе анализа археоботанических материалов с пяти поселений армавирской и чамлыкской групп (Лебедева 1994, с. 110; 2000, с. 97-99, рис. 8); полученные ныне новые и весьма обильные зерновые коллекции из 13 кубанских городищ в районе от Краснодара до Усть-Лабинска (см. прим. 5) лишь подтвердили эту гипотезу: доля мягкой пшеницы в среднем составляет 22% в совокупном палеоэтноботаническом меотском комплексе.

Наряду с экологической приуроченностью тех или иных растений большую роль в земледельческой практике играют и традиции. К таким традиционным культурам можно отнести, по всей вероятности, просо. Трудно переоценить его значение в агрокомплексах большинства археологических культур раннего железного века и в лесной, и в степной зонах и, как мы могли убедиться, даже в предгорных районах.

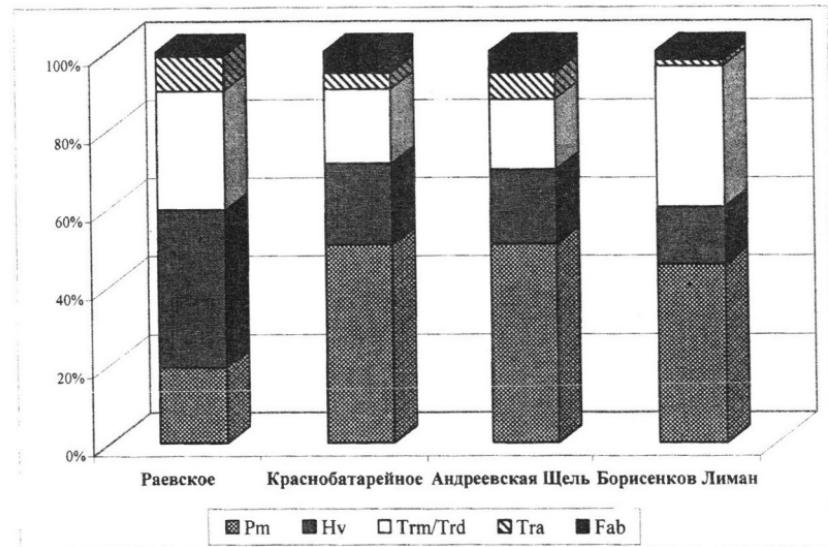

Рис. 2. Палеоэтноботанические спектры исследованных памятников.

Pm – просо; *Hv* – ячмень; *Trm/Trd* – пленчатые пшеницы; *Tra* – мягкая пшеница; *Fab* – бобовые.

Таким образом, мы видим, что у рассмотренных здесь четырех памятников гораздо больше общих специфических черт, отличающих их как от античных, так и

прикубанских меотских. Однако нельзя не отметить и существенных различий между ними. Наиболее важным из них является, пожалуй, насыщенность культурного слоя зерновыми остатками. Крайне низкими показателями выделяется здесь, как уже отмечалось, Раевское городище (рис. 1, табл. 1). Основная причина, на мой взгляд, заключается в местоположении всех этих поселений. В предгорных районах (на полуострове Абрау, в частности) подобные характеристики культурного слоя присущи едва ли не всем исследованным памятникам: это и несколько Раевских поселений, окружавших этот небольшой город, и Цемдолина, и Мысхако и ряд других памятников (Лебедева, 1994; 2001; 2002).

Как только наши исследования вышли за пределы предгорий и переместились в равнинные области Северо-Западного Кавказа, картина изменилась. Культурные слои Краснобатарейного городища и Борисенкова Лимана имеют уже принципиально иные (в несколько раз большие) показатели насыщенности остатками культурных растений. Но особо выделяется здесь, конечно же, поселение Андреевская Щель. По формальным признакам оно может быть отнесено и к предгорной области, тем более, что и расположено в крайне неудобном для занятия земледелием месте – на крутом склоне хребта Семисам. Однако именно здесь сразу за этими невысокими горами начинается равнинная область, вполне благоприятная для сельскохозяйственного производства. Крайне важно отметить, что археоботанические материалы из Андреевской Щели недвусмысленно свидетельствуют не просто о наличии большого количества зерна на памятнике, но и непосредственно о занятии земледелием его жителей. Таким диагностирующим признаком является наличие в структуре макроостатков культурных растений колосовых фрагментов – отходов обмолота хлебных злаков. Их доля на этом поселении достигает 14,7%. Для сравнения: в Раевском городище она составляет всего 3%, в Краснобатарейном – 10,3%, в Борисенковом Лимане – 6,5%.

Ситуация в предгорьях меняется только в средневековье. Культурные слои упоминавшихся выше поселений Глебовское и Борисовка отличаются несравненно более высокой насыщенностью остатками возделывавшихся культурных растений (56 и 31 единиц на 10 литров). То есть земледелие начинает интенсивно развиваться и в этом не слишком плодородном районе. Примечательно, что в составе урожая сохраняется и даже возрастает ведущая роль пленчатых пшениц и проса (по 45-47%) при минимальной доле ячменя (3-5%).

Завершая обзор археоботанических материалов с северо-кавказских памятников, хочется кратко остановиться на перспективах дальнейших исследований по земледелию в регионе. Сейчас, благодаря интенсивным сборам, мы уже имеем общее представление об основных характеристиках этой отрасли хозяйства. Для более глубокого ее изучения разведочных археоботанических сборов явно недостаточно. Тем более, что при таком способе формирования коллекций невозможно получить репрезентативные остеологические выборки, характеризующие животноводство на тех же самых поселениях. А, как показывает практика, только комплексный анализ археозоологических и археоботанических данных делает более достоверными наши интерпретации развития этих отраслей и позволяет лучше понять функционирование древних экономических систем (Антипина, Лебедева, 2005). В этой связи встает необходимость получения надежных и представительных

археобиологических коллекций, собранных при стационарных раскопках поселений как в предгорных, так и равнинных областях.

Е.Ю. Лебедева (Москва)

НОВОЕ О ФОРТИФИКАЦИИ И ДОМОСТРОИТЕЛЬСТВЕ НА РАЕВСКОМ ГОРОДИЩЕ В ЭПОХУ АНТИЧНОСТИ

Инженерно-геологические исследования Раевского городища велись синхронно археологическому изучению с 1997 г. Их целью была оценка инженерно-геологического аспекта возникновения, формирования и функционирования крепости и поселений, располагающихся на прилегающей к ней территории.

Рельеф. Раевское городище находится в предгорной зоне, на северо-западных отрогах Главного Кавказского хребта. Ландшафт характеризуется полого холмистым рельефом. Крепость расположена на плоской полого наклоненной в юго-западном направлении поверхности мыса, образованного впадением небольшого оврага в р. Маскагу, и имеет в плане форму неправильного многоугольника. План расположения стен и башен крепости составлен по материалам дешифрирования аэрофотоснимков, с использованием топографической карты и полевых наблюдений. Абсолютные отметки территории городища находятся в пределах 50 – 61 м. Превышение самых высоких участков городища над долиной р. Маскаги достигает 25 – 30 м, склон к реке крутой (45° , местами до $60 - 70^{\circ}$), что являлось хорошим фактором в организации обороны с северной и восточной сторон, где остатки стены (или вала, находившегося в её основании) минимальны (высота их в настоящее время не превышает 0,5 – 0,6 м), а башня всего одна на естественном выступе склона в северо-восточном углу крепости. С остальных сторон (западной, южной и, частично, юго-восточной) подход к городищу не имеет естественных преград. Поэтому здесь древние строители увеличили высоту вала, на котором стояла стена (примерно до 3 – 4 м, а местами, возможно, и более), и число башен, контролирующих все углы и изгибы прясел.

Геологическое строение. В геологическом строении окрестностей (хоры) Раевского городища принимают участие меловые, неогеновые и четвертичные отложения. Из отложений мелового возраста на изучаемой территории практически повсеместно присутствуют породы, для которых характерно ритмичное переслаивание известняков, мергелей, алевролитов, песчаников и глин.

Неогеновые отложения состоят из песчано-глинистых пород. Они сохранились фрагментами на отдельных участках (южнее и севернее Раевского городища на водоразделах рек Маскага - Бедричка и Маскага - Катлама).

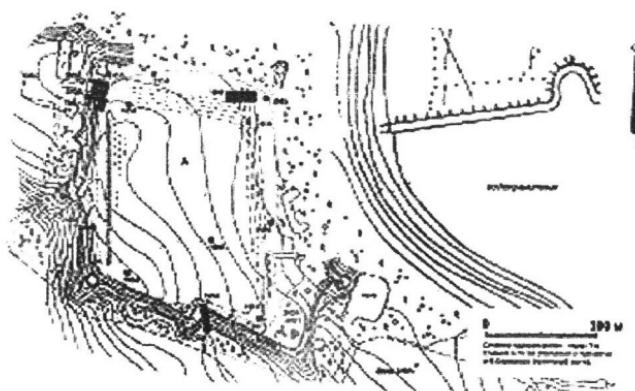
Четвертичные образования представлены элювиальным, элювиально-делювиальным и аллювиальным генетическими типами, которые закономерно и постепенно сменяют друг друга от самых возвышенных участков до речных долин, плащеобразно перекрывая все более древние отложения. При этом происходит смена гранулометрического состава пород от щебня с крупными обломками (элювий) до глин и суглинков с песком и гравием (аллювий). Мощность отложений незначительна, зависит от крутизны склона и меняется от 0,2-0,5 м до 2-4 м, а в

речных долинах до 5-8 м. Перенос пород по склону сопровождается их дальнейшим выветриванием, разрушением и размельчением. В элювиальных отложениях хорошо читается состав материнских, подстилающих пород, а склоновые (делювиальные) и, тем более, аллювиальные образования представляют собой уже иную породу.

Территория городища сложена верхнемеловыми породами с характерным для северо-западных отрогов Главного Кавказского хребта чередованием песчаников, глинистых известняков, глинистых мергелей и алевролитов. Верхнемеловые отложения имеют наклонное залегание – породы падают в юго-юго-западном направлении (азимут падения 210°) под углом 52°. Четвертичные образования представлены глинисто-щебнистой корой выветривания верхнемеловых пород мощностью 0,3-1,5 м. Верхняя часть коры выветривания сильно переработана хозяйственной деятельностью разных эпох и включена в культурный слой.

Гидрогеологические условия. Целью гидрогеологических исследований было изучение условий питания и разгрузки грунтовых вод и оценка возможности водоснабжения городища в историческом прошлом. Единственный водоносный горизонт, который мог быть использован жителями городища, это грунтовые воды, содержащиеся в верхней трещиноватой зоне полускальных верхнемеловых пород. Область питания данного водоносного горизонта совпадает с областью его распространения, в нашем случае с площадью городища. Мощность горизонта увеличивается в юго-западном направлении.

Областью разгрузки для грунтовых вод является овраг, окаймляющий изучаемую территорию с южной и юго-западной сторон. Поэтому наиболее вероятно расположение колодцев внутри крепости у южной и юго-западной стены. Химический состав грунтовых вод нами не определялся, но, по косвенным признакам, воды гидрокарбонатные магниево-кальциевые, пресные, жесткие, пригодны для питьевого водоснабжения (при кипячении жесткость частично устранилась). В связи с тем, что область питания и распространения водоносного горизонта совпадают с территорией населенного пункта (городища), возможно, что в историческом прошлом воды могли иметь бактериологическое загрязнение.

Раевское г-ще. План.

К настоящему времени известен только один колодец, находящийся за пределами крепости, на середине западной стены. В гидрогеологическом отношении он находится логично, в нижней части склона, где грунтовый поток разгружается в овраг. Но такое положение водопunkта несовместимо с обороной, что заставляет предполагать существование другого (или других) колодца внутри крепости, который пока не найден под толщей культурного слоя, имеющего местами мощность до 2 м.

Проявление экзогенных геологических процессов. Из экзогенных процессов на исследуемой территории наиболее развиты процессы выветривания, плоскостного смыва и оползни. Верхнемеловые отложения, являющиеся структурной основой нашей территории, на 70 – 80 % состоят из пород неустойчивых к выветриванию, имеющих значительную глинистую составляющую. Разрушенные продукты физического выветривания перемещаются по склонам неорганизованными временными потоками воды (дождь, снеготаяние) и формируют нерасчлененные элювиально-делювиальные отложения, мощность которых увеличивается вниз по склону. Гранулометрический состав пород при этом очень зависит от крутизны склона: чем круче склон, тем крупнее переносимые обломки пород. Исходя из этих закономерностей, можно сказать, что на территории городища имеет место увеличение мощности элювиально-делювиальных пород в западном-юго-западном направлении. Этим же закономерностям может подчиняться и формирование некоторых элементов культурного слоя, мощность которого также должна возрастать с севера-востока на юго-запад.

Имея в виду информацию о закономерностях геологических процессов, интересно проанализировать высоту сохранившихся валов на участке 1–2–3 башен. Наименьшая высота валов (0,5–0,6 м) обнаружена там, где превышения рельефа и крутизна склонов максимальны. На наш взгляд, возможны два варианта интерпретации:

1. Строители крепости считали склон достаточно неприступным, чтобы тратить силы и средства на его дополнительную излишнюю конструктивную защиту.

2. При строительстве был построен вал некоторой высоты, но повышенная активность склоновых процессов, приуроченных к бровке склона, привела к быстрому разрушению до незначительных отметок.

В связи с тем, что в результате выветривания образуется большое количество мелкого обломочного материала, а склон городища к реке имеет уклон 45° и более, здесь наблюдаются гравитационные процессы, в виде оползней.

Схематический разрез мыса, на котором расположено Раевское городище

Состав и инженерно-геологические свойства пород. В сферу взаимодействия природно-археологической системы Раевского городища входят полускальные и глинистые породы различного возраста. Полускальными породами являются верхнемеловые известняки, песчаники, мергели, алевролиты, глины и др.

Среди коренных пород, песчаники обладают наибольшей устойчивостью к агентам выветривания. Все породы обладают достаточной прочностью и несущей способностью даже для современных промышленных и гражданских сооружений. С их свойствами не могут быть связаны деформации античных построек.

Для решения поставленных перед нами задач необходимо было определить гранулометрический и минеральный состав глинистых грунтов в основании сооружений Раевского городища и в его окрестностях. Для этого нами был отобран ряд проб:

Результаты определения гранулометрического состава глинистых грунтов приводятся в таблице 1.

По полученным данным была определена классификационная принадлежность изученных грунтов по гранулометрическому составу

- проба 1, 7 – супесь лёгкая пылеватая;
- проба 2 – супесь тяжелая пылеватая;
- пробы 3, 5 – суглинок средний пылеватый;
- пробы 4, 8 – суглинок легкий пылеватый;
- проба 6 – супесь легкая.

Таблица 1. Результаты определений гранулометрического состава глинистых грунтов в основании сооружений Раевского городища и его окрестностей

№ пробы	Содержание частиц мм, %		
	песчаные 0,5-0,05	пылеватые 0,05-0,005	глинистые менее 0,005
1	8,0	89,0	3,0
2	5,8	87,2	7,0
3	7,0	76,0	17,0
4	19,0	70,0	11,0
5	11,0	72,0	17,0
6	60,8	33,7	5,5
7	11,0	84,0	5,0
8	13,0	77,0	10,0

Супеси и суглинки являются разновидностями глинистых грунтов, а глины на склонах в районе городища вообще отсутствуют.

В 2002-04 гг. были проведены исследования минерального состава глинистых грунтов, встреченных при раскопках памятников, принадлежащих к комплексу Раевского городища (табл.2)¹⁶. Результаты исследований показали, что основными кристаллическими фазами исследованных образцов служат кальцит и кварц. По визуальной оценке содержание кальцита несколько превышает таковое кварца,

¹⁶ Исследования выполнены ст.н.с. лаборатории рентгено-структурных методов анализа ИМГРЭ РАН В. А. Блиновым.

однако количество последнего заметно возрастает в образце РГ-2 (башня), все-таки оставаясь ниже концентрации кальцита. В некоторых образцах фиксируется очень незначительная примесь минералов группы полевых шпатов (к.п.ш., альбит).

Из полученных данных можно сделать вывод, что при строительстве Раевского городища, в качестве цемента и обмазки использовался глинистый грунт из коры выветривания. Исследованные супеси и суглинки в минеральном составе содержат незначительное количество глинистых минералов (иллита-монтмориллонита) и не могут служить сырьем для производства гончарных изделий.

Причины деформаций и разрушения сооружений античного времени. Первый период строительства на исследуемой территории относится к VI-III вв. до н.э. Постройки этого времени могли разрушаться из-за деформаций в глинистых грунтах основания. Присутствие в грунтах даже незначительного количества минерала монтмориллонита приводит к набуханию, повышению пластичности и снижению несущей способности грунтов.

Таблица 2. Результаты рентгено-структурного анализа глинистых грунтов

№ образцов	Место отбора пробы	Минеральный состав
РГ-2-02	Над скалой, кв.Б4, 120-140	Кальцит, кварц, иллит-монтмориллонит, альбит (сл.), п.п.п 1,3%*
РГ-2	Заполнение между камнями	Кальцит, кварц, иллит-монтмориллонит, альбит (сл.), п.п.п 2,6%
РГ-2	Отвал обмазки (рыхлый трубчатый материал)	Кальцит, кварц, иллит-монтмориллонит, альбит (сл.), п.п.п 7,7%**
РГ-2	Отвал обмазки (оторочка плотного материала)	Кальцит, кварц, иллит-монтмориллонит, альбит (сл.), п.п.п 7,3%**
№ 2	Кора выветривания	Кальцит, кварц, иллит (сл.)
№ 5	Васильевский карьер (темный глинистый грунт)	Кварц, кальцит, иллит, альбит (сл.), КПШ
№5, отмученная	Васильевский карьер (темный глинистый грунт)	Кварц, кальцит, иллит-монтмориллонит, альбит (сл.), КПШ
№ 8	Водохранилище «Бутылка» (светлый глинистый грунт)	Кальцит, кварц, гидрослюдя
№8, отмученная	Водохранилище «Бутылка» (светлый глинистый грунт)	Кальцит, кварц, иллит-монтмориллонит, альбит (сл.)

Примечания:

* п.п.п – потери при прокаливании ($T=400^{\circ}\text{C}$, 2 часа);

** повышенные значения, возможно, связаны с разложением органики, которая не зафиксирована на рентгеновском спектре.

Отсюда возникли многие проблемы при эксплуатации сооружений. Камни, которые сохранились в нижних частях стен, ориентированных поперек склона (перпендикулярно естественному стоку поверхностных вод), дали крен, что могло привести к полному разрушению постройки. В крепостной стене (и не только) глинистый материал использовался в качестве цемента. Переувлажнение грунтов и стен приводило к повышению пластичности глин и смешению блоков, как по грунту, так и относительно друг друга. В какой-то момент стена теряла устойчивость и разрушалась. Для размокания глинистых грунтов в основании Раевского городища необходимо значительное

На юго-восточных рубежах азиатского Боспора

увлажнение, которое обеспечивали неправильная планировка территории и влажный климат.

Полезные ископаемые. В последние годы был проведен анализ геологического строения с целью определения полезных ископаемых, которые могли использоваться античным населением для строительства и гончарного производства.

В 2002-03 гг. были проведены исследования минерального состава глинистых грунтов, встреченных при раскопках памятников, принадлежащих к комплексу Раевского городища. Их результаты приведены выше. Из них видно, что отсутствие глинистых минералов делает эти породы непригодными для производства керамических изделий. Когда эти породы использовали в качестве цемента между блоками каменной кладки в сооружениях, возникали деформации, которые могли приводить к разрушению построек.

В строительстве античных сооружений использованы песчаники и известняки. Они более пригодны для создания долговечных построек, чем другие породы, присутствующие в геологическом разрезе коренных отложений. Одно из возможных мест древних каменоломен находится в настоящее время на дне водохранилища у основания склона городища.

O.E. Вязкова, Н.С. Третьюхина (Москва)

Юго-восточная периферия
азиатского Боспора
в римское время
(I-III вв. н.э.)

МЫСХАКОСКОЕ ПОСЕЛЕНИЕ – АНТИЧНЫЙ ЦЕНТР БАТА НА ТОРЕТСКОМ МЫСУ

Впервые о находках древностей античного времени в окрестностях Мысхако было упомянуто В.И. Сизовым, который в 1886 году обследовал активно осваиваемые в это время районы Северного Кавказа. Владельцем одного из расположенных здесь сельскохозяйственных имений М.Ф. Пенчулом была собрана коллекция предметов античной эпохи, найденных при подготовке земли для устройства виноградников.

Систематические раскопки на памятнике были начаты в г. Н.А. Онайко были обследованы основные составляющие этого комплекса. Результаты исследований открытых Н.А. Онайко на этой территории поселения и могильника были подведены в начале 80-х гг.

Новым этапом в изучении памятника, расположенного в окрестностях Мысхако, явились крупномасштабные археологические работы, которые проводились здесь в 90-е гг.

Памятник расположен к юго-западу от Цемесской бухты, у подножия горы Колдун (Мышхако) на берегу Черного моря на двух небольших возвышенностях (западный и восточный холмы), разделенных естественной ложбиной. С запада памятник ограничен рекой Мысхако. Восточная граница памятника на сегодняшний день неясна. По мнению Н.А. Онайко, размеры памятника - 200x500 м. В древности поселение носило название Бата (Мышхако (Бата – деревня античных источников этого времени (Strabo., XI, 2,14; Ptol., V, 8,8). Одна из этих возвышенностей (Восточный холм) когда-то глубоко врезалась в море¹⁷ и была заметным ориентиром для мореплавателей, поэтому вполне могла носить название в античную эпоху Торетский мыс (Дмитриев А.В., 2003, с. 70-72).

Н.А. Онайко было высказано предположение, что “какая-то часть берега поглощена морем; поэтому в глубь материка поселение, по-видимому, занимало большую территорию, чем в настоящее время”. В виду того, что памятник расположен в зоне активного контакта суши и моря, где бурно протекает процесс абразии, разрушение земной поверхности волноприбойной деятельностью, происходит в относительно короткий геологический период, что приводит к значительным ландшафтным изменениям.

Активность процесса абразии на этом участке побережья отмечена давно. В частности, согласно свидетельству одного из землевладельцев, имевшего усадьбу под Новороссийском (начало XX в.): “море ежегодно отмывает от берега слой земли толщиной около четверти аршина ($1/4$ аршина = 17,8 см)”.

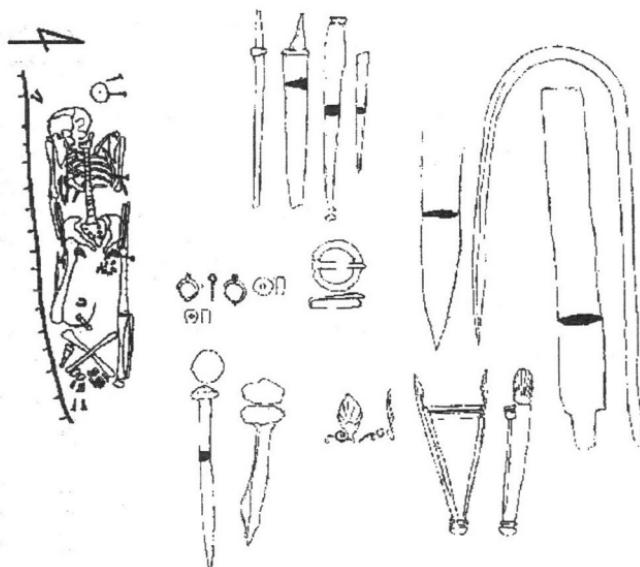
Результаты раскопок, что античный поселок на Мысхако был основан еще в I в. до н.э. на Восточном холме. Постройки из камня или на каменных основаниях на Восточном холме были сооружены с соблюдением принципов гипподамовой планировки и ориентированы по сторонам света.

Исследования Западного холма были начаты Н.А. Онайко в 1965-1966 гг. В раскопах, разбитых в верхней части склона, был выявлен культурный слой мощностью до 1 м, на большей части площади он был нарушен при проведении здесь плантажной распашки. Каменные постройки в этой части поселения почти полностью отсутствовали. Лишь в его прибрежной части были обнаружены остатки каменной

¹⁷ К сожалению, до нашего времени в результате мощной морской абразии сохранилось в лучшем случае лишь третья часть памятника.

кладки: стена, шириной около 2 м и длиной около 14 м, была сооружена из массивных камней, большей частью морских валунов, близких к правильной форме, на культурном слое античной эпохи I-II в. н.э.

Ниже, как показали раскопки 2001-2002 гг., располагались остатки сооружений (очаги, вымостки, хозяйствственные ямы) поселения I в. н.э., среди которых были открыты погребальные комплексы раннеримского времени. Синхронные и, судя по различной ориентировке и инвентарю, более поздние захоронения разбросаны по подножию склона, что свидетельствует о довольно резких изменениях ситуации на поселении на протяжении всего периода его существования.

Захоронение на Мысхакском некрополе (раскопки Н.А. Онайко)

Наиболее типичными объектами на Западном холме оказались хозяйствственные ямы, впущеные в материковый суглинок. Ямы рассредоточены по исследуемому пространству неравномерно (между скоплениями ям прослежены довольно значительные практически пустые пространства), что позволяет предположить их связь с определенными жилыми и хозяйственными комплексами. Формы ям, а также характер их заполнения имеют некоторые различия. К хозяйственным можно отнести ямы грушевидной или колоколовидной в разрезе формы. Во многих из них обнаружены своеобразные крышки - массивные песчаниковые плиты размером около $0,5 \times 0,6 \times 0,15$ м с окатанными морским прибоем ребрами.

Кроме того на Западном холме было открыто скопления обожженной глиняной обмазки с отпечатками прутьев диаметром 1.8-2 см и плоских деревянных плах. По всей видимости, эти завалы являлись остатками турлучных жилых комплексов.

Мыхакский некрополь – могильник эпохи античности очень обширен. Систематические работы на некрополе были начаты Н.А. Онайко. Ею исследован

На юго-восточных рубежах азиатского Боспора

участок могильника, расположенный в прибрежной части, между Западным и Восточным холмами. Погребения эпохи античности здесь соседствовали с погребальными комплексами эпохи бронзы.

Как и могильники раннеримского времени в Широкой балке, в долине рек Цемес и Озереяка отразили резкую смену культурных традиций, связанную с интенсивными этническими передвижениями на рубеже эр.

Доля погребений раннеримского времени среди античных погребений некрополя Мысхакского поселения относительно невелика, они рассредоточены вдоль береговой полосы, у подножия Западного и Восточного холмов, что свидетельствует о значительных размерах памятника в это время. Как правило, ранние погребальные комплексы ориентированы в восточном секторе. Западная ориентировка на Мысхакском некрополе, как и на некрополях других могильников этого региона (в долинах рек Цемес и Озереяка, в Широкой Балке) получает распространение с середины – второй пол. I в. н.э.

Погребальные комплексы Мысхакского некрополя, исследованные Н.А. Онайко

№	Оrient.	Посуда леп.	Припасы	Посуда круг. и мет.	Кости жив.	Посуда стк.	Монеты	Оружие	Осколк	Нож	Гвозди	Галька	Украшения	Итальник	Терракота	Фибула / Пряжка	Дата
4		3						M			13		Пд(2), Бу			Пр (1)	I в. до н.э.- I в.н.э.
6		ЗС3															
7		ЗС3											Пд (1)			Пр (1)	I в.н.э.
8	3	2															
9		1											Бу				
10		Ю3		1	1						2		П (1), Бу	1		Ф (2)	II в. н.э.
11		3	1										Бу Бл (?)			Ф (1)	I в. до н.э.- I в. н.э.
12	3		1 (кр), 1 (ср)	+ 1	1	K (1) M (1)		1	2	6			Бу	1		Пр (1), Ф (1)	втор. пол. I в.н.э.
13	3												П (1) Бу				II в.н.э.
14	3																
15		ЗС3	1 (кр.)			K (1)				1			Бу Рк (3) Пд (1)			Пр (1)	I в.н.э.
16		ЗЮ3											П (2) Пд (2) Бу			Ф	I - II в.н.э.
17	3				1								Бу				I - II в.н.э.
18		ЗЮ3															
19	Ю3					8			1				Рк (3)	1		Пр (1)	втор.-

На юго-восточных рубежах азиатского Боспора

											пол. I В. н.э.
20										П (1) Рк (5) Бу	1
21	3										Ф (2)
22										П (3) Бр.(2) Бу С (1)	
27		B	1								Ф (1)
28	3?									Бл.(6)	
29	3С3			1						Бл. (7)	Пр.(1)
30										Бу Бл (1) Пр (1) С (1)	
33	3		2 (кер.)				1			П (1) Бу	Пр (1)
34									+	К (1) П (1) Бу С (1)	
35	3									Бу	Ф (1) В. н.э.
36	ЮЮЗ						1			П(1) С(2) Бу	Ф (1)
37	3										
41		3	2	1	1	K(1) M(1)	1			Бл. Бу	втор.- пол. I В. н.э.
48	3С3		1							П (1)	Ф (1)
50										П (1) Бл. Бу ПД.	
57		3С3	1	1			1			С (1)	Ф (1) В. н.э.
59	ЮВ				1						И В. н.э.
60		3	1	1			1			П (2) Бу	
66			1								

А.В. Дмитриев (Новороссийск), А.А. Малышев (Москва)

**ПОГРЕБЕНИЕ РАННЕРИМСКОЙ ЭПОХИ
НА ТОРЕТСКОМ МЫСУ**

Поселения Мысхако расположено на черноморском побережье к юго-западу от Цемесской бухты, у подножия горы Колдун (Мыхако) на двух небольших возвышенностях (западный и восточный холмы), расположенных полукольцом на берегах небольшой бухты и разделенных между собой естественной ложбиной. В древности поселение носило название Бата (Гайдукевич В.Ф., 1949, с.220; Вязкова О.Е., Дмитриев А.В., Малышев А.А., 2001, с.205). Одна из этих возвышенностей (Восточный холм) когда-то глубоко врезалась в море¹⁸ и была заметным ориентиром для

¹⁸ К сожалению, до нашего времени в результате мощной морской абразии сохранилось в лучшем случае лишь третья часть памятника.

мореплавателей, поэтому вполне могла носить название в античную эпоху Торетский мыс.

В данной статье публикуются материалы исследования захоронения, открытого в западной части раскопа 2002 г. на Восточном холме поселения Мысхако, который был разбит в целях определения границ каменной застройки. Первоначально он был зафиксирован как большая яма, судя по характеру заполнения (печина, обмазка, амфорный бой), хозяйственного назначения. Для того, чтобы не разбивать комплекс находок, была предпринята попытка выбрать ее целиком, углубляясь под стенку раскопа. Однако, в ходе расчистки были обнаружены человеческие кости в антропологическом порядке. Тогда по всем правилам была сделана небольшая (1,45x2 м) прирезка, балласт (около 1 м) и культурный слой (до 0,8 м) были разобраны, само погребение, получившее порядковый номер 3, расчищено и зафиксировано.

Погребение¹⁹ было совершено в неправильно-подпрямоугольной могильной яме размерами - 1,95 x 0,87-0,50 м (по дну). Ось ямы ориентирована по линии З-В. Восточный конец ямы округлен, ЮЗ ее угол достаточно тупой, а северо-западный – подчеркнуто заостренный. Стенки отвесные, образуют с дном почти прямой угол. Само дно несколько повышается к З или к голове погребенного. Заполнение состояло из очень плотного мергелево-известковистого суглинка с большим количеством морской гальки и щебня от разрушенного скального гребня. В верхней части заполнения встречались фрагменты коричневоглиняных колхидских амфор, обломки придонной части и донца небольшого пифоса или корчаги, фрагменты бортика и турова кружальной коричневоглиняной миски. Под костяком на самом дне могилы обнаружены фрагмент сероглиняной миски и фр-т донца лепного сосуда, вероятно, попавшие сюда из культурного слоя поселения.

На дне расчищен костяк мужчины в возрасте более 50 лет²⁰, захороненного в вытянутом положении на спине, головой к западу. Череп слегка приподнят, раздавлен, склонился к левому плечу и лежал, вероятно, лицевой частью вверх. Позвоночник дуговидно изогнут, кости грудины смешены вправо от него. Тазовые кости раздавлены. Руки вытянуты и плотно прижаты к туловищу. Правая кисть с расправлennыми пальцами лежала вплотную к правому тазобедренному суставу. Левая кисть находилась на левом крыле таза. Вытянутые ноги упирались стопами в восточную стенку ямы. Они слегка сближены в коленях, берцовье кости параллельны друг другу.

За черепом погребенного, между ним и С3 углом ямы лежал на боку горлом на восток целый стеклянный бальзамарий из зеленоватого прозрачного стекла, покрытого серебристой патиной (высота – 9.8 см). Горло довольно короткое, сужается к основанию (высота – 4 см), край (диаметр – 2.2 см) сложен вдвое и горизонтально отогнут наружу, с коническим туловом (диаметр основания – 4 см). Справа от черепа и вдоль правой руки лежал железный меч с кольцевидным навершием (длиной - 68 см) под треугольным узким перекрестием и широким лезвием. Кисть правой руки погребенного перекрывала оконечность клинка.

Южнее меча, почти вплотную к нему, стоял в наклонном положении сероглиняный гончарный столовый кувшин (высотой – 19.6 см, диаметр устья – 8.4 см, диаметр

¹⁹ Это третье античное захоронение на площади поселения на "Восточном холме". Погребения 1 и 2 были раскопаны в 1991 г.

²⁰ Определение д.и.н. М.В. Козловской.

основания – 7 см) с плоской вертикальной ручкой. Между тазовых костей, на крестце, лежал железный нож (длиной – 12.4 см, длина лезвия – 9.2 см) с прямым лезвием и горбатой утолщенной спинкой. Здесь же, в районе тазовых костей, при разборке костяка обнаружены точильный бруск из песчаника. Бруск, судя по остаткам темно-коричневого тленя, находился в кожаном футляре. Похоже даже, что в этом же футляре были медная монета (диаметром – 2.5 см) и бронзовая поясная подвеска и описанный выше железный нож.

Кроме того, еще в процессе выборки заполнения могилы в восточном ее конце, примерно в 0.20 м выше дна были найдены четырехгренное бронзовое шило (длиной – 4.8 см) (рис. 3, 9), серебряная пряжка (размером 2.4x4.8 см), серебряная подвеска от пояса (длиной – 3.2 м) и небольшая бронзовая лучковая фибула (длиной – 4.4 см), безусловно входившие в состав погребального инвентаря данного комплекса. Проанализируем материалы погребения позволяющие продатировать момент погребения. Серебряная пряжка с горизонтальной прямоугольной рамкой и подвижным язычком датируется согласно довольно многочисленным аналогиям в некрополях Крыма и Северного Кавказа I - началом II в. н.э.

Фибула бронзовая проволочная лучковая небольших размеров одночленная подвязанная с узкой ножкой варианта 1 по А.К. Амброзу датируется второй пол. I в. до н.э. - первой пол. I в. н.э.

Мягкие очертания конического туловища, форма которого явно близка к грушевидной, а также пропорции сосуда (короткое горло, составлявшее, по-видимому, половину общей высоты сосуда) позволяют отнести бальзамарий из данного погребения к варианту А, датируемому второй - третьей четвертью I в. н.э.

Железный меч с кольцевидным навершием распространяется с рубежа н.э. и может продатирован в пределах I в. н.э.

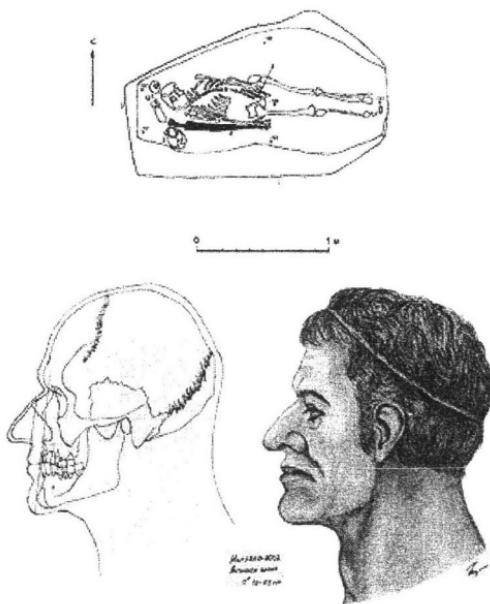
Важное значение имеет обнаруженная в погребении бронзовая монета (номинал – обол) – первоначальный тип, датирующийся после 63 г. до н.э.: л.с. голова Диониса вправо, о.с. горит, рядом слева должна быть монограмма²¹. Монета была перечеканена сначала типом: л.с. голова Аполлона, вправо, о.с. орел на молниях надпись [ΠΑΝΤΙΚΑΡΑΙΤΩΝ], затем типом: второй пол. I до н.э.: л.с. голова Асандра вправо, о.с. прора влево [надпись ΑΡΧΟΝΤΟΣ ΑΣΑΝΔΡΟΥ].

Таким образом, периоды бытования основных составляющих комплекса позволяют продатировать момент захоронения серединой – второй пол. I в. н.э., что не позволяет отнести этот комплекс к наиболее ранним на Мысхакском некрополе. Доля погребений раннеримского времени среди античных погребений некрополя Мысхакского поселения относительно невелика, они рассредоточены вдоль береговой полосы, у подножия Западного и Восточного холмов, что свидетельствует о значительных размерах памятника в это время²². Как правило, ранние погребальные комплексы ориентированы в восточном секторе. Западная ориентировка на Мысхакском некрополе, как и на некрополях других могильников этого региона (в Цемесской долине и в Широкой Балке) получает распространение с середины – второй пол. I в. н.э. С аборигенным,

²¹ Авторы статьи выражают искреннюю благодарность д.и.н. Н.А. Фроловой, определившей монету.

²² Отдельные погребения обнаружены и гораздо выше по склону.

керкето-торетским субстратом данный погребальный комплекс сближает выявленная арочная сточенность зубов²³.

Захоронение на Восточном холме. Графическая реконструкция погребенного
(выполнена Т.С. Балуевой)

Как уже отмечалось выше, захоронение было совершено в культурном слое поселения раннеримского времени. Использование территории поселения, даже периферийной ее части, под некрополь может свидетельствовать о серьезном изменении режима функционирования поселения: о какой-то экстремальной ситуации, вынудившей захоронить умершего в "неположенном" месте или сокращении размеров, или даже кратковременным запустением на поселении в этот период²⁴.

А.Н. Гей, А.А. Малышев, Е.И. Савченко (Москва)

²³ По наблюдениям д.и.н. М.Б. Медниковой, на протяжении всего зубного ряда у этого мужчины наблюдается сильная функциональная стертость зубов, особенно выраженная на верхних передних зубах (резцы) и на молярах нижней челюсти. Не исключено, что такая сильная стертость обусловлена не только механической нагрузкой, а особенностями прикуса.

²⁴ Подобные явления не единичны. В частности, исследованиями в 1996, 2002-2003 г. выявлены культурные слои раннеримского времени у подножия Западного холма, которые разрушили отдельные погребения некрополя этого же периода.

МНОГОВЕКОВАЯ ИСТОРИЯ ЦЕМДОЛИНСКОГО ПОСЕЛЕНИЯ

Детальное комплексное исследование двух участков расположенных в непосредственной близости, но на различных элементах рельефа (один расположен выше другого) позволило реконструировать хронологическую последовательность этапов освоения территории, особенности природно-климатической обстановки и хозяйственно-поселенческой активности во второй половине голоцене.

Для удобства описания шурф под башней в тексте обозначен как р.1, а шурф в стенке траншеи – р.2. Р.1 располагается выше по рельефу, чем р.2.

Начало обживания территории – середина голоценена, эпоха энеолита (находка отщепа на глубине 65см от начала каменной кладки в р.1). Радиоуглеродной даты на эту глубину пока отсутствует, но, судя по глубине и остальным датировкам, возраст слой не менее 3-3,5 тыс. до н.э.

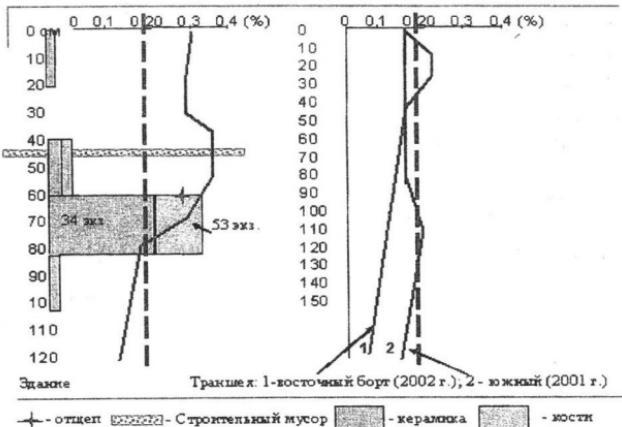
Начиная с этого времени участок интенсивно и активно осваивается. Об этом свидетельствует резкое нарастание значений валового фосфора в толще профиля. Интенсивность обживания нарастает до приблизительно 3850 - 3900 лет назад. Согласно спорово-пыльцевому анализу²⁵, округа характеризовалась как открытая местность с отдельными участками, заросшими дубом и, по понижениям, лещиной, ивой, липой. Территория интенсивно распахивалась, выращивались зерновые и пропашные культуры.

В период порядка 3850-3900 лет назад произошла природная катастрофа, скорее всего, прошел микроселевый поток, поскольку в обоих разрезах прослеживается плотный прослой щебня. Его мощность возрастает от р.1 к р.2, что типично для разноуровневых участков.

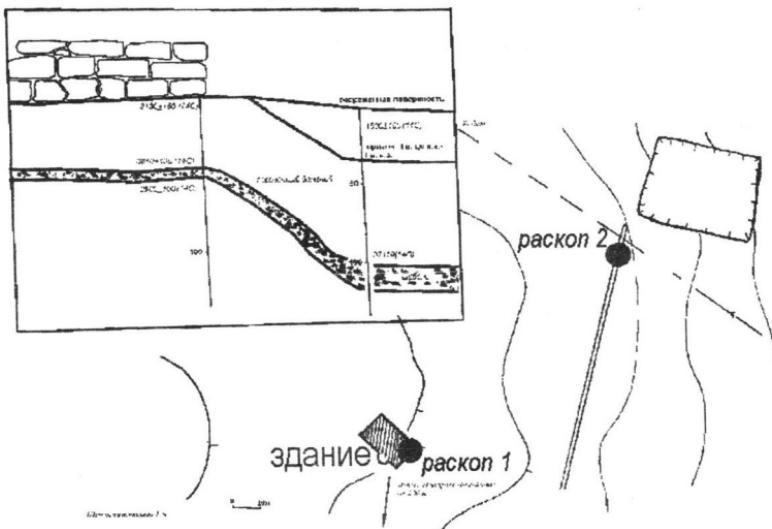
Катастрофа резко изменила природу и жизнь региона: были уничтожены многие деревья (фиксируется уменьшение доли древесной пыльцы в спектре после катастрофы), посевы культурных растений (доля пыльцы злаков среди всей травянистой пыльцы, уменьшилась с 40% до 11%), хозяйственная деятельность прекратилась, поля заросли сорняками, участок был некоторое время заброшен (содержание валового фосфора в образце над щебнистым прослоем составляет 0,28%, в то время как в образце под ним было устойчиво - 0,37%).

Затем вновь территория заселяется, восстанавливается природа, возобновляется хозяйственная активность. Эпоха бронзы характеризуется находками развалов сосудов в р.2. Восстанавливается древесная растительность в низинах (выявлена пыльца ивы, граба, липы, дуба, лещины), распахиваются поля (доля пыльцы злаков в спектре постепенно возрастает с 18 до 30%), отстраиваются жилища (значения валового фосфора так же возрастают, достигая 0,35%). На участке р.1 в позднюю бронзу была пашня, агрогенная эрозия способствовала перемещению мелкозема вниз по склону. Происходила нивелировка местности – участок р.1 становился ниже за счет сноса материала, а участок р.2, наоборот, выше – за счет привноса и накопления мелкозема сверху (данные биоморфного анализа).

²⁵ Материалы проанализированы в Лаборатории естественно-научных методов ИА РАН к.и.н. Е.А. Спиридоновой

В римское время (1 в до н.э. – 1 в н.э.) на эродированной старопахотной почве (результаты почвенного и фитолитного анализов) была построена крепость. Камни фундамента сохранили информацию о предыдущих этапах развития участка, «законсервировав» поверхность, сохранив от дальнейших эрозионных сносов. Участок р.2 не был перекрыт, что позволило накопить информацию о развитии территории за последние 2000 лет.

В античное время участок также был заселен. Здесь (на месте р.2) была периферия, КС формировался как *in suti*, так и за счет делювиального сноса с открытых участков.

Впоследствии территория была заброшена, заросла сорной растительностью.

Таким образом, данные полученные по обоим участкам позволили расширить и дополнить информацию каждого из них. Можно уверенно говорить о длительном и интенсивном хозяйственном использовании территории. Причем, интенсивность периода до катастрофы была не ниже, а, скорее всего, выше, чем после нее. Прошедшая около 3850-3900 лет назад природная катастрофа (сход селя) вызвала существенные изменения природного и хозяйственного ландшафтов. Изменения не носили необратимого характера и, спустя годы, все восстановилось. Сход селевых потоков сейчас связывают с мощными проливными дождями при общей повышенной увлажненности. Возможно, в конце 2 тыс. до н.э. было несколько очень дожливых сезонов, что спровоцировало подвижку грунтов.

Земли были благоприятны для хозяйствования в течение всего исследованного временного периода, поскольку погребенная под каменной кладкой почва сохранила информацию о длительном и интенсивном землепользовании.

А.А. Гольева, А.А. Малышев (Москва)

УЧАСТОК БОСПОРСКОЙ СИГНАЛЬНО-СТОРОЖЕВОЙ СИСТЕМЫ НА ПОЛУОСТРОВЕ АБРАУ: РЕЗУЛЬТАТЫ КОМПЛЕКСНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ

Наиболее значительные изменения в системе расселения произошли в предгорьях, на юго-восточной окраине Боспора в раннеримскую эпоху. Они характеризуются дальнейшим распространением боспорских поселений за Навагирский хребет, что засвидетельствовано наличием укрепленных усадеб, в основе которых - башня на мощном каменном цоколе.

Проведенные нами исследования подтверждают мнение о существовании единой сигнально-сторожевой системы на азиатском Боспоре в раннеримское время. Ее составной частью являются башенные сооружения, расположенные на полуострове Абрау. На северо-западе она непосредственно связана с горгиппийским участком.

На настоящий момент можно говорить с разной степенью уверенности о 13 из существовавших в прошлом башен: Озереевка (в Южной Озереевке), Сапун, Лиманчик, Владимировка, Цемдолина, Цемесская (в Цемесской роще), Гудзева (на Гудзевой горе), Раевское 12, Раевская, Натухаевская, Дубки, Козлятник и Пивни. Многие башни в связи с хозяйственным освоением территории разрушены полностью (в Южной Озереевке, на Гудзевой горе и, по всей видимости, ряд других, к сожалению, нам не известных).

Благодаря имеющимся у нас плану башни по результатам раскопок и схеме реконструкции башни мы имеем представление о размерах и внешнем виде башенного сооружения.

Одна из значительных по площади башен на территории юго-восточной периферии Боспора была построена в самом высокой точке Раевского городища, в северо-северо-восточном его углу. Здание состояло из трех помещений (M, N, R) с апсидообразной пристройкой.

Сигнально-сторожевая башня представляла собой трехэтажное сооружение высотой 9-10 м, длина стен составляла около 13 м, а ширина 10,7 м. К этой части сооружения примыкала одноэтажная пристройка, имеющая длину 13 м, а ширину 8,3 м. Вход в башню, располагавшийся со стороны пристройки, с внешней стороны был защищен каменной стенкой дугообразной формы, имеющей высоту около 1 м. Башня с пристройкой имела примерно следующие размеры в плане: длина 19 м, ширина 13 м.

Первый этаж башни и пристройка были каменными и строились, чаще всего из песчаников и известняков. Последующие два этажа башни слагались из сырцового кирпича. Толщина стены башни составляла 1,1-1,2 м по основанию у первого этажа и 0,8 м у последующих этажей.

Одной из целей обследования мест расположения башенных сооружений была оценка инженерно-геологического аспекта условий их размещения. Из компонентов инженерно-геологических условий, влияющих на строительство и эксплуатацию инженерных (фортификационных) сооружений нами рассмотрены на данный момент рельеф, геологическое строение, гидрогеологические условия и экзогенные геологические процессы (ЭГП).

Не все участки расположения башен исследованы с одинаковой детальностью. Приведем описание наиболее полно обследованных памятников.

Башня Лиманчик. Свое название башня получила от пресноводного бассейна, отделенного от Черного моря пересыпью. Сигнально-сторожевая башня Лиманчик была построена на крупном сейсмо-гравитационном оползневом теле, которое располагается у южного окончания озера Абрау. Этот оползень в верхнечетвертичное время перегородил древнюю долину реки Абрау, в результате чего образовалось озеро Абрау. Объем массы Абраусского оползня достигает 200 млн.м³ при следующих размерах: длина смещенной части хребта составляет почти 2 км, при ширине до 800 м, а максимальная мощность перемещенных пород достигает 250 м. Отложения, слагающие тело сейсмо-оползня характеризуются повышенной трещиноватостью, а у внешнего его края полностью раздроблены и потеряли свой первоначальный структурный облик. Абсолютная отметка месторасположения башни составляет около 160 м. Башня Лиманчик была построена на почти горизонтальном мысообразном выступе северо-западного склона оползневого тела. Крутизна склона составляет 35°. Ось мыса, на котором располагалась сигнально-сторожевая башня Лиманчик, ориентирована с северо-запада на юго-восток. Выровненная площадка, на которой было построено башенное сооружение, имеет размеры 20x50 м.

В качестве строительного материала при возведении башенного сооружения могли служить песчаники и известняки навагирской свиты. Выходы отложений навагирской свиты прослеживаются на расстоянии менее 1 км к северо-востоку от места расположения башни Лиманчик, в долине озера Абрау.

В настоящее время достоверно неизвестно, как осуществлялось водоснабжение башни Лиманчик, но можно предполагать, что из трещин в

оползневом теле вытекал родник или ручей, образовавшийся после фильтрации воды из озера Абрау сквозь оползневое тело. Воды ручья или озера Абрау могли служить основными водными источниками для жителей башенного сооружения.

Башня Сапун располагается на северо-западном склоне горы Сапун, имеющей абсолютную отметку 483 м. Крутизна склона 40°. Абсолютная отметка месторасположения башни составляет 350 м.

Башня располагается на плоской площадке размером примерно 50x100 метров, в настоящее время со всех сторон окруженной высокими деревьями, которые в прошлом вырубались по линиям визуального наблюдения за другими сигнально-сторожевыми башнями. В 2001 г. "черные археологи", принявшие скрывавшую остатки башни высокую насыпь за курган, варварским образом при помощи бульдозера перекопали большую ее часть, разрушив башенное сооружение. Кладка стен башни Сапун, по сравнению с другими исследуемыми нами башенными сооружениями, все же достаточно хорошо сохранилась на высоту более 1,2 м. При обследовании было отмечено, что кладка стен башни Сапун представлена относительно мелкими блоками известняков и крупными – песчаников. Лицевая кладка стен слагалась крупными, имеющими правильную форму тесаными блоками известняков и песчаников, а забутовка состояла из более мелкого, неправильной формы каменного материала и глинистого раствора.

В качестве строительного материала при возведении башни могли использоваться, наиболее вероятно, прослои окремненных песчаников свиты сукко, обнажения которых прослеживаются на расстоянии менее 2 км к юго-западу от места расположения башни у родника в верховьях правого притока Широкой Балки.

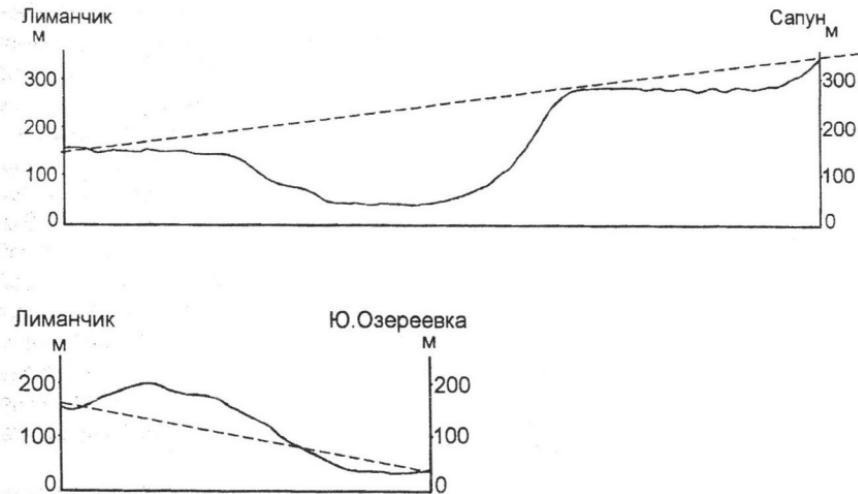

Рис. 1. Продольные профили между участками расположения башен, по которым определялась возможность прямой видимости между ними.

В качестве источника водоснабжения жители башни, по предположению А.В. Дмитриева, использовали родник, располагавшийся на склоне горы Сапун. Поскольку

число охранников сигнально-сторожевых башен обычно не превышало 15 человек, дебит родника вполне мог удовлетворять их потребности в водоснабжении.

Владимироеская башня располагалась в устье Цемесской долины, на плоской площадке, абсолютная отметка ее составляла около 100 м. Один из таких близлежащих холмов закрывал вид с башни Владимировка в сторону башни на горе Гудзева. Владимировская башня стоит на отложениях лихтеровской и васильевской подсвиты. Мергели залегают в виде мощных слоев, достигающих мощности 0,4-1,6 и даже 2 м. Четвертичные отложения, представленные делювием в виде щебнистых суглинков мощностью 0,2-0,4 м, в виде прерывистых шлейфов протягивающихся у оснований склонов холмов, в месте расположения здания отсутствуют. В качестве строительного материала при возведении башни использовались, вероятно, окремненные песчаники свиты Сукко, поскольку в месте ее расположения они являются наиболее доступными по добыче и транспортировке с точки зрения инженерно-геологических свойств и удовлетворяют прочностным характеристикам, необходимым при возведении башенного сооружения. Вполне возможно, что стройматериалы доставлялись к зданию со стороны башни, находившейся на горе Гудзева, на расстоянии 3 км от нее, путем переправки по тальвегу оврага, а затем по левому берегу р. Цемес.

Водоснабжение сигнально-сторожевой Владимировской башни осуществлялось из р. Цемес, протекающей в 50 м к юго-западу от предполагаемого месторасположения башни.

Башня Гудзева располагалась на горе Гудзева, на самой ее вершине, и имела абсолютную отметку 425 м. Ось мысообразного выступа, на котором, вероятно, располагалась башня, ориентирована с северо-востока на юго-запад. В настоящее время на месте бывшего расположения башни находится действующая каменоломня. Остатки башни, по-видимому, были разрушены во время строительства каменоломни.

Основанием сигнально-сторожевой башни Гудзева служат отложения свиты Сукко, представленные ритмичным чередованием окремненных песчаников, алевролитов, мергелей и глин. Окремненные песчаники, наиболее вероятно, и использовались в качестве строительного материала при возведении сооружения. Четвертичные отложения, представленные элювием со щебнем подстилающих пород, в месте расположения башни, на вершине горы, имеют очень незначительную мощность (до 0,4 м).

С вершины горы Гудзева берут начало три реки: Цемес, Большая и Малая Озерейка, которые, по нашим предположениям, служили в историческом прошлом источником водоснабжения для охранников башенного сооружения.

Башня Пивни. Развалины башни Пивни скрыты под курганообразной насыпью высотой около 2,5 м. Размер насыпи составляет около 15 м в диаметре. При шурфовке насыпи был выявлен слой пожарища и завал от каменной конструкции и получен археологический материал рубежа эр. В настоящее время на этом возвышении находится постройка XX в. Абсолютная отметка башни Пивни составляет 111 м. Насыпь, скрывающая развалины башни Пивни, сложена продуктами ее разрушения. Основанием башни служат отложения лихтеровской и васильевской подсвиты. Прослои мергелей имеют мощность 0,4-0,6 м, иногда до 2 м. При возведении башни в качестве

строительного материала использовались, вероятно, известняки свиты мысхако, которые выходят на поверхность по долинам рек и ручьев на расстоянии менее 1 км к северу от места расположения башни.

На расстоянии 10 м к кургanoобразной насыпи, скрывающей развалины башни Пивни, примыкает каменно-набросная плотина, создавшая водохранилище на месте впадения в реку Маскагу двух безымянных водотоков, в историческом прошлом и служивших, вероятно, источниками водоснабжения для жителей башни.

Цемдолинская башня. Месторасположение сигнально-сторожевой Цемесской башни в настоящее время представляет собой выровненную площадку, расположенную в долине реки Цемес, на ее левом склоне. Есть сведения, что подобное сооружение могло быть построено еще ближе к побережью, в Цемесской роще. В результате активной хозяйственной деятельности человека в настоящее время трудно судить о том, какие грунты служили основанием сигнально-сторожевой башни в историческом прошлом. Сведения относительно грунтов основания башни довольно противоречивы. В качестве строительного материала при строительстве башни, предположительно, могли использоваться песчаники свиты сукко (по свидетельству археологов многие блоки в кладке стен башни Цемдолина крупные, ровные и прочные, что характерно только для песчаников), хотя они и располагаются далеко от места нахождения башни (г.Гудзева). Другим источником строительного материала могли служить известняки свиты мысхако.

Река Цемес, располагающаяся в 30 м к северо-востоку от башни, служила в прошлом источником водоснабжения для охранников башенного сооружения.

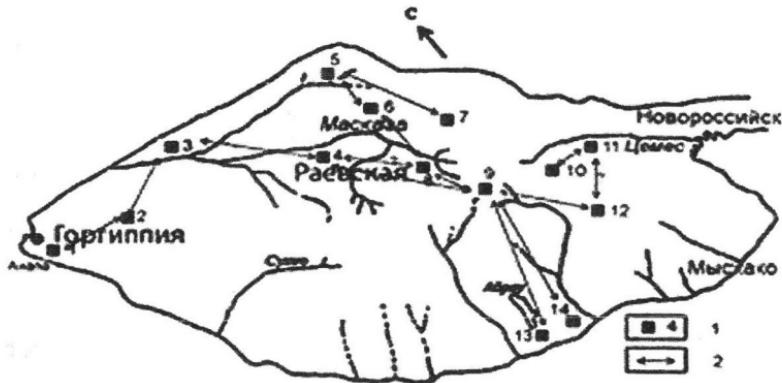

Рис.1. Расположение сигнально сторожевых башен на полуострове Абрау. 1 – башня и ее номер, 2 – направления прямой видимости между башнями. Названия башен: 1 – Анапа, 2 – Анапская, 3 – Рассвет, 4 – Раевская, 5 – Натачайевская, 6 – Дубки, 7 – Козлятник, 8 – Пивни, 9 – Гудзева гора, 10 – Владимировка, 11 – Цемдолина, 12 – Сапун, 13 – Лиманчик, 14 – Озерейка.

Большая часть башен расположена отдельно (без связи с инфраструктурой синхронных поселений) на склонах, относительных или абсолютных возвышенностях. В подавляющем большинстве случаев избранные для строительства участки

неблагоприятны для постоянного проживания, так как находятся на крутых склонах и значительном удалении от надежных (постоянных и многоводных) источников водоснабжения.

Такое расположение заставляет предполагать иное, нежели селитьбенное назначение башен. Контроль многими башнями господствующих высот позволяет думать об их стратегическом назначении: сторожевом и, весьма вероятно, сигнальном.

Нахождение башен в труднодоступных местах исключает возможность быстрой и безопасной передачи сообщения с гонцом. В то же время световой или дымовой сигнал мог быть передан по системе почти мгновенно. Нами был проведен анализ возможной прямой видимости между башнями, исходя из предположения, что они должны были не только отслеживать ситуацию, но и иметь возможность оперативно передавать полученную информацию.

Очевидно, что в настоящее время нам известны далеко не все башни, входившие некогда в систему. Однако имеющихся сведений ужеказалось достаточно для того, чтобы замкнуть в единую цепь Анапу и район побережья у Новороссийска. На схеме взаимной видимости башен хорошо прослеживается, что с каждой из них видно как минимум две другие постройки (рис. 2). Карта взаимной видимости башен составлена на основании продольных профилей, построенных между всеми башнями попарно. На рис. 1 приведены образцы таких профилей.

Таким образом, мы получаем замкнутую систему передачи информации от крупного городского центра Горгиппии (Анапа) к поселениям в районе Раевской крепости (равнина в бассейне Маскаги и Котламы контролируется несколькими башнями) и далее в Цемесскую долину, Широкую балку, Озеревку, долину озера Абрау и Лиманчик. Справедливо также и обратное: любые непорядки в горах или на удаленном побережье быстро становились известны в центре, что позволяло принять необходимые меры.

Большая часть башен южной ветви находится в труднодоступных, крайне неудобных для жилья условиях, что подтверждает цель строительства. Подсобные хозяйства возникали только на равнинных участках вокруг некоторых башен северной ветви. Разрастание инфраструктуры прослежено только на поселениях Цемесской долины.

О.Е. Вязкова, А.А. Малышев (Москва)